Владислав Надеждин

Государевы люди

Особое мнение

Уголовное право

Гражданское право

История права

Владислав Надточий

Государевы люди. Особое мнение

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Государевы люди. Особое мнение / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Что делать, если одна ваша подпись способна изменить судьбу страны? А если документ, которого вы никогда не подписывали, уже стал основанием для смертных приговоров?Москва, 1924 год. Профессор права Александр Воронцов привык верить в силу закона. Но однажды он обнаруживает, что за официальными решениями скрывается тайный механизм власти, способный подделывать документы, уничтожать свидетельства и превращать невиновных в преступников.Чем глубже Воронцов погружается в расследование, тем опаснее становится правда. Исчезают свидетели, подменяются архивы, а люди, которым он доверял, оказываются частью смертельно опасной игры.Впереди — почти тридцать лет борьбы с системой, в которой одна подпись может стоить тысяч жизней.«Государевы люди. Особое мнение» — исторический политический триллер о тайнах власти, цене правды и человеке, который решился бросить вызов государственному механизму.Когда закон становится оружием, кто осмелится сказать «нет»?

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГОСУДАРЕВЫ ЛЮДИ 5
ОСОБОЕ МНЕНИЕ 5
Пролог 6
Подпись, которой не было 6
Глава 1. Приглашение без права отказа 10
Глава 2. Цена молчания 63
Глава 3. Старое дело 146
Конец ознакомительного фрагмента. 161

Владислав Надточий
Государевы люди. Особое мнение

ГОСУДАРЕВЫ ЛЮДИ

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Историко-политический роман

Надточий В. Д.

Все события, персонажи, организации и обстоятельства, описанные в романе, являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, событиями и обстоятельствами случайны.

Пролог

Подпись, которой не было

Москва. 6 марта 1953 года.

Профессор Александр Николаевич Воронцов узнал о смерти Сталина раньше, чем об этом сообщили по радио.

Впрочем, удивило его не само известие. Последние месяцы он получал достаточно документов, чтобы понимать: человек, которому подчинялась огромная страна, постепенно утрачивал власть над собственным телом. Удивило другое.

За ним прислали автомобиль.

Чёрный ЗИС остановился у подъезда в половине второго ночи. Воронцов наблюдал за ним из окна третьего этажа, стоя в халате поверх пижамы. Машина была без опознавательных знаков. Двигатель не глушили.

Через минуту раздался звонок.

На пороге стоял молодой человек в тёмном пальто. Он представился сотрудником Министерства государственной безопасности, но удостоверение лишь мелькнуло перед глазами профессора: прочитать фамилию тот не успел.

— Александр Николаевич, вам необходимо проехать с нами.

— Постановление об аресте покажете здесь или уже в автомобиле?

Молодой человек замялся.

— Речь не об аресте.

— Прекрасно. Тогда я могу отказаться.

— Боюсь, нет.

Воронцов поправил очки.

— Вы только что изложили устройство нашей правовой системы в трёх предложениях. Первое противоречит второму, а третье делает бессмысленными оба.

Посетитель не улыбнулся.

— Вас ждут в Кремле.

— Кто именно?

— Мне не сообщили.

— Тогда вы плохо подготовились. Человек моего возраста не должен ездить по ночам неизвестно к кому. Особенно теперь.

Молодой человек посмотрел на часы.

— Машина ждёт.

— Она государственная. Подождёт.

Воронцов закрыл дверь.

Он оделся неторопливо. Выбрал тёмный костюм, белую рубашку и галстук, который жена когда-то называла похоронным. Жены не было уже одиннадцать лет, а галстук сохранился.

Из верхнего ящика письменного стола он достал небольшую серую папку.

На обложке не было номера, названия учреждения или грифа секретности. Только три даты, написанные его рукой:

1936.

1937.

1953.

Внутри лежали копии трёх юридических заключений.

Первое касалось порядка изменения конституционных гарантий.

Второе — применения чрезвычайных мер к лицам, обвинённым в государственных преступлениях.

Третье было подготовлено всего две недели назад и относилось к полномочиям высших органов власти в случае внезапной смерти главы правительства.

Все три документа содержали его подпись.

Но только одну из этих подписей Воронцов поставил сам.

Он давно подозревал, что в государственном аппарате существует особая разновидность подлога: не подделывают сам документ, а меняют его смысл, оставляя на месте подлинную подпись. Однако теперь перед ним лежало нечто худшее.

Второе заключение он вообще никогда не писал.

Именно на него ссылались в материалах одного из дел 1937 года.

Именно оно позволило объявить допустимым то, против чего Воронцов возражал.

А главное — человек, передавший ему копию, был убит через четыре дня.

Профессор положил папку во внутренний карман пиджака.

Уже в прихожей он остановился перед зеркалом.

Из зеркала на него смотрел высокий, немного сутулый старик с седыми волосами и усталыми глазами. Когда-то его называли одним из самых способных молодых правоведов Петербурга. Позднее — полезным специалистом. Ещё позднее — незаменимым консультантом.

Ни одно из этих определений не означало, что ему доверяли.

В Кремле Воронцова провели через несколько коридоров в небольшой кабинет. За столом сидел человек, которого профессор знал больше двадцати лет.

Павел Сергеевич Мезенцев, заведовавший секретным делопроизводством одного из правительственных подразделений, выглядел измождённым: под глазами залегли тени, лицо осунулось.

— Александр Николаевич, благодарю, что приехали.

— Мне не оставили выбора. Это несколько снижает ценность вашей благодарности.

Мезенцев указал на кресло.

— Прошу садиться.

На столе лежала папка с красной полосой по верхнему краю.

Воронцов узнал её сразу.

Такие папки он видел редко. В них помещали документы, существование которых иногда отрицали даже учреждения, подготовившие их.

— Вам известно о смерти товарища Сталина? — спросил Мезенцев.

— Теперь известно.

— Возникают определённые вопросы правового характера.

— После смерти человека обычно возникают вопросы наследства. После смерти главы государства — вопросы полномочий. Вы какой предпочитаете?

— Второй.

— Тогда начнём с того, что товарищ Сталин не был монархом. Советская система не предусматривала наследования власти.

Мезенцев поморщился.

— Прошу вас, без лекций.

— Вы пригласили профессора права. Это профессиональный риск.

Мезенцев открыл папку.

— Нам необходимо установить юридическую силу одного документа.

Он протянул Воронцову несколько листов.

Профессор прочитал заголовок, затем дату.

27 февраля 1953 года.

Ниже находился текст проекта закрытого постановления, определявшего порядок передачи некоторых чрезвычайных полномочий в случае невозможности исполнения обязанностей председателем Совета министров.

Воронцов перевернул страницу, придерживая её за угол.

В конце документа стояла его подпись.

Под ней — резолюция, выполненная знакомым синим карандашом:

Согласен. И. Ст.

Профессор перечитал текст.

— Кто готовил окончательную редакцию?

— Вы.

— Нет.

— Александр Николаевич…

— Я подготовил заключение по другому проекту. В нём не было третьего пункта.

Мезенцев побледнел.

— Вы не сомневаетесь?

— Я ещё не настолько стар, чтобы забыть собственные возражения.

— Третий пункт был согласован дополнительно.

— Кто согласовал третий пункт?

— Я не уполномочен назвать его.

— Тогда у вас нет юридического заключения. Есть бумага с моей фамилией.

Мезенцев наклонился вперёд.

— Вы понимаете, что сейчас происходит?

— Лучше, чем вам хотелось бы.

— Страна осталась без руководителя.

— У страны имеются государственные органы, Конституция и установленный порядок принятия решений.

— Неужели вы думаете, что сейчас кто-нибудь станет обсуждать Конституцию?

Воронцов перевёл взгляд на собеседника.

— Павел Сергеевич, именно поэтому вы меня и вызвали.

Наступило молчание.

Из-за двери донеслись быстрые шаги, чей-то приглушённый голос и звонок телефона.

Мезенцев закрыл папку.

— Нам нужно ваше подтверждение.

— Чего именно?

— Что документ составлен с соблюдением действовавшего порядка.

— Он составлен с нарушением этого порядка.

— Но подписан вами.

— Подпись не превращает незаконное решение в законное.

Мезенцев несколько секунд разглядывал его.

— Вы прежде говорили иначе.

Воронцов почувствовал, как похолодели пальцы.

— Когда я это говорил?

Мезенцев достал из ящика ещё одну папку.

На её обложке стоял год.

1937.

— Вот здесь, Александр Николаевич.

Профессор не притронулся к документу.

Он знал эту папку.

Знал фамилии людей, которые проходили по связанным с ней делам.

Знал, сколько раз пытался доказать, что чрезвычайные полномочия не могут отменять саму обязанность устанавливать вину.

И знал, чем всё закончилось.

— Это не моё заключение, — сказал он.

Мезенцев устало откинулся в кресле.

— Вот в этом и проблема. Если вы откажетесь от подписи сегодня, нам придётся выяснить, какие ещё документы вы не подписывали.

— Давно пора.

— Вы не понимаете. Под сомнение попадут решения за многие годы.

— Не исключаю.

— Постановления. Приговоры. Назначения. Целые дела.

Воронцов не спешил с ответом.

Мезенцев понизил голос:

— И ваша собственная роль во всём этом.

Профессор снял очки и положил их на стол.

— Моя роль, Павел Сергеевич, давно заслуживает отдельного рассмотрения.

Он взял чистый лист бумаги.

— Дайте ручку.

Мезенцев подвинул чернильную авторучку.

— Вы подтвердите документ?

— Нет. Подтвердить его в таком виде я не могу.

— Тогда что вы собираетесь писать?

Воронцов вывел в верхней части листа два слова:

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Он остановился.

За двадцать девять лет работы на советскую власть профессор составил сотни заключений. Некоторые были приняты, другие отправлены в архив, третьи переписаны до неузнаваемости. Он научился прятать возражения в примечаниях, заменять категорические формулировки условными, оставлять в документах слова, которые когда-нибудь могли спасти человеческую жизнь.

Теперь он впервые решил написать то, что действительно думал.

Но прежде чем перо коснулось бумаги, Мезенцев произнёс:

— Александр Николаевич, вы ведь понимаете, что с этого момента никто не сможет гарантировать вашу безопасность?

Профессор поднял голову.

— Павел Сергеевич, за все годы нашей работы вы впервые сказали мне правду без предварительного согласования.

И начал писать.

Глава 1. Приглашение без права отказа

Москва. Октябрь 1924 года.

Александр Николаевич Воронцов не любил, когда к нему приходили без предварительной договорённости.

Особенно если посетители не снимали пальто.

Это была старая привычка, сохранившаяся со времён службы в Правительствующем сенате. В Петербурге незваный гость обычно означал либо неприятность, либо просьбу, которую невозможно удовлетворить законным способом. После революции оба обстоятельства стали встречаться значительно чаще.

В тот октябрьский день посетителей было двое.

Первый — невысокий мужчина лет сорока, в добротном сером костюме, с аккуратно подстриженными усами. Второй — молодой, широкоплечий, в кожаном пальто.

Первый представился:

— Михаил Аркадьевич Рогов. Управление делами Совета народных комиссаров.

Второй промолчал.

Профессор перевёл взгляд на второго.

— А ваш товарищ?

— Он меня сопровождает.

— Это я заметил. Меня интересует, как к нему обращаться, если он случайно наступит мне на ногу.

Молодой человек нахмурился.

— Семёнов.

— Имя?

— Николай.

— Очень приятно, Николай. Проходите. Но пальто всё-таки снимите. У меня не вокзал.

Рогов едва заметно улыбнулся.

Квартира профессора находилась в старом доме неподалёку от Пречистенки. Когда-то Воронцовы занимали весь второй этаж, теперь им оставили три комнаты. Остальные помещения были заселены семьями работников разных учреждений, которые постоянно спорили о пользовании кухней и порядке уборки коридора.

В кабинете стояли тяжёлый письменный стол, два книжных шкафа и диван с потёртой обивкой.

На стене висел портрет человека с седыми бакенбардами.

Рогов задержал на нём взгляд.

— Ваш отец?

— Нет. Сенатор Белозерский. Я служил у него помощником.

— До революции?

— После революции сенаторов у нас не осталось. Так что ответ очевиден.

Рогов сел.

— Александр Николаевич, мы знакомы с вашими работами.

— Сочувствую. Некоторые из них я теперь сам читаю с трудом.

— Вы занимались вопросами государственного управления, административных полномочий, судебного надзора.

— Занимался.

— И продолжаете преподавать.

— Пока студентам не запретили задавать вопросы.

— Вам известно, что государственный аппарат нуждается в квалифицированных специалистах?

— Это было известно ещё при Александре Третьем.

Рогов не отреагировал на замечание.

— Мы хотели бы предложить вам работу.

Воронцов взял со стола портсигар, но не открыл его.

— Какую именно?

— Консультационную.

— По каким вопросам?

— Государственно-правовым.

— Это название науки, Михаил Аркадьевич, а не описание должности.

Рогов вынул из портфеля папку.

— Нам необходимо заключение по одному проекту постановления.

— Почему не обратиться к вашим юристам?

— Обращались.

— Что вам ответили?

— Получили три разных ответа.

— Значит, у вас работают настоящие юристы.

Семёнов раздражённо переступил с ноги на ногу.

Рогов открыл папку и положил перед профессором машинописный документ.

Воронцов прочитал первые строки.

Речь шла о расширении полномочий одного из государственных органов при принятии решений в особом порядке. Формулировки были составлены небрежно: отдельные положения противоречили действующим нормам, другие позволяли толковать полномочия почти без ограничений.

Он перевернул страницу.

— Кто это писал?

— Документ подготовлен в установленном порядке.

— Я спрашивал не о порядке, а об авторе.

— Это имеет значение?

— Разумеется. Если автору десять лет, я поставлю ему удовлетворительно за старание. Если он занимает государственную должность, придётся поставить неудовлетворительно за последствия.

Рогов перестал улыбаться.

— Вы считаете проект неприемлемым?

— В таком виде — да.

— Что вас в этом не устраивает?

Воронцов указал карандашом на третий абзац.

— Здесь написано, что орган вправе принимать обязательные решения по всем вопросам, возникающим в связи с исполнением возложенных на него задач. Вы понимаете, что означает слово «всем»?

— Полноту полномочий.

— Отсутствие пределов полномочий. Это разные вещи.

Он подчеркнул фразу.

— Государственный орган должен действовать в пределах компетенции. Если пределы не определены, вы создаёте учреждение, которое само решает, что ему дозволено.

— Возможно, именно это и требуется.

Профессор поднял глаза.

— Тогда вам нужен не юрист, а человек, который умеет красиво перепечатывать решения.

После этих слов никто не заговорил.

Семёнов сделал шаг вперёд.

— Александр Николаевич, вы понимаете, с кем разговариваете?

— С Михаилом Аркадьевичем Роговым. Он представился. А вы Николай Семёнов, хотя я до сих пор не знаю, зачем вы стоите у двери.

Рогов поднял руку, останавливая сопровождающего.

— Профессор, нас интересует не только ваше мнение о недостатках проекта. Нам нужен способ их устранить.

— Тогда это другой разговор.

Воронцов взял чистый лист бумаги.

— Начнём с определения компетенции. Затем установим порядок принятия решений. Отдельно предусмотрим ответственность должностных лиц за превышение полномочий.

Рогов свёл брови.

— Последнее необязательно.

— Последнее обязательно.

— Чем вы это объясняете?

— Потому что полномочие без ответственности очень быстро становится личной привилегией.

— Вы говорите языком старого государства.

— Право не обязано менять смысл вместе с вывеской на здании.

Рогов долго смотрел на него.

Затем неожиданно спросил:

— А если политическое решение уже принято?

Воронцов отложил карандаш.

— Тогда следует выяснить, допускает ли его закон.

— А если не допускает?

— Изменить решение.

Рогов слегка наклонился вперёд.

— Александр Николаевич, вы давно не работали в государственных учреждениях.

— Заметно?

— Очень.

Он закрыл папку.

— Нам нужен специалист, который понимает разницу между теорией и практикой.

— А мне всегда казалось, что практика нужна для проверки теории, а не для её отмены.

Рогов встал из-за стола.

— Вы согласны подготовить заключение?

— При двух условиях.

— На каких условиях?

— Первое: я получу полный текст проекта со всеми приложениями. Второе: мои замечания не будут изъяты из заключения без моего согласия.

Семёнов тихо усмехнулся.

— Вы ещё потребуйте отдельный автомобиль.

— Автомобиль мне не нужен. А вот бумага хорошего качества пригодилась бы.

Рогов некоторое время размышлял.

— Первое условие принимается.

— Второе?

— Обсудим после того, как увидим вашу работу.

— Значит, вы предлагаете мне подписать документ, не зная, что в нём останется.

— Я предлагаю вам возможность вернуться к серьёзной государственной деятельности.

Воронцов задержал взгляд на портрет сенатора Белозерского.

Когда-то тот говорил ему: «Саша, государству нужны не те юристы, которые всегда согласны, а те, кто способен объяснить, почему соглашаться нельзя».

Сенатор умер в 1919 году.

Государство, которому он служил, исчезло ещё раньше.

А вопрос остался.

— Оставьте проект, — сказал профессор.

Рогов положил папку на стол.

— Срок — три дня.

— Пять.

— Четыре.

— Хорошо. Но если вы хотите получить заключение, а не поздравительную открытку, больше не торгуйтесь.

Посетители направились к выходу.

У двери Рогов обернулся.

— Александр Николаевич, один совет.

— Уже начинаю опасаться.

— Не пытайтесь выяснять, кто именно поручил подготовить этот документ.

— Почему мне не следует выяснять, от кого поступило поручение?

— Вам будет спокойнее.

Воронцов взглянул на него.

— Михаил Аркадьевич, я всю жизнь занимался вопросом о том, кто и на каком основании принимает государственные решения. Вы только что предложили мне отказаться от профессии.

Рогов оставил возражение без ответа.

Когда дверь закрылась, профессор вернулся в кабинет.

Он внимательно перечитал проект.

Внизу последней страницы обнаружилась едва заметная карандашная пометка, которую прежде скрывал загнутый угол листа.

Всего две буквы:

И. С.

Воронцов задержал на них взгляд.

Затем достал толстую тетрадь в чёрном переплёте и записал:

14 октября 1924 года.

Получен проект постановления с неопределёнными пределами компетенции. Представители заказчика не скрывают, что политическое решение предшествовало юридическому оформлению.

Он подумал и добавил:

Особенно опасно не то, что от юриста требуют согласия. Опасно, что несогласие заранее считают недостатком его квалификации.

Профессор закрыл тетрадь.

Он ещё не знал, что именно эта запись через тринадцать лет станет одним из доказательств против него.

И что человек, который сегодня оставил на его столе папку, однажды попросит уничтожить все её копии.

* * *

Москва. Октябрь 1924 года.

На третий день работы над проектом постановления профессор Воронцов обнаружил, что в документе отсутствует самое важное.

Не подпись. Не дата. Не ссылка на действующий закон.

Отсутствовал человек.

В тексте подробно перечислялись полномочия учреждения, порядок передачи материалов, сроки исполнения поручений и ответственность за разглашение сведений. Однако ни одна строка не объясняла, что должен делать гражданин, если государственный орган ошибся.

Воронцов перечитал четвёртую страницу и поставил на полях вопросительный знак.

Потом ещё один.

К вечеру вопросительных знаков оказалось одиннадцать.

— Александр Николаевич, — сказала вошедшая в кабинет дочь, — вы опять разговариваете с бумагами?

Екатерине Воронцовой исполнилось двадцать три года. Она преподавала историю в школе, носила коротко остриженные волосы и обладала неприятной для отца способностью замечать то, что он предпочитал скрывать.

— С бумагами разговаривать полезнее, чем с некоторыми людьми, — ответил профессор. — Бумаги хотя бы не перебивают.

Екатерина поставила на стол стакан чая.

— А почему вы сердитесь?

— Потому что составитель этого документа либо не знает права, либо знает его слишком хорошо.

— Второе разве плохо?

— Иногда хуже первого.

Она заглянула в испещрённые карандашными пометками листы.

— Это что-то секретное?

— Если бы я знал, что именно здесь секретного, мне было бы значительно спокойнее.

— Папа.

— Что?

— Тебя ведь снова приглашают на государственную службу?

Воронцов убрал карандаш в сторону.

— Предлагают консультацию.

— Это одно и то же.

— Нет. Консультация предполагает, что человек вправе высказать мнение. Служба предполагает, что он обязан выслушать чужое.

— А если твоё мнение им не понравится?

— Тогда, возможно, мне заплатят меньше.

Екатерина не улыбнулась.

— Ты понимаешь, о чём я.

Профессор понимал.

За последние семь лет он потерял кафедру в Петрограде, часть библиотеки, служебную квартиру и почти всех прежних знакомых. Некоторые эмигрировали. Другие умерли. О судьбе третьих он предпочитал не спрашивать.

Один из его университетских товарищей исчез после ареста в 1921 году. Воронцов написал три обращения, ссылаясь на отсутствие установленных законом оснований для дальнейшего содержания под стражей.

Ответ пришёл только на последнее.

Оснований для пересмотра принятого решения не имеется.

Профессор сохранил этот лист.

Не потому, что надеялся добиться пересмотра. Ему хотелось помнить, как выглядит документ, в котором решение существует, а его основания — нет.

— Катя, — сказал он, — государству всё равно нужны юристы.

— Государству или тем, кто им управляет?

Воронцов внимательно посмотрел на дочь.

— Осторожнее с такими вопросами.

— Значит, ты сам понимаешь разницу.

Она вышла, оставив его перед раскрытой папкой.

Воронцов взял чистый лист и написал заголовок:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ниже указал:

По проекту постановления о порядке осуществления специальных полномочий.

Он начал с того, что признавал необходимость чёткого регулирования деятельности государственных учреждений. Затем последовательно перечислил недостатки проекта.

К полуночи заключение занимало девять страниц.

Последний раздел профессор назвал:

О пределах государственного усмотрения.

Он долго искал формулировку, которая не превратила бы заключение в политическую декларацию, но сохранила его юридический смысл.

Наконец написал:

Предоставление государственному органу специальных полномочий не освобождает его от обязанности действовать в пределах установленной компетенции. Отсутствие прямого запрета не может само по себе рассматриваться как предоставление полномочия.

Воронцов перечитал фразу.

Она казалась ему совершенно очевидной.

Именно поэтому он подозревал, что она вызовет наибольшее раздражение.

На следующий день за заключением приехал не Рогов, а Семёнов.

Молодой человек появился около десяти утра, на этот раз без кожаного пальто. Под ним обнаружился обычный тёмный костюм, плохо сидевший в плечах.

— Документ готов? — спросил он.

— Доброе утро, Николай.

— Доброе утро.

— Теперь готов.

Воронцов протянул папку.

Семёнов открыл её, пересчитал страницы.

— Девять?

— Вы умеете считать. Это обнадёживает.

— Нам говорили, что будет краткое заключение.

— Краткое заключение я могу дать устно.

— Каково ваше заключение?

— Проект следует переработать.

Семёнов закрыл папку.

— Вас просят сегодня к четырём часам явиться в Управление делами.

— Зачем меня вызывают?

— Обсудить замечания.

— С кем?

— На месте узнаете.

— В таком случае передайте, что я приду с удовольствием, которого пока не испытываю.

Семёнов не сумел скрыть недоумения.

— Вы всегда так разговариваете?

— Нет. Иногда я бываю раздражён.

В Управлении делами профессора провели в просторную комнату с высокими окнами.

За длинным столом сидели четверо.

Рогов, два незнакомых чиновника и женщина лет тридцати пяти, с гладко зачёсанными волосами и внимательными серыми глазами.

Рогов поднялся навстречу профессору.

— Александр Николаевич, знакомьтесь. Софья Ильинична Левицкая, юридический отдел. Константин Петрович Жданов, секретариат. Григорий Матвеевич Белов, представитель заинтересованного ведомства.

Воронцов поклонился.

— Какого именно ведомства?

Белов ответил не сразу.

— Это не имеет отношения к существу обсуждения.

— Напротив. От этого зависит, какие полномочия вы собираетесь получить.

— Мы рассматриваем юридическую сторону.

— Вот я её и рассматриваю.

Левицкая едва заметно улыбнулась.

Рогов указал на свободное кресло.

— Присаживайтесь. Мы ознакомились с вашим заключением.

— Поздравляю.

— У нас возникли вопросы.

— Прекрасно. Значит, мы потратили время не напрасно.

Жданов, сухощавый мужчина с узким лицом, раскрыл экземпляр заключения.

— В третьем разделе вы утверждаете, что проект допускает расширительное толкование компетенции.

— Да. Именно расширительное толкование я и считаю опасным.

— Но в тексте говорится о полномочиях, необходимых для исполнения государственных задач.

— Именно эта формулировка и вызывает возражения.

— Что именно вызывает возражения?

Воронцов подвинул к себе документ.

— Допустим, вам поручено охранять здание.

— Допустим.

— Для этого вы вправе установить пост у входа. Проверять пропуска. В предусмотренных случаях задерживать нарушителей.

— Да, это допустимо.

— А теперь представим, что вы решили снести соседний дом, потому что из его окон хорошо просматривается охраняемый объект. Это тоже необходимо для исполнения вашей задачи?

Жданов нахмурился.

— Вы доводите рассуждение до абсурда.

— Нет. Я показываю, к чему приводит отсутствие пределов. Абсурд обычно начинается позже, когда кто-нибудь пытается исполнить подобное постановление буквально.

Белов вмешался:

— Государственная безопасность требует оперативности. Нельзя на каждое действие испрашивать отдельное разрешение.

— Никто и не предлагает. Закон должен заранее определять допустимые действия и условия их применения.

— А чрезвычайные обстоятельства?

— Для них существует чрезвычайный порядок.

— Вы предлагаете связывать руки органам, защищающим революцию?

Воронцов задержал на нём взгляд.

— Я предлагаю написать документ, который можно будет исполнить, не нарушая его собственных положений.

Белов постучал пальцами по столу.

— Вы рассуждаете как дореволюционный чиновник.

— Ваша оценка моей биографии точна. Но она не отвечает на юридический вопрос.

Рогов поспешил вмешаться:

— Коллеги, мы пригласили Александра Николаевича не для обсуждения его прошлого.

Левицкая перелистнула заключение.

— Меня интересует шестая страница.

Воронцов взглянул на Софью Ильиничну.

— Что именно вас беспокоит на шестой странице?

— Вы предлагаете предусмотреть возможность обжалования решений.

— Да. Иначе право на обжалование останется только на бумаге.

— Но если речь идёт о закрытых материалах, каким образом заинтересованное лицо сможет ознакомиться с основаниями?

— Не всегда необходимо раскрывать все материалы. Можно установить особую процедуру проверки законности решения уполномоченным органом.

— То есть жалоба рассматривается без полного ознакомления заявителя с документами?

— При наличии предусмотренных законом оснований для сохранения тайны. Но сама возможность проверки должна существовать.

Левицкая задумалась.

— Это можно оформить отдельным пунктом.

— Можно.

— Однако тогда придётся определить, кто вправе проводить проверку.

— Именно поэтому полномочия проверяющего нужно определить заранее.

— И кому он подчиняется.

— Именно. Без этого нельзя понять, кто отвечает за проверку.

Белов раздражённо закрыл папку.

— Мы так никогда не закончим.

— Зато, возможно, не придётся начинать заново после первого серьёзного злоупотребления, — ответил Воронцов.

Рогов взглянул на часы.

— Сделаем перерыв.

Через десять минут Воронцов остался в комнате наедине с Левицкой.

Она подошла к окну.

— Вы понимаете, что они не примут ваш шестой раздел?

— Понимаю. Но без этого раздела обжаловать решение будет невозможно.

— Тогда зачем включили?

— Потому что меня попросили дать заключение.

— Вы могли ограничиться техническими замечаниями.

— Мог.

— И всё равно написали.

— Софья Ильинична, я достаточно стар, чтобы позволить себе некоторые профессиональные недостатки.

Она обернулась.

— Вы ошибаетесь в одном.

— В чём?

— Вы полагаете, что здесь спорят о юридической технике.

— А о чём?

Левицкая не сразу нашла слова.

— О том, кто будет вправе сказать «нет».

Воронцов внимательно посмотрел на неё.

— Я слушаю. Продолжайте.

— Если полномочия определены точно, кто-то должен проверять, не вышли ли за их пределы. Если существует порядок обжалования, кто-то должен принимать жалобы. Если предусмотрена ответственность за превышение власти, кто-то должен устанавливать нарушение.

— Всё верно.

— Но некоторые считают, что такой порядок создаёт дополнительные центры принятия решений.

— Проверка законности не равнозначна политическому руководству.

— Для вас — нет.

Она вернулась к столу.

— Мой совет: оставьте первый и второй разделы. Третий сократите. Шестой уберите полностью.

— Вы предлагаете мне отказаться от основных выводов?

— Я предлагаю сохранить возможность работать.

— А если я не соглашусь?

Левицкая взяла свою папку.

— Тогда заключение перепишут без вас.

Воронцов почувствовал неприятное напряжение.

— Вы полагаете, они пойдут на подлог?

— Я работаю здесь четвёртый год.

— И часто это происходит?

Она посмотрела на закрытую дверь.

— Достаточно часто, чтобы я перестала удивляться.

Совещание возобновилось через двадцать минут.

Рогов объявил, что заключение в целом признано полезным, но требует уточнения некоторых формулировок.

— Мы подготовили согласованную редакцию, — сказал он.

Перед Воронцовым положили три машинописные страницы.

Профессор прочитал первую.

Затем вторую.

На третьей странице он обнаружил собственную фамилию.

Заключение профессора А. Н. Воронцова.

Он перечитал текст ещё раз.

От первоначального документа остались вступление, несколько технических замечаний и заключительный вывод, которого он никогда не делал.

Предлагаемый порядок осуществления специальных полномочий соответствует общим принципам государственного управления и может быть принят без существенных изменений.

Воронцов положил листы на стол.

— Кто это написал?

Рогов ответил спокойно:

— Редакционная группа.

— В таком случае следует указать фамилии её участников.

— Документ подготовлен на основе вашего заключения.

— Нет. На основе моего заключения подготовлено другое заключение.

Жданов сделал вид, что не заметил разницы.

— Мы устранили излишне категоричные формулировки.

— Вы устранили выводы.

— Основная мысль сохранена.

— Моя основная мысль состояла в том, что проект нельзя принимать в предложенном виде.

Белов раздражённо произнёс:

— Профессор, не нужно цепляться к словам.

Воронцов повернулся к нему.

— Григорий Матвеевич, слова — единственное, за что здесь имеет смысл цепляться. Всё остальное вы уже решили.

Рогов заговорил примирительно:

— Александр Николаевич, никто не ставит под сомнение вашу компетентность. Нам необходимо согласовать окончательную редакцию.

— Я не могу её согласовать.

— Что мешает вам её согласовать?

— Потому что она противоречит моим выводам.

— Вы можете предложить поправки.

— Могу. Верните шестой раздел.

Рогов покачал головой.

— Это невозможно.

— Тогда укажите, что заключение подготовлено без моего участия.

В комнате наступила тишина.

Жданов медленно закрыл папку.

— Вы отказываетесь от сотрудничества?

— Я отказываюсь от авторства чужого текста.

— Это формальность.

— В таком случае вам будет нетрудно её соблюсти.

Белов поднялся.

— Я полагаю, обсуждение можно закончить.

Он направился к двери.

Жданов последовал за ним.

Рогов остался сидеть.

Левицкая неподвижно смотрела на стол.

— Александр Николаевич, — произнёс Рогов, когда дверь закрылась, — вы ставите нас в затруднительное положение.

— Я тоже нахожусь в затруднительном положении. Мне предлагают подписать заключение, с которым я не согласен.

— Есть вопросы государственной необходимости.

— Государственная необходимость не освобождает от обязанности точно указывать автора документа.

Рогов устало потёр переносицу.

— Вы не представляете, насколько далеко может зайти эта история.

— Пока она дошла до третьей страницы.

— Не шутите.

Воронцов замолчал.

Рогов некоторое время рассматривал лежавший перед ним лист.

— Скажите, если мы оставим ваше имя только в качестве консультанта, а окончательный текст оформим как заключение отдела, вы будете возражать?

— Если будет указано, что я не согласовал итоговые выводы, — нет.

— Вы хотите, чтобы это было зафиксировано письменно?

— Да. Отдельной записью, без двусмысленностей.

Рогов посмотрел на Левицкую.

— Софья Ильинична, подготовьте соответствующую отметку.

Она сразу принялась за отметку.

Через несколько минут перед Воронцовым лежал лист согласования.

Он прочитал текст.

Затем достал авторучку и в нижней части страницы написал:

С предложенной редакцией не согласен. Первоначальное заключение сохраняю в полном объёме. Считаю необходимым определить пределы специальных полномочий и порядок проверки законности принимаемых решений.

Ниже поставил дату и подпись.

Рогов взглянул на запись.

— Это что?

— Особое мнение.

— Здесь не судебное заседание.

— Я заметил. В суде хотя бы предусмотрен порядок заявления возражений.

Левицкая опустила глаза, скрывая улыбку.

Рогов несколько секунд молчал.

— Вы понимаете, что этот лист останется в деле?

— На это и рассчитываю.

На улице уже стемнело.

Воронцов вышел из здания и остановился у тротуара. Моросил мелкий октябрьский дождь. По мостовой проехал грузовик, обдав прохожих грязной водой.

Профессор поднял воротник пальто.

— Александр Николаевич.

Он обернулся.

Левицкая догнала его у ворот.

— Вы забыли перчатки.

Она протянула кожаные перчатки, хотя Воронцов прекрасно помнил, что оставил их на столе намеренно: хотел вернуться и получить копию листа согласования.

— Спасибо, — сказал Воронцов, принимая перчатки.

— Вы не получили свой экземпляр.

— Да, моего экземпляра мне так и не выдали.

Она достала из сумки сложенный вчетверо лист.

— Это машинописная копия. Оригинал останется в деле.

Воронцов развернул бумагу.

На ней была его запись об особом мнении.

— Вы рискуете, Софья Ильинична.

— Я всего лишь соблюдаю порядок делопроизводства.

— Опасное занятие.

Она впервые улыбнулась открыто.

— Вы сегодня произвели впечатление.

— Надеюсь, не слишком неприятное.

— Белов требовал немедленно исключить вас из списка консультантов.

— Разумное решение.

— Рогов возражал.

— Странно.

— Он сказал, что вы именно тот специалист, который им нужен.

На лице Воронцова появилась настороженность.

— После всего произошедшего?

— Особенно после этого.

Она приблизилась на шаг.

— Александр Николаевич, вы должны кое-что понимать. В аппарате есть люди, которым нужны не только согласные юристы. Иногда требуется специалист, способный заранее увидеть, где документ может создать проблемы.

— Чтобы исправить его?

Левицкая не ответила сразу.

— Чтобы знать, какие проблемы придётся решать.

— Разница существенная.

— Существенная. И её нельзя не учитывать.

Она оглянулась на ворота.

— Вам ещё предложат работу. И, вероятно, гораздо более серьёзную.

— Кто сообщил вам о новом предложении?

— Сегодня после совещания Рогов звонил в Кремль.

— С кем он говорил?

— Не слышала.

— Тогда почему вы уверены, что речь шла обо мне?

— Он сказал: «Профессор не подписал».

Воронцов не стал скрывать досады.

— Неприятное известие для заказчика.

— А потом добавил: «Зато теперь мы знаем, что он не подпишет ничего лишнего».

Профессор долго молчал.

— Любопытная характеристика.

— Здесь это редкость.

Она попрощалась и ушла.

Воронцов остался стоять под дождём.

Его беспокоило не то, что о нём сообщили неизвестному человеку в Кремле. За годы службы он привык к тому, что начальство всегда знает больше, чем считает нужным объяснить.

Его беспокоило другое.

Он впервые встретил людей, которые рассматривали отказ юриста поставить подпись не как препятствие, а как полезное свойство.

И никак не мог понять, зачем им понадобился человек с таким свойством.

Домой профессор вернулся после девяти.

Екатерина сидела на кухне и проверяла ученические тетради.

— Ну что? — спросила она.

— Кажется, я успешно испортил себе карьеру.

— Поздравляю.

— Ты даже не спросишь как?

— Если бы ты согласился со всем, что тебе предложили, ты бы пришёл довольный. А ты пришёл голодный.

Воронцов снял пальто.

— Наблюдательность — опасная черта для историка.

— Особенно в нашей стране.

Воронцов задержал взгляд на дочери.

— Катя.

— Я помню. Осторожнее.

За ужином они говорили о школе, о нехватке учебников, о соседях, снова поссорившихся из-за примуса.

Профессор почти успокоился.

Но около одиннадцати раздался телефонный звонок.

Телефон находился в коридоре. Его установили ещё до революции, и теперь им пользовались несколько семей.

Воронцов снял трубку.

— Слушаю.

— Александр Николаевич?

Голос был незнакомый. Мужской, негромкий.

— Да.

— Вы сегодня представили особое мнение по проекту постановления.

— С кем имею честь?

— Это несущественно.

— Для вас, возможно.

На другом конце провода помолчали.

— Ваше заключение прочитали.

— Рад, что оно не пропало.

— В нём есть одно интересное замечание.

— Их там несколько.

— Вы пишете, что государственный орган не вправе самостоятельно расширять пределы собственной компетенции.

— Это элементарное положение.

— А если расширение необходимо для защиты государства?

— Тогда компетенцию следует изменить в установленном порядке.

— Даже если обстоятельства требуют немедленных действий?

— В таком случае необходимо заранее определить чрезвычайный порядок. Иначе каждое должностное лицо сможет объявить чрезвычайными любые обстоятельства.

Снова молчание.

Потом голос произнёс:

— Значит, вы считаете, что закон должен предусматривать даже исключения из закона?

Брови Воронцова сошлись.

— Закон должен определять условия применения исключительных мер. Это не одно и то же.

— Хорошо сказано.

— Вы так и не представились.

— Не будем тратить время.

— Тогда позвольте мне закончить разговор.

— Подождите, профессор. Ещё один вопрос.

Воронцов задержался с ответом.

— Если вам поручат подготовить документ, с политическим содержанием которого вы не согласны, вы откажетесь?

Он посмотрел на дверь кухни. Екатерина продолжала проверять тетради.

— Зависит от документа.

— От чего именно?

— От того, могу ли я предложить правовую редакцию, не противоречащую закону.

— А если не можете?

— Тогда напишу, почему это невозможно.

— И поставите подпись?

— Под собственным заключением — непременно.

На другом конце провода негромко кашлянули.

— Благодарю, Александр Николаевич.

— С кем я разговаривал?

На другом конце провода молчали.

Послышались короткие гудки.

Профессор медленно повесил трубку.

Он не знал, кто звонил.

И не собирался строить догадки на основании одного разговора.

Но на следующий день в Управлении делами Рогов получил записку, состоявшую из двух предложений:

Профессора Воронцова оставить в списке привлекаемых специалистов. При необходимости запрашивать письменные заключения по вопросам правового оформления решений.

Подписи под запиской не было.

Только инициалы исполнителя, поставленные внизу.

Рогов прочитал документ дважды.

Затем вызвал секретаря.

— Подготовьте личное дело Воронцова.

— Для назначения?

— Решение пока не принято.

— Тогда для чего?

Рогов сложил записку.

— Для длительного наблюдения.

Секретарь вышел.

Рогов открыл папку с заключением профессора и ещё раз перечитал его особое мнение.

Он прекрасно понимал, что Воронцов не станет удобным сотрудником.

Но, возможно, именно неудобные сотрудники были особенно полезны там, где все остальные давно научились соглашаться.

Поздним вечером профессор снова открыл чёрную тетрадь.

Под записью от 14 октября он добавил:

18 октября 1924 года.

Моё заключение попытались заменить другим, сохранив мою фамилию. Отказался подписать. Возражения оформлены отдельно.

Ниже он написал:

Сегодня впервые возникло подозрение, что государству нужен не мой совет, а возможность ссылаться на моё имя.

Он отложил перо.

За окном шёл дождь.

Из соседней комнаты доносился голос Екатерины, читавшей вслух отрывок из школьного учебника. Профессор прислушался.

Она читала о законах древних государств, о царях, судьях и чиновниках.

Воронцов невольно улыбнулся.

За много веков люди научились строить железные дороги, передавать голос по проводам и создавать учреждения с названиями, которые не помещались на одной строке.

Но вопрос, занимавший его ещё в университетские годы, оставался прежним.

Что происходит с законом, когда его исполнение зависит от воли одного человека?

Он закрыл тетрадь и погасил лампу.

Ответ на этот вопрос ему предстояло искать почти тридцать лет.

А первая настоящая проверка наступит значительно раньше, чем он предполагал.

Потому что уже в ноябре 1924 года на его стол ляжет дело человека, которого государство собиралось лишить не свободы и даже не жизни.

Его собирались лишить собственного имени.

* * *

Москва. Ноябрь 1924 года.

Человека привели в кабинет профессора Воронцова в половине одиннадцатого утра.

Он был невысок, худощав, с аккуратно подстриженными усами и удивительно спокойным лицом. На нём сидел серый пиджак, слишком широкий в плечах, а из-под воротника рубашки выглядывал край старого шерстяного шарфа.

За ним вошли двое.

Первого Воронцов узнал сразу.

— Николай Семёнов, — произнёс профессор. — Вы начинаете становиться постоянным посетителем. Скоро придётся выделить вам отдельную вешалку.

Семёнов не улыбнулся.

— Александр Николаевич, у нас служебное поручение.

— Тогда тем более снимите пальто. Государственные поручения не освобождают от правил приличия.

Второй сопровождающий, высокий мужчина с широким лицом, закрыл дверь и остался у неё.

Семёнов положил на стол папку.

— Вам необходимо ознакомиться с материалами.

Воронцов перевёл взгляд на приведённого человека.

— А он кто?

— Гражданин, в отношении которого возник вопрос правового характера.

— Имя у гражданина имеется?

— Именно это и требуется установить.

Профессор снял очки.

— Любопытное начало.

Он обратился к незнакомцу:

— Как вас зовут?

Тот ответил без колебаний:

— Николай Павлович Крестов.

Семёнов открыл папку.

— По нашим данным, гражданин Крестов умер 17 сентября 1921 года.

Воронцов перевёл взгляд с папки на живого человека.

— Поздравляю вас, Николай Павлович. Вы выглядите значительно лучше, чем можно было ожидать.

Крестов едва заметно улыбнулся.

— Благодарю, профессор.

— Причина смерти?

Семёнов прочитал:

— Тиф.

— Свидетельство имеется?

— Имеется.

— А свидетельство о том, что гражданин перед нами жив, вы подготовили?

Семёнов нахмурился.

— Это очевидно.

— Очевидность, Николай, — ненадёжная вещь. Особенно когда ей противоречит государственная бумага.

Профессор протянул руку.

— Покажите документы.

В папке лежали три свидетельства.

Первое — о смерти Николая Павловича Крестова, бывшего служащего одного из московских учреждений.

Второе — удостоверение личности Павла Андреевича Миронова, выданное в 1922 году.

Третье — справка о том, что гражданин Миронов с августа 1924 года состоит на службе в государственном учреждении.

На фотографиях был один и тот же человек.

Воронцов положил документы рядом.

— Николай Павлович, а кто такой Павел Андреевич Миронов?

Крестов посмотрел на Семёнова.

Тот кивнул.

— Это я, — ответил мужчина.

— Прекрасно. Значит, вас двое.

— Нет, профессор. Один.

— Тогда объясните, почему один человек имеет две биографии, причём в одной из них он уже три года покойник.

Крестов опустил глаза.

— Мне выдали новые документы.

— Кто выдал?

— Мне запретили называть имена.

— Не знаете или не можете?

— Не имею права.

Воронцов откинулся в кресле.

— Замечательная ситуация. Гражданин не имеет права сообщить, кто лишил его собственного имени, но государство требует от меня объяснить, какое имя ему принадлежит.

Семёнов вмешался:

— Александр Николаевич, нас интересует не происхождение документов.

— А что?

— Возможность признания действительными действий, совершённых гражданином под новым именем.

— Каких действий?

— Служебных.

— Каких именно?

— Сведения ограниченного доступа.

— Тогда моё заключение будет таким же ограниченным.

Семёнов раздражённо выдохнул.

— Вы можете хотя бы ознакомиться с делом?

— С удовольствием. Но сначала объясните, зачем привели самого гражданина.

Высокий сопровождающий впервые заговорил:

— Чтобы вы удостоверились, что это один человек.

— Удостоверился. Теперь осталось понять, почему это обстоятельство потребовало консультации профессора права.

Крестов вдруг поднял голову.

— Потому что меня хотят судить.

Слышно было лишь, как за окном проехала машина.

Семёнов резко повернулся к нему.

— Вам не разрешали обсуждать это.

— Но ведь именно поэтому меня сюда привели.

Воронцов задержал взгляд на обоих сопровождающих.

— Господа, я предпочёл бы услышать объяснение от человека, которого собираются судить. У него, как ни странно, может оказаться собственное мнение.

Семёнов сомкнул обложки папки.

— Николай Павлович, вы будете отвечать только на вопросы профессора.

— Под каким именем? — спросил Крестов.

На вопрос Крестова никто не решился ответить.

История оказалась значительно сложнее, чем предполагал Воронцов.

До революции Николай Крестов служил в канцелярии московского судебного учреждения. В годы Гражданской войны он оказался на территории, переходившей из рук в руки, а затем вернулся в Москву.

В 1921 году его задержали по подозрению в связях с антисоветской организацией.

Следствие продолжалось несколько месяцев.

По словам Крестова, доказательств его участия в заговоре не обнаружили. Однако вместо освобождения ему предложили сотрудничество с органами государственной безопасности.

— Кто предложил? — спросил Воронцов.

— Следователь.

— Как фамилия следователя?

Крестов перевёл взгляд на Семёнова.

— Я не помню.

Профессор закрыл глаза.

— Удивительно, как часто люди забывают фамилии именно тех, кто определяет их судьбу.

— Александр Николаевич, — предупредил Семёнов.

— Продолжайте, Николай Павлович.

Крестов рассказал, что в сентябре 1921 года ему объявили о необходимости сменить имя и прекратить всякие связи с прежними знакомыми.

Его родственникам сообщили о смерти от тифа.

Самого Крестова перевели в другое учреждение, где он начал работать под именем Павла Миронова.

— Вы согласились добровольно? — спросил профессор.

Крестов долго молчал.

— Мне сказали, что иначе меня не выпустят.

— Вы согласились только из-за угрозы?

— Другого выбора у меня не было.

— Значит, согласие было получено под угрозой дальнейшего лишения свободы.

Семёнов вмешался:

— Вы делаете вывод, не располагая всеми обстоятельствами.

— Я уточняю правовую природу согласия.

— Он сотрудничал добровольно.

— Тогда почему не мог отказаться?

Семёнов не нашёлся с ответом.

Воронцов повернулся к Крестову.

— Что произошло теперь?

Мужчина сцепил пальцы.

— Мне поручили подготовить справку по одному делу. Я нашёл документы, которые не совпадали с материалами следствия.

— Какие документы?

— Переписку. Протоколы. Несколько распоряжений.

— И что вы сделали?

— Написал докладную.

— Кому адресовали докладную?

— Начальнику отдела.

— Что было дальше?

— Мне приказали переписать её.

— Что заставило их потребовать переписать запись?

— Я указал, что один из обвиняемых не мог находиться в Москве в день, когда якобы участвовал в совещании заговорщиков.

— Чем вы это подтвердили?

— Командировочным удостоверением и регистрационной записью.

Воронцов заинтересовался.

— Подлинники?

— Подлинники. Не копии?

— И что с ними стало?

Крестов посмотрел на свои руки.

— Удостоверение исчезло из дела. А запись в журнале исправили.

— Кто исправил запись?

— Не могу назвать.

— Вы сообщили об этом?

— Сообщил, как только обнаружил.

— После чего?

— Мне предъявили обвинение.

— В чём?

Крестов поднял голову.

— В подделке служебных документов.

Воронцов несколько секунд молчал.

— Какую фамилию указали в деле?

— Павла Миронова.

— Но документы, которые вы якобы подделали, были составлены ещё до появления Павла Миронова?

— Именно. Они появились раньше, чем он.

Профессор посмотрел на Семёнова.

— Вы понимаете, что здесь происходит?

— Именно поэтому мы и обратились к вам.

— Нет, Николай. Вы обратились ко мне потому, что ваши коллеги создали юридическую нелепость, а теперь хотят получить объяснение, почему она законна.

После полудня сопровождающие увели Крестова в соседнюю комнату.

Воронцов остался с Семёновым.

— Кто распорядился обратиться ко мне?

— Михаил Аркадьевич Рогов.

— А кто поручил ему?

— Мне не сказали, кто дал поручение.

— Вы удивительно мало знаете для человека, который постоянно приносит секретные документы.

Семёнов проигнорировал замечание.

— Нам нужно заключение по одному вопросу.

— Формулируйте.

— Может ли лицо, получившее новую личность по решению государственного органа, нести ответственность за действия, совершённые под прежним именем?

Профессор посмотрел собеседнику в лицо.

— Да, я слушаю.

Семёнов оживился.

— Значит, вы признаёте законность привлечения Крестова?

— Я признаю, что изменение имени не уничтожает человека и не освобождает его от ответственности за собственные действия. Но это не означает, что обвинение обоснованно.

— А действия под новым именем?

— Они также принадлежат ему. Если полномочия были предоставлены надлежащим образом, их осуществление может иметь правовые последствия.

— Даже если прежняя личность официально умерла?

— Юридическая ошибка в записи о смерти не превращает живого человека в покойника.

Семёнов задумался.

— А если решение о смене личности было секретным?

— Секретность решения не делает его законным автоматически.

— Но оно принято государственным органом.

— Но достаточно ли этого?

— Государственный орган обладает соответствующими полномочиями.

— Какими именно?

Семёнов замолчал.

Воронцов подвинул к нему чистый лист.

— Напишите норму, предоставляющую органу право объявлять живого гражданина умершим.

— Я не уполномочен раскрывать такие сведения.

— Тогда я не уполномочен признавать законность неизвестного мне основания.

— Александр Николаевич, вы усложняете вопрос.

— Нет. Я пытаюсь не позволить вам упростить его до бессмыслицы.

Семёнов некоторое время разглядывал стол.

— Допустим, мы признаем свидетельство о смерти ошибочным.

— Тогда потребуется его исправить.

— А документы Миронова?

— Установить порядок их выдачи и юридическую силу.

— Но тогда станет известно, что он работал под другим именем.

— Такой риск есть.

— Это недопустимо.

Воронцов снял очки.

— Значит, вы хотите сохранить обе личности, но судить только одну.

— Нам необходимо обеспечить государственные интересы.

— Государственные интересы не существуют отдельно от конкретных действий государства. Если учреждение создало незаконное положение, нельзя исправлять его исключительно за счёт человека, которого в это положение поставили.

Семёнов поднялся.

— Вы отказываетесь дать заключение?

— Напротив. Я уже знаю, что напишу.

— Какой вывод вы намерены изложить?

— Что установление личности обвиняемого является необходимым условием рассмотрения вопроса о его ответственности. Что государственные документы, содержащие противоречащие друг другу сведения, должны быть проверены. И что никто не может нести ответственность за ошибки, допущенные государственным органом, лишь потому, что этому органу неудобно их признавать.

— Это не то, что нам нужно.

— Тогда вы снова ошиблись адресом.

К вечеру профессор подготовил заключение.

Оно состояло из семи страниц.

Воронцов намеренно не касался политических обстоятельств дела. Он рассматривал только вопросы установления личности, действительности документов и пределов ответственности.

Но в последнем разделе сделал вывод, который, как он понимал, вызовет недовольство:

Использование государственным органом документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о личности гражданина, не может само по себе служить основанием для возложения на этого гражданина ответственности за последствия, возникшие вследствие исполнения соответствующего распоряжения.

Он перечитал написанное.

Фраза была тяжёлой.

Воронцов зачеркнул её и написал проще:

Гражданин не должен отвечать за незаконные последствия исполнения распоряжения о смене личности, если такие последствия вызваны действиями самого государственного органа.

Теперь мысль была ясной.

Профессор поставил подпись.

Через час приехал Рогов.

Он вошёл один.

— Александр Николаевич, как продвигается работа?

— Закончена.

— Быстро.

— Сложные вопросы иногда требуют коротких ответов. Особенно когда ответ неприятен.

Рогов прочитал заключение.

На последней странице задержался.

— Вы предлагаете прекратить дело?

— Я предлагаю сначала установить факты и правовые основания. Если обвинение связано исключительно с исполнением незаконного распоряжения, преследование по этому основанию недопустимо.

— Вы понимаете, что это может создать прецедент?

— В нашей системе судебный прецедент не является самостоятельным источником права в том смысле, в каком он действует в английской традиции.

— Я не об этом.

— Тогда о чём?

Рогов закрыл папку.

— О других людях.

Воронцов насторожился.

— Каких других?

— Таких, как Крестов.

— Их много?

Рогов промолчал.

Профессор медленно положил руки на стол.

— Михаил Аркадьевич, сколько человек получили новые имена таким способом?

— Я не располагаю этими сведениями.

— Но знаете, что Крестов не единственный.

Рогов поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Мне необходимо передать заключение.

— Вы не ответили.

— И не отвечу.

Воронцов тоже встал.

— Тогда передайте ещё одно замечание.

— Какое замечание?

— Если государство создаёт людей с двумя биографиями, однажды оно столкнётся с вопросом, кто из них должен отвечать за преступления.

Рогов посмотрел на него.

— Возможно, именно поэтому вас и привлекли.

На следующий день Воронцов получил записку.

Её передали через Семёнова.

Заключение принято к сведению. Дополнительные разъяснения не требуются.

Ни подписи, ни печати.

Профессор прочитал записку и положил в ящик стола.

Крестова больше не приводили.

Через неделю Воронцов попытался выяснить, что произошло с его делом.

Рогов ответил уклончиво:

— Вопрос урегулирован.

— Кто и на каком основании его урегулировал?

— В установленном порядке.

— Он освобождён?

— Сведений об освобождении у меня нет.

— Осуждён?

— И об этом мне не сообщили.

— Жив?

Рогов взглянул на собеседника.

— Александр Николаевич, не задавайте вопросов, ответы на которые вам не нужны для работы.

Профессор впервые за всё время знакомства не нашёлся с ответом.

В декабре 1924 года произошло событие, заставившее его снова вспомнить о Крестове.

Воронцов получил письмо.

Конверт был без обратного адреса. Буквы на нём сбивались и налезали друг на друга; письмо, вероятно, составляли второпях.

Внутри находился небольшой лист бумаги.

Уважаемый Александр Николаевич.

Вы спрашивали, какое имя мне принадлежит.

Теперь я знаю ответ.

Никакое.

Крестов умер по документам. Миронов больше не существует по распоряжению. Мне выдали третье имя.

Я благодарен вам за то, что вы пытались разобраться. Но прошу больше не искать меня. Это опасно не только для меня.

Н. К.

Профессор прочитал письмо дважды.

Потом подошёл к окну.

Во дворе дети лепили снеговика. Один мальчик старательно прикреплял ему нос из моркови, другой пытался удержать на голове старое ведро.

Воронцов смотрел на них и думал о человеке, которого государство сначала объявило умершим, затем заставило жить под чужим именем, а теперь лишило и этого имени.

Он вернулся к столу.

Открыл чёрную тетрадь.

Декабрь 1924 года.

Дело Крестова — Миронова.

Государственная власть может изменить имя человека в документах, но не способна уничтожить его прошлое. Опасность начинается тогда, когда власть убеждает себя в обратном.

Он помолчал и добавил:

Необходимо установить, кто санкционирует подобные действия и на каком основании.

Эта запись стала началом его собственного расследования.

Пока ещё осторожного.

Пока ещё почти невинного.

Профессор не подозревал, что дело Крестова было лишь малой частью гораздо более сложной системы.

И что некоторые люди в государственном аппарате уже обсуждали возможность использовать его юридические заключения для придания этой системе устойчивой правовой формы.

За несколько дней до Нового года Воронцова снова пригласили в Управление делами.

На этот раз Рогов встретил его необычно приветливо.

— Александр Николаевич, есть хорошие новости.

— Надеюсь, не о повышении жалованья. Обычно после этого требуют вдвое больше работы.

— Вам предлагают постоянное сотрудничество.

— С каким учреждением?

— Пока с нашим аппаратом.

— А затем?

Рогов улыбнулся.

— Посмотрим.

Он положил перед профессором проект соглашения.

Воронцов прочитал первые два пункта.

Затем третий.

На четвёртом остановился.

— Здесь сказано, что я обязан соблюдать конфиденциальность всех поручений.

— Именно так.

— Даже если они противоречат закону?

Рогов устало выдохнул.

— Мы снова начинаем?

— Мы ещё не закончили.

Профессор взял карандаш.

— Я предлагаю уточнение: обязанность сохранять служебную тайну не препятствует сообщению о выявленных нарушениях в установленном порядке уполномоченным должностным лицам.

Рогов посмотрел на написанное.

— Вы хотите оставить себе право жаловаться?

— Я хочу оставить возможность исполнять обязанности юриста.

— Кому вы собираетесь жаловаться?

— Надеюсь, никому.

— Тогда зачем пункт?

— Потому что однажды он может понадобиться.

Рогов долго рассматривал поправку.

После долгой паузы Рогов согласился.

— Хорошо. Оставим.

Воронцов удивился.

— Без возражений?

— Не привыкайте.

Он подписал соглашение.

Рогов убрал документы в папку.

— Поздравляю, Александр Николаевич. Теперь вы официально привлечённый консультант.

— Звучит почти как обвинение.

— Возможно, со временем вы измените мнение.

— Возможно. Но для этого потребуется немало доказательств.

Рогов проводил его до двери.

Уже на пороге профессор обернулся.

— Михаил Аркадьевич, последний вопрос.

— Спрашивайте, Александр Николаевич.

— Кто принимал решение о моём привлечении?

На лице Рогова появилась улыбка.

— Человек, который очень не любит неподготовленных документов.

— Назовите его фамилию.

— Вы её знаете.

Воронцов ничего не сказал.

Рогов добавил:

— И ещё, Александр Николаевич. Не пытайтесь выяснить судьбу Крестова.

— Чем это объясняется?

— Потому что у вас теперь будут дела значительно важнее.

Профессор вышел.

Рогов вернулся за стол и открыл отдельную папку.

На её обложке стояла фамилия:

ВОРОНЦОВ А. Н.

Ниже — краткая характеристика:

Высокая квалификация в области государственного права. Политически неустойчив. Склонен к самостоятельным суждениям. Отказывается удостоверять выводы, которые считает юридически необоснованными.

Рогов перечитал последнюю строку.

Затем приписал от руки:

Использовать при подготовке документов особой важности. Замечания сохранять.

Он ещё не знал, что через двенадцать лет эта рекомендация приведёт профессора в комиссию по подготовке новой Конституции.

И что в 1937 году кто-то воспользуется его фамилией, чтобы обосновать решения, против которых Воронцов выступал с самого начала.

Но пока был только декабрь 1924 года.

Впереди лежали почти три десятилетия.

И профессор Александр Николаевич Воронцов всё ещё верил, что правильно составленный закон способен удержать власть от произвола.

* * *

Москва. Февраль 1925 года.

Профессор Александр Николаевич Воронцов впервые увидел выражение «особый порядок» в документе, где не было ни одного указания на то, чем этот порядок отличается от обычного.

Он обнаружил его на второй странице проекта постановления, доставленного из Управления делами.

«В случаях особой государственной необходимости допускается применение особого порядка рассмотрения соответствующих материалов».

Воронцов подчеркнул слово «особый» дважды.

Затем написал на полях:

«Какого именно?»

На следующей странице встретилось ещё одно замечательное положение:

«Решение, принятое в особом порядке, подлежит исполнению независимо от иных установленных процедур».

Профессор отложил карандаш.

— Превосходно, — произнёс он. — Осталось определить, что делать, если особый порядок противоречит самому себе.

За окном февральская Москва медленно освобождалась от ночного снега. Дворник с явным неудовольствием расчищал дорожку к подъезду. С крыши капало, хотя мороз ещё держался.

Воронцов работал над документом второй час.

В отличие от предыдущих поручений, этот проект был составлен профессионально. Формулировки выглядели аккуратными, ссылки на действующие нормы были точными, а последовательность положений — почти безупречной.

Именно это настораживало.

Небрежный документ выдавал ошибки составителя. Хорошо подготовленный мог скрывать намерение.

Профессор снова перечитал второй пункт.

Если принять его буквально, государственный орган получал право не соблюдать установленный порядок рассмотрения дела всякий раз, когда сам признавал обстоятельства особыми.

Никакого внешнего контроля не предусматривалось.

Никаких сроков.

Никакого перечня оснований.

И главное — не указывалось, кто вправе признать ситуацию исключительной.

Воронцов перевернул страницу.

В приложении находился список дел, к которым предполагалось применять новый порядок.

Среди них были дела о государственных преступлениях, нарушениях режима секретности и злоупотреблениях должностных лиц.

Последняя категория заставила его остановиться.

Злоупотребления должностных лиц.

Получалось, что учреждение, чьи сотрудники могли совершить нарушение, получало возможность самостоятельно определить порядок его рассмотрения.

Профессор закрыл папку.

— Это уже не исключение из закона, — сказал он вслух. — Это способ исключить закон из дела.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появилась Екатерина.

— Папа, к тебе опять пришли.

— Кто на этот раз?

— Мужчина в хорошем пальто. На этот раз без сопровождающих.

— Тогда, возможно, он действительно пришёл по делу.

В кабинет вошёл Михаил Аркадьевич Рогов.

— Доброе утро, Александр Николаевич.

— Для вас, вероятно. Вы ещё не читали того, что принесли мне вчера.

Рогов снял пальто и аккуратно повесил его на спинку стула.

— Уже ознакомились?

— Ознакомился.

— И каково ваше мнение?

— Вы хотите короткое или пригодное для служебного использования?

— Начнём с короткого.

— Нельзя.

Рогов отвёл глаза.

— А теперь пригодное.

— Садитесь.

Профессор раскрыл проект.

— Михаил Аркадьевич, кто подготовил этот документ?

— Специалисты заинтересованных учреждений.

— У них хорошая юридическая подготовка.

— Рад слышать.

— Не торопитесь радоваться. Это делает документ опаснее.

Рогов нахмурил брови.

— В чём опасность этой процедуры?

— Его составители прекрасно понимают разницу между полномочием и произволом. Поэтому нигде не предлагают прямо разрешить произвол. Они предлагают такую процедуру, при которой невозможно установить, где полномочие заканчивается.

Рогов взял проект.

— Вы преувеличиваете.

— Тогда назовите лицо, которое вправе признать дело подлежащим рассмотрению в особом порядке.

— Руководитель соответствующего органа.

— Где это написано?

Рогов просмотрел страницу.

— Предполагается.

— Право не должно строиться на предположениях о том, кто вправе ограничивать чужую свободу.

— Но нельзя предусмотреть каждую ситуацию.

— Каждую — нет. Основные условия — необходимо.

Рогов некоторое время молчал.

— Какие ограничения вы считаете необходимыми?

— Установить исчерпывающий перечень оснований. Определить уполномоченных должностных лиц. Предусмотреть письменное мотивированное решение. Ограничить срок действия исключительных мер.

— И всё?

— Нет. Обеспечить проверку законности.

Рогов усмехнулся.

— Последний пункт я уже слышал.

— И будете слышать всякий раз, когда мне предложат документ без него.

— Александр Николаевич, вы не учитываете политическую обстановку.

— Я учитываю, что политическая обстановка меняется чаще, чем последствия неправомерных решений.

— В стране продолжается борьба с противниками советской власти.

— Тогда особенно важно отличать противника от человека, которого кто-то назвал противником.

Рогов посмотрел на него с неожиданной серьёзностью.

— Вы полагаете, что государственные органы не способны отличить одно от другого?

— Полагаю, что способность ошибаться не исчезает вместе с получением служебного удостоверения.

Рогов приехал не только ради обсуждения проекта.

Это выяснилось после того, как профессор изложил основные замечания.

— Александр Николаевич, — сказал он, закрывая папку, — мне поручено предложить вам участие в одном совещании.

— По этому документу?

— Отчасти.

— Где именно?

— В Кремле.

Воронцов взглянул на собеседника поверх очков.

— Вы произнесли это так, словно предлагаете мне поездку на курорт.

— Разница действительно существует.

— На курорте обычно заранее сообщают условия проживания.

Рогов не улыбнулся.

— Совещание назначено на завтра. В одиннадцать часов.

— Кто будет присутствовать?

— Представители нескольких учреждений.

— Фамилии?

— Пока не располагаю окончательным списком.

— А кто председательствует?

— Узнаете на месте.

Профессор прислонился к спинке кресла.

— Михаил Аркадьевич, вы удивительно последовательно предлагаете мне принимать решения, не сообщая необходимых обстоятельств.

— Вы согласны?

— Сначала скажите, для чего я нужен.

Рогов не торопился с ответом.

— Есть разногласия между ведомствами. Одни считают, что особый порядок должен быть максимально широким. Другие опасаются, что это создаст трудности при последующем оформлении решений.

— И кому понадобился я?

— Тем, кто опасается трудностей.

— Значит, не для предотвращения нарушений, а для их правильного оформления?

— Вы опять приписываете людям намерения.

— Я всего лишь пытаюсь понять поручение.

Рогов поднялся из-за стола.

— Завтра в одиннадцать. Машина будет у подъезда в десять пятнадцать.

— Вы даже не дождались моего согласия.

— Вы ведь приедете?

Воронцов перелистнул проект и задержался на последнем пункте.

— Приеду. Но исключительно потому, что хочу узнать, кто придумал эту конструкцию.

— Надеюсь, вы не станете задавать этот вопрос на совещании.

— Тогда лучше предупредите составителя заранее.

Утром следующего дня профессор надел свой лучший костюм.

Екатерина встретила его в прихожей.

— Куда собрался?

— На совещание.

— В Кремль?

Воронцов остановился.

— Откуда ты знаешь?

— Вчера после ухода твоего посетителя звонили. Спрашивали, какой размер пропуска оформлять.

— Пропуска не имеют размера.

— Вот и я удивилась.

— Что ты ответила?

— Что у тебя достаточно большое самомнение, но на пропуск оно вряд ли поместится.

Профессор рассмеялся.

— Прекрасно. Теперь меня наверняка не пустят.

Екатерина поправила ему воротник.

— Папа, будь осторожен.

— Я еду обсуждать постановление.

— Именно поэтому.

Он хотел ответить шуткой, но передумал.

— Вернусь к обеду.

— Ты всегда так говоришь.

— И иногда даже выполняю.

Кремль встретил его не торжественностью, а порядком.

Проверка документов, пропуск, коридор, ожидание.

Воронцов давно заметил, что власть проявляется не столько в больших кабинетах, сколько в способности заставить человека ждать, не объясняя причины.

Его провели в небольшую приёмную.

Там уже находились трое мужчин.

Один читал газету. Второй просматривал бумаги. Третий стоял у окна и курил.

Через несколько минут вошла Софья Левицкая.

— Александр Николаевич.

— Софья Ильинична. Рад видеть знакомое лицо. Особенно в учреждении, где никто не считает нужным представляться.

Она улыбнулась.

— Сегодня будет непростое обсуждение.

— Мне уже сказали.

— Кто вам сказал?

— Никто конкретно. В этом здании, кажется, такая традиция.

Левицкая понизила голос:

— Вас пригласили по настоянию одного из участников.

— Кого?

— Этого мне не сообщили.

— Вы начинаете говорить как Рогов.

— Здесь это полезный навык.

Воронцов заметил у неё в руках папку.

— Вы тоже готовили замечания?

— Готовила. И замечаний оказалось немало.

— И каковы выводы?

— Проект следует ограничить.

— Значит, нас уже двое.

— В черновике — да. В окончательном тексте я не решилась.

— В чём разница?

— Я написала это в черновике. В окончательной редакции осталось: «Требуется дополнительное уточнение отдельных положений».

Профессор поднял глаза от документа.

— Вы сами изменили текст?

— Мне предложили.

— И вы согласились?

Левицкая не отвела взгляда.

— У меня двое детей, Александр Николаевич.

Воронцов не нашёл слов для ответа.

Она добавила:

— Я не оправдываюсь. Просто объясняю.

— Понимаю.

И действительно понимал.

Ему самому было пятьдесят два года. За плечами — прежняя служба, утраченная кафедра, жизнь в коммунальной квартире и дочь, которая зависела от его заработка значительно меньше, чем он хотел бы признавать.

Смелость не становилась дешевле оттого, что человек привык говорить о ней уверенно.

Дверь открылась.

— Товарищи, прошу.

Совещание проходило за длинным столом.

Председательствовал заместитель руководителя одного из правительственных подразделений — плотный мужчина по фамилии Артамонов. Рядом сидели представители заинтересованных ведомств.

Воронцов узнал Белова.

Тот заметил профессора и недовольно поджал губы.

Рогов расположился ближе к концу стола.

Артамонов открыл заседание без вступительных речей.

— Переходим к вопросу об особом порядке рассмотрения материалов. Проект разослан. Замечания получены. Необходимо определить окончательную редакцию.

Белов заговорил первым.

— Предлагаем принять документ в представленном виде. Дополнительные ограничения затруднят оперативную работу.

Один из участников спросил:

— А как быть с ведомственными разногласиями?

— Разрешать в рабочем порядке.

— Кто будет разрешать?

— Руководители соответствующих органов.

— А если они не договорятся?

Белов не счёл это препятствием.

— Вынесем вопрос выше.

Воронцов записал несколько слов.

Артамонов заметил это.

— Александр Николаевич, у вас имеются замечания?

— Имеются. Прежде всего к порядку утверждения.

— Излагайте.

Профессор открыл папку.

— Прежде всего необходимо определить, что именно предполагается считать особым порядком.

Белов нетерпеливо произнёс:

— Это указано в проекте.

— Нет. В проекте указано, что особый порядок применяется в особых обстоятельствах по особым основаниям. Но содержание всех трёх понятий оставлено на усмотрение исполнителя.

Кто-то за столом тихо усмехнулся.

Артамонов поднял голову.

— Изложите вашу мысль до конца.

— Если государство намерено предусмотреть исключение из общего правила, оно должно установить основания исключения. Иначе исключение со временем вытеснит правило.

— Вы считаете, что это неизбежно? — спросил мужчина у окна.

Воронцов обернулся на голос.

Незнакомец был невысок, с внимательным лицом и усталым взглядом. На столе перед ним лежал только блокнот.

— Не неизбежно, — ответил профессор. — Но весьма вероятно, если применение исключения не требует объяснения.

— А если объяснение мешает работе?

— Тогда следует выяснить, почему работа не выдерживает объяснения.

Артамонов постучал карандашом.

— Мы обсуждаем практический документ, товарищи.

— Именно поэтому, — сказал Воронцов, — я предлагаю практическое решение.

Он вынул лист.

— Первый пункт: исчерпывающие основания применения особого порядка. Второй: письменное решение уполномоченного лица. Третий: ограниченный срок. Четвёртый: обязательная регистрация. Пятый: проверка законности.

Белов раздражённо произнёс:

— При таком количестве условий оперативность исчезнет.

— Зато появится возможность установить, кто и за что отвечает.

— Вы не доверяете работникам государства?

— Я предлагаю порядок, который не требует доверия к каждому работнику лично.

Артамонов нахмурился.

— Поясните.

— Хороший закон должен действовать независимо от того, добросовестен ли конкретный исполнитель. Если порядок работает только при честном начальнике, это не порядок, а надежда.

За столом стало тихо.

Незнакомец у окна сделал запись в блокноте.

— А что вы предлагаете делать, — спросил он, — когда закон мешает необходимому решению?

Воронцов ответил не сразу.

— Сначала убедиться, что решение действительно необходимо.

— Допустим, убедились.

— Тогда проверить, допускает ли действующее право его принятие.

— А если не допускает?

— Изменить закон в установленном порядке либо отказаться от решения.

— Вы всё время возвращаетесь к процедуре.

— Потому что процедура отличает полномочие от произвольного распоряжения.

Незнакомец закрыл блокнот.

— Но ведь закон принимают люди.

— И те же люди способны переписать его под свои нужды.

— И меняют тоже люди.

— Верно. Но воля не должна подменять закон.

— Значит, решающим всё равно остаётся человеческая воля?

Воронцов почувствовал, что вопрос задан не из праздного любопытства.

— Воля необходима для принятия решения. Но закон нужен именно для того, чтобы воля одного человека не становилась единственным основанием действий государства.

Незнакомец внимательно посмотрел на профессора.

— Даже если этот человек лучше других понимает государственную необходимость?

— Особенно тогда.

Белов откашлялся.

Артамонов поспешно вмешался:

— Предлагаю перейти к конкретным поправкам.

Обсуждение продолжалось ещё час.

Из пяти предложений Воронцова приняли два.

В проект включили обязательную письменную фиксацию решения и указание на должностное лицо, ответственное за его принятие.

Предложение о проверке законности отклонили.

Срок применения особого порядка оставили неопределённым.

А перечень оснований заменили формулой, допускавшей дополнительные случаи по решению уполномоченного органа.

Воронцов записал результаты.

Он понимал, что добился немногого.

Но и эти два пункта могли однажды оказаться важными.

Если существует письменное решение, остаётся след.

Если указан ответственный, появляется человек, которому можно задать вопрос.

Профессор ещё верил, что след и вопрос способны что-нибудь изменить.

После совещания Артамонов попросил его задержаться.

В кабинете остались Рогов и незнакомец, задававший вопросы у окна.

Артамонов представил его:

— Виктор Сергеевич Ордынцев. Работает по вопросам организационного обеспечения.

Ордынцев пожал Воронцову руку.

— Интересное выступление, Александр Николаевич.

— Надеюсь, полезное.

— Вы говорили, что исключительный порядок опасен, если не имеет пределов.

— Я по-прежнему так считаю.

— А если пределы установлены слишком узко?

— Их можно пересмотреть.

— Вы предлагаете пересматривать закон каждый раз, когда меняются обстоятельства?

— Нет. Я предлагаю заранее определить условия, при которых допускаются исключения.

Ордынцев прошёлся по комнате.

— У вас есть опыт работы в старом государственном аппарате.

— Есть.

— Вы видели, как там принимались решения?

— Достаточно, чтобы не идеализировать прежние порядки.

— И всё же считаете старую юридическую школу полезной?

— Я считаю полезным всё, что позволяет государству принимать решения без необходимости впоследствии скрывать, как они были приняты.

Ордынцев остановился.

— Хорошая формулировка.

Рогов взглянул на него.

— Александр Николаевич подготовит письменные предложения к следующей редакции.

— Не нужно, — ответил Ордынцев.

Воронцов не сразу нашёлся с ответом.

— Чем вас не устраивает продолжение работы?

— Ваши предложения уже понятны.

— Тогда зачем меня задержали?

Ордынцев перевёл взгляд на Артамонова.

Тот молча поднялся.

Рогов последовал его примеру.

Через несколько секунд профессор остался с Ордынцевым один.

— Александр Николаевич, — произнёс тот, — вы умеете видеть слабые места документа.

— Это моя профессия.

— Но не всегда предлагаете, как сделать документ пригодным.

— Пригодным для чего?

— Для исполнения принятого решения.

— Если решение незаконно, его нельзя исправить одной редакцией.

— А если решение политически необходимо?

— Тогда юридическая работа начинается с вопроса о полномочиях.

Ордынцев улыбнулся краем рта.

— Вы очень последовательны.

— Меня часто упрекают в этом.

— Напрасно. Последовательность полезна.

Он вернулся к столу.

— Скажите, вы согласились бы готовить заключения по документам, которые не подлежат опубликованию?

— При условии, что мне предоставят необходимые материалы.

— Даже если вы не будете знать конечного назначения документа?

— Нет. Без конечного назначения документа — не стану.

— Отчего это зависит?

— Потому что юридическое значение формулировки зависит от того, для какого решения она предназначена.

Ордынцев задумался.

— А если вам сообщат только общую цель?

— Тогда заключение будет ограничено известными мне обстоятельствами.

— И вы это укажете?

— Непременно.

— Даже если попросят не указывать?

Воронцов выдержал его взгляд.

— Особенно тогда.

Ордынцев принял ответ без возражений.

— Благодарю. Больше вопросов нет.

В коридоре профессора догнал Рогов.

— Как разговор?

— Познавательно.

— Ордынцев вам понравился?

— Он задаёт хорошие вопросы.

— Это ценное качество.

— Но ни разу не ответил на мой.

— На какой вопрос?

— Зачем я ему понадобился.

Рогов едва заметно улыбнулся.

— Вы слишком торопитесь получать ответы.

— В моём возрасте откладывать их надолго неразумно.

Они дошли до выхода.

— Александр Николаевич, — сказал Рогов, — я хотел бы дать вам один совет.

— Сегодня у вас день щедрости.

— Не записывайте в личную тетрадь всё, что происходит на службе.

Воронцов застыл с карандашом в руке.

— Откуда вы знаете о моей тетради?

Рогов тоже остановился.

На его лице впервые появилось выражение, похожее на досаду.

— Сути дела это не меняет.

— Для меня имеет.

— Вы ведёте записи о поручениях, встречах и документах.

— Вы считаете, что такие записи нельзя хранить?

— Некоторые сведения не предназначены для личного хранения.

— В моих записях нет секретных материалов.

— Дело не только в секретности.

— А в чём?

Рогов посмотрел по сторонам.

— Иногда опаснее всего оказывается не то, что человек узнал, а то, что он сумел правильно понять.

Воронцов некоторое время молчал.

— Михаил Аркадьевич, вы сейчас предупреждаете меня или угрожаете?

— Предупреждаю.

— От чьего имени?

— От собственного.

Рогов протянул руку.

— До свидания, Александр Николаевич.

Профессор не сразу ответил на рукопожатие.

— До свидания.

Вернувшись домой, Воронцов обнаружил, что дверь его кабинета открыта.

Он точно помнил, что утром запер её.

В комнате всё выглядело как обычно.

Книги стояли на местах. Бумаги лежали ровными стопками. Письменный стол был закрыт.

Но небольшая бронзовая фигурка Фемиды, подаренная когда-то сенатором Белозерским, оказалась повёрнута лицом к окну.

Воронцов всегда ставил её иначе.

Он подошёл к столу.

Открыл верхний ящик.

Чёрная тетрадь лежала на месте.

Профессор вынул её и пролистал.

Страницы не были вырваны.

Чернила не размазались.

Но между листами за октябрь 1924 года обнаружилась тонкая полоска бумаги, которой прежде не было.

На ней карандашом написали:

«Не всё, что записано, должно быть сохранено».

Воронцов опустился на стул.

Он не испугался сразу.

Сначала испытал профессиональное раздражение.

Кто-то вошёл в его кабинет, открыл запертый ящик, прочитал личные записи и оставил предупреждение.

Причём сделал это с такой уверенностью, будто не считал необходимым скрывать сам факт проникновения.

Профессор перечитал записку.

Потом взял чистый лист и записал время обнаружения, положение предметов и содержание сообщения.

Он собирался обратиться с жалобой.

Но прежде хотел поговорить с дочерью.

Екатерина вернулась около семи.

— Катя, кто-нибудь приходил сегодня?

— Нет, сегодня никто не приходил.

— Совсем никто?

— Соседка заходила за солью. А что?

— В кабинет кто-то входил.

Она побледнела.

— Ты уверен?

— Уверен. Я проверил дважды.

— Что пропало?

— Ничего.

— Тогда откуда знаешь?

Воронцов показал записку.

Екатерина прочитала.

— Папа, это угроза.

— Похоже на то.

— Нужно сообщить в милицию.

— Собираюсь.

Она посмотрела на него.

— Ты ведь понимаешь, кто мог это сделать?

— Нет. И пока не собираюсь подменять доказательства догадками.

— Но ты работаешь с секретными документами.

— Именно поэтому я обязан быть особенно осторожным в выводах.

Екатерина опустилась на стул напротив отца.

— Откажись от этой работы.

Воронцов оставил вопрос без ответа.

— Папа, ты слышишь?

— Слышу.

— Тогда почему молчишь?

Взгляд его остановился на бронзовой Фемиде.

— Потому что не уверен, что отказ что-нибудь изменит.

— Что это значит?

— Если они уже читают мои записи, значит, вопрос не в том, работаю я у них или нет.

— А в чём?

— В том, что я знаю.

Екатерина долго молчала.

— И что ты знаешь?

Воронцов подумал о Крестове, которому выдали третье имя.

О заключении, переписанном без его согласия.

О совещании, где обсуждали исключения из правил, не желая определять их пределы.

— Пока слишком мало, — ответил он.

На следующий день профессор обратился в милицию.

Дежурный выслушал его, записал обстоятельства и спросил:

— Что именно похищено?

— Ничего.

— Следы взлома есть?

— Нет, следов взлома не обнаружили.

— Свидетели?

— Нет, свидетелей пока не нашли.

— Тогда на каком основании вы считаете, что в квартире побывал посторонний?

Воронцов протянул записку собеседнику.

Дежурный прочитал её.

— Может, кто-то из домашних пошутил?

— У меня живёт взрослая дочь. Она не имеет привычки проникать в запертый кабинет и оставлять угрозы.

— А ключ у неё есть?

— Нет, ключа у неё нет.

— Значит, кто-то открыл замок?

— Иначе объяснить открытый замок трудно.

Дежурный задумался.

— А вы где работаете?

— Преподаю. Иногда консультирую государственные учреждения.

— Какие?

— Разные.

Дежурный посмотрел на него внимательнее.

— Секретные?

— Некоторые поручения имеют ограниченный характер.

Милиционер положил карандаш.

— Тогда, возможно, вам следует обратиться по месту работы.

— Я сообщаю о проникновении в жилище.

— Вы говорите о незаконном проникновении. Продолжайте.

— И прошу зарегистрировать заявление.

Дежурный вздохнул.

— Хорошо. Пишите.

Воронцов написал заявление в двух экземплярах.

На втором попросил поставить отметку о принятии.

Дежурный удивился.

— Зачем вам?

— Чтобы впоследствии не возникло сомнений, что я обращался.

Милиционер поставил дату.

Профессор поблагодарил его и вышел.

В тот же вечер ему позвонил Рогов.

— Александр Николаевич, зачем вы ходили в милицию?

Воронцов крепче сжал трубку.

— Откуда вам известно?

— Ваше заявление передали для выяснения обстоятельств.

— В какое подразделение?

— В соответствующее подразделение.

— Значит, милиция не будет заниматься делом?

— Не думаю, что в этом есть необходимость.

— А кто будет?

Рогов не сразу ответил.

— Вам больше не следует беспокоиться.

— Михаил Аркадьевич, я начну беспокоиться значительно сильнее, если вы не объясните, почему о моём заявлении узнали быстрее, чем успели опросить соседей.

— Александр Николаевич…

— И ещё один вопрос.

— Что вы хотите спросить?

— Вы предупреждали меня о тетради до того, как я обнаружил записку. Это совпадение?

Рогов отвёл глаза, не ответив на вопрос.

Профессор продолжил:

— Если кто-то считает мои записи опасными, он вправе потребовать объяснений в установленном порядке. Но проникновение в квартиру и угрозы не становятся законными оттого, что совершены ради государственных интересов.

На другом конце провода послышался тяжёлый вздох.

— Вы действительно ничего не понимаете.

— Тогда объясните.

— Иногда человека предупреждают именно для того, чтобы не пришлось применять к нему другие меры.

— Кто предупреждает?

— Те, кто отвечает за безопасность.

— Мою?

Рогов снова замолчал.

Воронцов выговорил, тщательно подбирая слова:

— Вот теперь я начинаю понимать.

Он положил трубку.

Через неделю в Управлении делами состоялось ещё одно совещание.

Профессора на него не пригласили.

Но Софья Левицкая передала ему копию окончательного постановления.

Документ был принят с двумя поправками Воронцова.

Обязательная письменная фиксация решений сохранилась.

Ответственное должностное лицо также должно было указываться.

Однако в последнем пункте появилась новая формулировка:

«В исключительных случаях допускается отступление от предусмотренного порядка по решению компетентного органа».

Воронцов прочитал её несколько раз.

Затем посмотрел на Левицкую.

— Это сводит на нет почти все ограничения.

— Практически все. От ограничений почти ничего не осталось.

— Кто предложил поправку?

— Не знаю, кто её предложил.

— Вы видели протокол?

— Нет, самого протокола я не видел.

— А кто согласовал окончательную редакцию?

Левицкая покачала головой.

— Александр Николаевич, не спрашивайте.

Он положил документ на стол.

— Вы понимаете, что теперь любой порядок можно объявить необязательным?

— Понимаю, к чему это приведёт.

— И всё-таки постановление принято.

— Да.

Воронцов долго смотрел на лист.

— Тогда зачем вообще понадобилось наше обсуждение?

Левицкая ответила тихо:

— Чтобы в деле осталось заключение о том, что проект прошёл юридическую проверку.

Профессор оторвал взгляд от листа.

— Моё заключение?

— В том числе.

— Но я возражал.

— Ваши замечания приложены.

— А выводы?

Она не сразу нашла слова.

— В сопроводительной справке написано, что основные предложения юридических консультантов учтены.

Воронцов почувствовал, как у него сжались пальцы.

— Основные?

— Именно так.

— Кто определил, какие из них основные?

Левицкая не ответила.

Он встал и подошёл к окну.

За стеклом виднелся заснеженный двор.

Впервые профессор ясно увидел механизм, который прежде представлялся ему лишь опасной возможностью.

Его не заставляли подписывать ложь.

Его не просили отказаться от возражений.

Напротив, ему позволяли писать всё, что он считал необходимым.

А затем из этих возражений выбирали две безопасные поправки и объявляли, что документ прошёл юридическую проверку.

Несогласие не уничтожали.

Его превращали в доказательство согласования.

— Софья Ильинична, — сказал он, не оборачиваясь, — мне понадобится полный комплект материалов.

— Что вы хотите выяснить?

— Чтобы установить, каким образом мои выводы использовали при принятии постановления.

— Вам не дадут.

— Тогда я направлю письменный запрос.

— И получите отказ.

— Значит, отказ тоже останется в деле.

Левицкая подошла ближе.

— Вы думаете, это что-нибудь изменит?

Воронцов повернулся.

— Не знаю.

— Тогда зачем?

Он ответил после паузы:

— Потому что однажды кто-нибудь откроет эту папку и спросит, почему никто не возражал.

— А если папку уничтожат?

— Тогда придётся сохранить другую.

Вечером профессор начал вести вторую тетрадь.

Первую он оставил в письменном столе.

Вторую спрятал в старом томе «Свода законов Российской империи», из которого давно выпали несколько страниц.

На первой странице новой тетради написал:

Для памяти. Не для служебного использования.

Затем составил перечень документов, к подготовке которых привлекался.

Рядом с каждым указал три обстоятельства:

Что предлагалось первоначально.

Какие замечания были сделаны.

Что оказалось в окончательной редакции.

Работа заняла почти всю ночь.

К утру он обнаружил закономерность.

Чем серьёзнее были его возражения против расширения государственных полномочий, тем чаще в итоговых документах появлялись формулы о необходимости исключений.

Иногда они были короткими.

Иногда скрывались в приложениях.

Но смысл оставался одним.

Правило устанавливалось для обычных случаев.

А решение о том, какой случай считать необычным, оставалось за теми, кто должен был соблюдать правило.

Воронцов подчеркнул последнюю запись.

Опасность особого порядка состоит не в его существовании, а в отсутствии обязанности доказать необходимость исключения.

Он закрыл тетрадь.

За окном рассветало.

Из кухни донёсся стук посуды.

Екатерина собиралась на работу.

Профессор посмотрел на часы и впервые за много лет решил не идти на утреннюю лекцию.

Он устал.

Но ещё сильнее его мучила мысль, от которой не удавалось избавиться.

Он хотел ограничить произвол точными юридическими формулировками.

А государственный аппарат учился использовать его точность для создания более совершенных способов обходить ограничения.

В конце февраля Воронцов получил новое поручение.

На этот раз в конверте лежала не папка с проектом постановления, а короткая служебная записка.

Профессору А. Н. Воронцову.

Просим подготовить заключение о допустимости использования ранее полученных письменных объяснений в качестве основания для принятия решения без повторного заслушивания соответствующего лица.

Ниже стоял срок исполнения.

Три дня.

Профессор ещё раз пробежал глазами записку.

С первого взгляда вопрос казался техническим.

Можно ли использовать уже имеющиеся объяснения, не вызывая человека повторно?

Разумеется, иногда можно.

Но всё зависело от того, для какого решения их собирались использовать, при каких обстоятельствах объяснения получены и имел ли человек возможность оспорить их содержание.

Воронцов взял карандаш.

На полях написал:

«О каком решении идёт речь?»

Через час он получил ответ.

Всего одну строку:

«О решении, имеющем окончательный характер».

Профессор почувствовал неприятный холод.

Он снова посмотрел на записку.

В ней не говорилось ни о суде, ни об обвиняемом, ни о наказании.

Но словосочетание «окончательный характер» в сочетании с отсутствием повторного заслушивания имело слишком определённый смысл.

Он вызвал посыльного.

— Передайте, что мне нужны материалы дела.

— Какие именно?

— Все.

— Мне поручено доставить только ответ.

— Тогда передайте ещё и вопрос.

Посыльный ушёл.

К вечеру пришла новая записка.

«Материалы дела предоставлены быть не могут. Требуется заключение по общему правовому вопросу».

Воронцов долго смотрел на бумагу.

Затем сел за стол и начал писать.

Первую страницу он посвятил общим условиям допустимости использования ранее полученных объяснений.

На второй указал, что объяснения должны быть получены без принуждения и надлежащим образом зафиксированы.

На третьей — что заинтересованному лицу должна быть предоставлена возможность сообщить дополнительные обстоятельства, если решение затрагивает его права.

На четвёртой написал:

«При отсутствии сведений о характере предполагаемого решения и обстоятельствах получения объяснений невозможно сделать вывод о допустимости их использования в конкретном деле».

Он поставил точку.

И уже собирался подписать документ, когда заметил в нижнем углу служебной записки едва различимый номер.

Дело № 41/О.

Воронцов открыл свой журнал поручений.

Перелистал несколько страниц.

Нашёл запись за ноябрь прошлого года.

Дело Николая Крестова.

Внутренний номер материалов, доставленных Семёновым, был тем же.

41/О.

Профессор несколько секунд сидел неподвижно.

Потом достал письмо человека, которому выдали третье имя.

«Прошу больше не искать меня. Это опасно не только для меня».

Теперь кто-то снова обращался к Воронцову.

Не сообщая фамилии.

Не показывая материалов.

Не объясняя, какое решение готовится.

И просил юридически обосновать возможность вынести окончательное решение без повторного заслушивания человека.

Воронцов закрыл папку и задержал на ней ладонь.

Он понял, что случайностей стало слишком много.

И что на этот раз одного особого мнения может оказаться недостаточно.

Профессор взял чистый лист и написал Рогову короткое письмо:

«Прошу немедленно предоставить сведения о процессуальном положении лица, материалы которого зарегистрированы под № 41/О. До получения указанных сведений считаю невозможным подготовку заключения, допускающего принятие окончательного решения без заслушивания этого лица».

Он подписал письмо.

Затем добавил от руки:

«В случае если речь идёт о Николае Павловиче Крестове, прошу сообщить, под каким именем он проходит по делу в настоящее время».

Письмо он отправил с нарочным.

А вечером впервые за долгие годы достал из шкафа старый револьвер, оставшийся у него с дореволюционных времён.

Оружие было неисправно.

Профессор знал это.

Он подержал револьвер в руке, затем убрал обратно.

Защищаться с его помощью было бы нелепо.

Но само существование оружия напомнило ему о времени, когда он ещё верил, что опасность можно распознать по человеку, который входит в комнату с пистолетом.

Теперь опасность приходила в виде правильно оформленного запроса.

И требовала заключения в трёх экземплярах.

* * *

Москва. Март 1925 года.

В понедельник утром профессор Воронцов обнаружил, что его письмо исчезло.

Не из письменного стола и не из почтового ящика. Письмо исчезло из официального делопроизводства.

Нарочный, которому он передал конверт в пятницу, уверял, что доставил его в Управление делами. Дежурный расписался в получении. В журнале отправлений сохранился номер.

Однако в понедельник секретарь Михаила Аркадьевича Рогова сообщила, что никакого письма не поступало.

— Возможно, произошла ошибка, — сказала она по телефону.

— Несомненно, — ответил Воронцов. — Осталось установить, чья.

— Вы могли бы направить письмо повторно?

— Мог бы. Но тогда первое продолжит существовать без моего ведома.

— Не понимаю.

— Представьте, что вы потеряли ключ от квартиры. Вы ведь не станете считать, что ключ перестал существовать?

— Нет.

— Вот и я не считаю.

Секретарь помолчала.

— Михаил Аркадьевич сегодня очень занят.

— Передайте, что я тоже. Особенно после того, как моё обращение научилось исчезать.

Он положил трубку.

Через двадцать минут телефон зазвонил снова.

На этот раз говорил сам Рогов.

— Александр Николаевич, зачем вы беспокоите моих сотрудников?

— Ищу письмо.

— Какое письмо?

— То, которое ваши сотрудники не получали.

— Я ознакомился с вашим обращением.

Взгляд Воронцова остановился на телефонной трубке.

— Значит, оно нашлось?

— Оно никуда не исчезало.

— Тогда почему секретарь утверждает обратное?

— Документ передали непосредственно мне.

— Минуя регистрацию?

— Не вижу здесь проблемы.

— А я вижу. У письма имеется входящий номер?

Рогов тяжело вздохнул.

— Вы всегда начинаете с формальностей.

— Потому что после формальностей обычно выясняется существо дела.

— Ваш запрос касается материалов, доступ к которым ограничен.

— Я не просил раскрывать содержание секретной операции. Я спросил, жив ли человек, в отношении которого от меня требуют юридическое заключение.

На другом конце провода стало тихо.

— Кто сказал вам, что речь идёт о Крестове?

— Номер дела.

— Вы ошибаетесь.

— Возможно. Тогда сообщите правильные сведения.

— Не могу.

— Значит, я пока не ошибся.

Рогов понизил голос:

— Александр Николаевич, не пытайтесь самостоятельно разбираться в обстоятельствах этого дела.

— Мне поручили дать заключение.

— По общему вопросу.

— Тогда пусть общий вопрос рассматривается без ссылки на конкретное дело.

— Вы отказываетесь?

— Я уже изложил условия.

— Хорошо. Сегодня в четыре часа приезжайте ко мне.

— С материалами?

— С вашим заключением.

— Оно ещё не подписано.

— Тем более приезжайте.

В трубке щёлкнуло, затем пошли гудки.

Воронцов некоторое время держал трубку у уха.

Потом записал разговор в тетрадь.

Он всё чаще замечал, что чиновники, уверенно распоряжавшиеся судьбами других людей, удивительно неохотно называли номера документов, даты и фамилии ответственных.

В Управлении делами его встретил Семёнов.

За четыре месяца знакомства молодой сотрудник заметно изменился. Теперь он реже раздражался на замечания профессора и почти всегда заранее снимал пальто.

— Александр Николаевич, Михаил Аркадьевич просил вас подождать.

— Долго?

— Не знаю.

— Тогда вы начинаете говорить как настоящий служащий центрального аппарата.

Семёнов не стал возражать.

Профессор сел у окна.

На подоконнике стоял фикус с пожелтевшими листьями. Рядом лежала свежая газета.

Воронцов развернул её.

На первой странице обсуждались вопросы хозяйственного строительства, международного положения и дальнейшего развития советского государства. Профессор прочитал несколько абзацев, но вскоре отложил газету.

Его занимало другое.

Если дело Крестова действительно продолжалось, зачем понадобилось заключение о возможности принять решение без повторного заслушивания?

Само по себе использование ранее полученных объяснений не было чем-то необычным. Но требование признать допустимым окончательное решение при отсутствии лица, которого оно касалось, выглядело иначе.

Воронцов уже видел подобные попытки в дореволюционной практике. Обычно за ними скрывалось желание устранить препятствие, которое мешало заранее намеченному исходу.

— Николай, — обратился он к Семёнову, — вы помните человека, которого приводили ко мне в ноябре?

Семёнов взглянул на дверь.

— Какого человека?

— Крестова.

— Не помню.

— У вас хорошая память на мои замечания и удивительно плохая на людей.

— Александр Николаевич, я не могу обсуждать служебные вопросы.

— А я спрашиваю не о служебном вопросе.

— Тогда о чём?

— О человеке.

Семёнов отвёл глаза.

— Не следует вам его вспоминать.

Воронцов сложил газету.

— Он жив?

Семёнов молчал.

— Николай, я не прошу нарушать служебную тайну. Ответьте хотя бы так: вам известно о его смерти?

Молодой человек сжал челюсти.

— Мне ничего не известно.

Профессор внимательно посмотрел на него.

— Вы стали гораздо осторожнее.

— Здесь быстро учатся.

— Главное — не забыть, чему учились прежде.

Семёнов предпочёл промолчать.

Через несколько минут дверь кабинета Рогова открылась.

— Александр Николаевич, прошу.

Рогов сидел за столом не один.

Рядом с ним находился незнакомый мужчина лет пятидесяти, с высоким лбом, редкими волосами и узкими губами.

— Борис Леонидович Грановский, — представил его Рогов. — Юридический консультант одного из заинтересованных учреждений.

Грановский поднялся.

— Наслышан о вас, профессор.

— Надеюсь, из юридических источников.

— В основном из служебных.

— Это хуже.

Они сели.

Рогов положил на стол заключение Воронцова.

— Мы ознакомились с вашими предварительными выводами.

— Тогда вам известно, почему я не могу дать окончательный ответ.

Грановский сложил руки.

— Александр Николаевич, вы несколько усложняете вопрос.

— Мне уже говорили.

— От вас требуется оценить допустимость использования письменных объяснений.

— Для какого решения?

— Для решения компетентного органа.

— Какой именно орган вы имеете в виду?

Грановский улыбнулся.

— Вы любите точность.

— В юриспруденции это полезная привычка.

— Тогда сформулируем иначе. Допустимо ли при наличии письменного признания лица принять решение по делу без его дополнительного опроса?

Воронцов встретился с ним взглядом.

— Что именно признало лицо?

— Обстоятельства, имеющие значение для дела.

— При каких условиях получено признание?

— В установленном порядке.

— Имеются ли сведения о принуждении?

— Не имеются.

— Может ли лицо подтвердить признание?

Грановский сделал паузу.

— Это не представляется возможным.

— Что препятствует?

— В силу обстоятельств дела.

— Какие обстоятельства?

— Не имею права сообщить.

Воронцов устало откинулся назад.

— Тогда вы просите меня признать достаточным доказательство, происхождение и достоверность которого я не могу проверить.

— Мы просим дать общую оценку.

— Общая оценка такова: признание не освобождает от необходимости проверить обстоятельства дела.

Грановский слегка наклонился вперёд.

— Даже если лицо признало всё?

— Особенно если признало всё.

Рогов удивлённо поднял глаза.

— Почему особенно?

— Потому что полное признание иногда заставляет следствие перестать искать доказательства. Между тем человек может оговорить себя, ошибаться или принимать на себя ответственность за чужие действия.

Грановский постучал пальцем по столу.

— Но если признание подтверждено другими материалами?

— Тогда следует изучить эти материалы.

— Вы снова возвращаетесь к конкретному делу.

— Потому что окончательное решение принимается не по отвлечённому вопросу, а в отношении конкретного человека.

Рогов вмешался:

— Александр Николаевич, допустим, необходимые обстоятельства уже установлены.

— Какой именно орган установил эти обстоятельства?

— Компетентным органом.

— В таком случае моё заключение не требуется.

— Почему вы так считаете?

— Потому что вы уже считаете вопрос решённым.

Грановский перестал улыбаться.

— Профессор, государство не может каждый раз начинать расследование заново.

— И не должно. Но оно обязано различать проверку доказательств и повторение уже проведённых действий.

— Вы хотите сказать, что письменное признание вообще ничего не стоит?

— Напротив. Оно может иметь значение. Но его доказательственная сила зависит от обстоятельств получения и подтверждения другими сведениями.

Рогов взял карандаш.

— А если лицо отсутствует?

— Почему отсутствует?

— Не может быть доставлено.

— Болезнь? Побег? Смерть?

Грановский быстро посмотрел на Рогова.

Воронцов заметил этот взгляд.

— Вот мы и подошли к существу вопроса, — произнёс он.

— Не понимаю, — сказал Грановский.

— Вы хотите получить заключение о допустимости окончательного решения в отношении человека, которого невозможно заслушать. При этом отказываетесь объяснить, почему его нельзя заслушать.

— Это служебные обстоятельства.

— Тогда решение должно приниматься без ссылки на моё заключение.

Грановский открыл портфель.

— Возможно, вам поможет один документ.

Он достал лист бумаги.

— Прошу ознакомиться.

Воронцов взял его.

Это был протокол письменных объяснений.

Фамилия лица была закрыта плотной полоской бумаги, прикреплённой к листу.

Профессор прочитал текст.

Объяснения касались передачи служебных документов посторонним лицам. Изложение было коротким, почти без подробностей. Несколько раз повторялась фраза: «С предъявленными обстоятельствами согласен».

В конце стояла подпись.

Воронцов задержал на ней взгляд.

Потом медленно положил документ на стол.

— Кто составлял протокол?

— Следователь.

— Фамилия следователя?

— Не имеет значения.

— Имеет. Почерк в основной части отличается от почерка в последнем абзаце.

Грановский нахмурился.

— Документ печатный.

— Подпись и заверительные записи сделаны от руки. Последний абзац добавлен другим лицом.

Рогов придвинул лист.

— Вы проверили запись?

— Я не эксперт по почерку. Но вижу, что чернила отличаются, а запись сделана после подписи.

Грановский перебил его:

— Это техническая особенность оформления.

— Возможно. Тогда её следует объяснить.

Профессор указал на нижнюю часть листа.

— Кроме того, здесь нет даты окончания опроса.

— Есть дата составления.

— Дата составления не подтверждает, когда опрос завершился.

Грановский протянул руку.

— Благодарю, профессор. Документ можно вернуть.

Воронцов не отпустил лист.

— Ещё один вопрос.

— Что именно вас интересует?

— Почему закрыта фамилия?

— В целях секретности.

— Тогда закройте и подпись.

Грановский замер.

Воронцов поднял документ ближе к свету.

— Вы закрыли фамилию, но оставили подпись человека, которого я видел собственными глазами.

Рогов побледнел.

— Александр Николаевич…

— Это подпись Крестова.

Грановский выхватил лист.

— Вы ошибаетесь.

— Возможно. Но в таком случае покажите мне подлинник.

— Совещание окончено, — резко сказал Рогов.

Профессор не встал.

— Михаил Аркадьевич, вы должны объяснить, что происходит.

— Не сейчас.

— Мне предлагают заключение, которое может быть использовано для принятия окончательного решения по делу человека, уже однажды лишённого собственной личности.

Грановский убрал документ в портфель.

— Профессор, вы выходите за пределы поручения.

Профессор повернулся к нему.

— Именно поэтому я ещё могу отличить поручение от соучастия.

В коридоре его догнал Рогов.

— Александр Николаевич, остановитесь.

Профессор повернулся.

— Вы намерены снова объяснить, что я неправильно понял задачу?

— Нет.

Рогов выглядел усталым.

— Я хочу попросить вас не предпринимать никаких действий до завтра.

— Что случилось?

— Потому что дело сложнее, чем кажется.

— Это я уже понял.

— И потому что не все участники действуют по собственной инициативе.

Воронцов внимательно посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что Грановский исполняет чужое поручение?

— Я ничего такого не говорил.

— Но и не опровергли.

Рогов оглянулся.

— Послушайте. Мне удалось добиться отсрочки.

— Какой отсрочки?

— Рассмотрения материалов.

— На сколько?

— На два дня.

— Значит, решение ещё не принято?

— Нет, окончательного решения ещё нет.

Воронцов почувствовал облегчение.

— Тогда необходимо немедленно установить местонахождение Крестова.

— Этого я сделать не могу.

— Что вам мешает?

Рогов посмотрел ему в глаза.

— Потому что никто из тех, с кем я разговаривал, не знает, где он находится.

— Он сбежал?

— Не могу утверждать, что он сбежал.

— Его перевели?

— Этого я пока не выяснил.

— А кто знает?

Рогов молчал.

Воронцов заговорил не сразу:

— Михаил Аркадьевич, вы ведь понимаете, что нельзя рассматривать дело человека, местонахождение которого неизвестно, и одновременно ссылаться на его признание, не проверив обстоятельства получения?

— Понимаю. Признание без проверки обстоятельств его получения ничего не доказывает.

— Тогда почему вы участвуете в этом?

Рогов отвернулся.

— Потому что иногда человек должен оставаться внутри учреждения, чтобы иметь возможность остановить хотя бы часть происходящего.

Профессор не ожидал такого ответа.

— И многое вам удалось остановить?

Рогов задержал на нём взгляд.

— Меньше, чем хотелось бы.

Они стояли посреди коридора.

Мимо проходили сотрудники с папками. Никто не обращал на них внимания.

— Завтра утром, — сказал Рогов, — я сообщу вам, что удалось выяснить.

— А если не сообщите?

— Тогда считайте, что мне не удалось ничего.

На следующий день Рогов не позвонил.

Не позвонил и через день.

Воронцов попытался связаться с ним через секретаря.

Ему сообщили, что Михаил Аркадьевич находится в командировке.

— Куда направлен? — спросил профессор.

— Не располагаю сведениями.

— Когда вернётся?

— Неизвестно.

— Кто его замещает?

— Уточните вопрос письменно.

Воронцов положил трубку.

К полудню он составил обращение на имя руководителя Управления делами.

В письме изложил обстоятельства поручения, указал на отсутствие необходимых материалов и отдельно отметил, что представленное ему письменное объяснение не может считаться достаточным основанием для окончательного решения без проверки.

В конце добавил:

«До устранения указанных недостатков использование моего имени в качестве лица, подтвердившего правовую допустимость предполагаемого решения, считаю недопустимым».

Он подписал письмо.

Затем приготовил второй экземпляр.

На этот раз решил доставить документ лично.

У входа в Управление делами его остановил незнакомый дежурный.

— К кому?
— К руководителю канцелярии.
— По какому вопросу?
— Письменное обращение.
— Оставьте у секретаря.
— Мне необходима отметка о получении.
Дежурный посмотрел на него с раздражением.
— Все документы принимаются в установленном порядке.
— Именно поэтому я здесь.
После десятиминутного ожидания профессор добился регистрации письма.
Секретарь поставила входящий номер и дату.
Воронцов проверил запись.
— Благодарю.
Он уже собирался уходить, когда услышал знакомый голос.
— Александр Николаевич.
У двери стояла Софья Левицкая.
Она выглядела встревоженной.
— Вы можете уделить мне несколько минут?
— Разумеется.
— Лучше поговорить не здесь.
Они вышли во двор.
Левицкая быстро пошла к воротам.
— Что произошло? — спросил Воронцов.
— Вы не должны были сегодня приходить.
— Что произошло?
— Рогова отстранили.
Профессор остановился.
— От должности?
— Пока от исполнения обязанностей.
— За что?
— Формально — за нарушение порядка работы с документами.
— А фактически?
Левицкая подняла на него глаза.
— За то, что он задержал рассмотрение одного дела.
Воронцов почувствовал, как у него похолодели руки.
— Крестова?
Она не ответила.
— Софья Ильинична.
— Да.
Они некоторое время молчали.
— Где Рогов?
— Мне неизвестно, где он сейчас.
— Его арестовали?
— Мне ничего не сообщили.
— Кто теперь ведёт дело?
— Грановский.
Профессор медленно выдохнул.
— Значит, отсрочка закончилась.
— Сегодня вечером состоится заседание.

— Какое заседание?

— Закрытое рассмотрение материалов.

— Где оно состоится?

— Я не могу сказать.

— Крестов будет присутствовать?

Левицкая опустила глаза.

— Нет.

— Что с ним случилось?

— Его нет.

— Что значит «нет»?

Она долго молчала.

Потом произнесла:

— Александр Николаевич, вчера я видела документ, согласно которому Николай Крестов умер в 1921 году.

— Это старое свидетельство.

— Нет. Новый документ.

Воронцов не сразу понял.

— Какой именно?

— Справка, подтверждающая, что лицо с таким именем не состоит на учёте и не может быть привлечено к участию в производстве.

— Но ведь он жив.

— В документе этого не указано.

— А Миронов?

— По имеющимся сведениям, Павел Миронов также не существует.

Воронцов переспросил, стараясь понять смысл услышанного.

— Значит, они собираются принять решение в отношении человека, которого официально нет?

Левицкая подтвердила его догадку.

— И хотят использовать ваше заключение, чтобы объяснить, почему его нельзя заслушать.

Воронцов вернулся домой и впервые за долгое время не стал записывать разговор в тетрадь.

Он сел за стол и долго смотрел на пустой лист.

Теперь ему была ясна цель поручения.

Необходимо было создать юридическое объяснение отсутствия обвиняемого.

Если человека не существует в документах, его невозможно вызвать.

Если его невозможно вызвать, можно сослаться на ранее полученные объяснения.

Если объяснения признаны достаточными, можно принять решение без участия лица.

А если затем кто-нибудь спросит, почему решение вынесено таким образом, в деле окажется заключение профессора Воронцова.

Он взял перо.

Вывел заголовок:

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Ниже поставил дату.

Затем начал:

«В связи с представленными мне материалами считаю необходимым указать, что отсутствие достоверных сведений о личности и местонахождении лица не может рассматриваться как самостоятельное основание для ограничения его права участвовать в рассмотрении вопроса, затрагивающего его свободу и ответственность».

На этом Воронцов прервал запись.

Перечитал.

Зачеркнул последние слова.

Написал проще:

«Нельзя лишить человека возможности защищаться только потому, что государственный орган не способен установить, под каким именем этот человек существует».

Профессор почувствовал, что впервые за несколько месяцев написал именно то, что хотел сказать.

Он продолжил.

«Считаю недопустимым использование моего ранее подготовленного заключения для обоснования решения по делу № 41/О. Заключение носило общий характер, было составлено без ознакомления с материалами и не содержит вывода о законности рассмотрения дела в отсутствие заинтересованного лица».

Ниже он приписал:

«Прошу приобщить настоящее особое мнение к материалам дела до принятия окончательного решения».

Воронцов подписал документ.

Сделал три копии.

Одну оставил себе.

Вторую вложил в конверт для Управления делами.

Третью адресовал в прокуратуру.

Он понимал, что ни одна из этих бумаг не гарантирует спасения Крестова.

Но если решение будет принято, у него останется доказательство того, что он возражал.

И, возможно, у кого-то появится основание пересмотреть дело.

Вечером в дверь позвонили.

Екатерина открыла.

На пороге стоял Семёнов.

Без пальто, без портфеля, в расстёгнутом пиджаке.

Он выглядел так, словно долго бежал.

— Александр Николаевич дома?

Профессор вышел в прихожую.

— Николай? Что случилось?

— Мне нужно поговорить с вами.

— Проходите.

— В доме говорить нельзя.

Воронцов повернулся к дочери.

— Катя, принеси мне пальто.

Они вышли на лестничную площадку.

Семёнов быстро заговорил:

— Ваше заключение уже включили в материалы.

— В каком виде его включили?

— Предварительное.

— Но я его не подписывал.

— Там есть подпись.

Профессор застыл, не сводя глаз с Семёнова.

— Чья?

— Ваша.

— Это невозможно.

— Я видел документ.

— Вы видели его собственными глазами?

— Видел. Держал документ в руках.

— Что именно написано?

Семёнов оглянулся на лестницу.

— Что при наличии письменного признания допускается принятие окончательного решения без повторного заслушивания лица.

Воронцов почувствовал неприятную пустоту в груди.

— Я такого не писал.

— Мне известно, что подпись подделана.

— Как вы об этом узнали?

— Я видел ваш первоначальный текст.

Профессор посмотрел на него.

— Николай, почему вы пришли?

Молодой человек молчал.

— Вы ведь рискуете.

— Рискую.

— Тогда зачем?

Семёнов сжал кулаки.

— Потому что они собираются использовать мою подпись тоже.

— Под чем?

— Под справкой о том, что Крестов отказался явиться.

— Он отказался?

— Нет, об отказе он не говорил.

— Где его держат?

Семёнов посмотрел профессору прямо в глаза.

— Его держат в здании на окраине Москвы.

— Под какой фамилией его там зарегистрировали?

— Под третьим.

— Каким?

Молодой человек произнёс почти шёпотом:

— Сергей Михайлович Лавров.

Воронцов запомнил фамилию.

— Вы можете подтвердить это письменно?

Семёнов побледнел.

— Если я подпишу такую бумагу, меня арестуют.

— Тогда почему вы сообщили мне?

— Потому что завтра его уже не будет.

— Что значит «не будет»?

Семёнов отвернулся.

— Я не знаю, что с ним собираются сделать. Но сегодня ночью его переводят.

— Куда его переводят?

— Не сказали.

Воронцов не спешил отвечать.

Наконец профессор задал вопрос:

— Николай, вы понимаете, что только что сообщили мне сведения, которые могут спасти человеку жизнь?

— Понимаю. Поэтому и пришёл к вам.

— Тогда нужно действовать немедленно.

Семёнов схватил его за рукав.

— Нет. Вы не понимаете. Они ждут именно этого.

— Чего?

— Что вы попытаетесь вмешаться.

Профессор нахмурился.

— Кто ждёт?

— Грановский.

— Зачем?

Семёнов отвёл взгляд к лестничному окну.

— Чтобы получить основание отстранить вас от всех документов.

— Почему им так важно моё отстранение?

Молодой человек ответил не сразу.

— Потому что вы нашли ошибку, которую они не могут исправить.

— Какую ошибку?

— В старых материалах.

— Каких именно?

Семёнов сделал шаг назад.

— Мне пора.

— Николай!

Но молодой человек уже спускался по лестнице.

Воронцов последовал за ним.

— Что за ошибка?

Семёнов остановился на пролёте ниже.

— Посмотрите дату на справке о смерти Крестова.

— Семнадцатое сентября 1921 года.

— А теперь посмотрите, когда было принято решение о выдаче ему нового имени.

— Я не видел этого решения.

— Оно датировано шестнадцатым сентября.

Воронцов перестал перелистывать бумаги.

Семёнов продолжил:

— И подписано человеком, который в тот день уже не занимал соответствующей должности.

— Чья подпись стоит под документом?

— Это вы должны установить.

Он быстро спустился вниз и исчез за дверью подъезда.

Воронцов вернулся в кабинет.

Достал все сохранившиеся материалы дела Крестова.

Перечитал свои записи.

Свидетельство о смерти — 17 сентября 1921 года.

Новое удостоверение выдано в 1922 году.

Но решение о смене личности, по словам Семёнова, датировалось 16 сентября 1921 года.

И было подписано должностным лицом, уже утратившим полномочия.

Профессор взял календарь за 1921 год, сохранившийся среди старых бумаг.

Затем открыл справочник государственных учреждений.

Он не знал фамилии подписавшего распоряжение.

Но знал, где искать.

В сентябре 1921 года произошли несколько кадровых изменений в органах государственной безопасности.

Если установить, кто именно выбыл из должности до шестнадцатого сентября, можно будет сузить круг возможных подписантов.

Воронцов начал выписывать фамилии.

Через час у него было четыре.

Через два — две.

Одна из них принадлежала человеку, умершему в августе 1921 года.

Вторая — чиновнику, переведённому в другое учреждение в начале сентября.

Профессор положил карандаш на стол.

Он ещё не мог сделать вывод.

Не было подлинника распоряжения, а сведения Семёнова требовали проверки.

Но возникал вопрос, который менял всё дело.

Если решение о смене личности подписано лицом, не имевшим соответствующих полномочий, то кто на самом деле распорядился объявить Крестова умершим?

И почему распоряжение оформили задним числом?

Воронцов подошёл к окну.

Во дворе стоял тот же чёрный автомобиль, который он заметил днём.

У машины курили двое мужчин.

Один посмотрел вверх.

Профессор отошёл от окна.

На письменном столе лежало особое мнение.

Он взял документ и перечитал последнюю страницу.

Затем добавил ещё один абзац:

«До установления подлинности документов, определяющих личность заинтересованного лица, а также полномочий лиц, принявших решения о её изменении, любое окончательное решение по делу считаю преждевременным».

Поставил подпись повторно.

Теперь у него было не только возражение против процедуры.

Появилось основание требовать проверки самого происхождения дела.

И впервые за всё время работы с материалами Крестова профессор почувствовал, что приблизился к чему-то гораздо более важному, чем судьба одного человека.

В половине второго ночи телефон зазвонил снова.

Воронцов взял телефонную трубку.

— Слушаю.

— Александр Николаевич?

Голос был незнакомый.

— Да.

— Вы подготовили особое мнение по делу № 41/О?

Профессор насторожился.

— С кем я разговариваю?

— Моё имя вам сейчас ничего не даст.

— Для меня имеет.

— Тогда считайте, что с человеком, который хочет предупредить вас.

— О чём вы хотите предупредить?

— Не отправляйте документ.

— Чем вызвана такая срочность?

— Потому что дело уже решено.

Пальцы Воронцова сильнее стиснули трубку.

— Кто принял решение?

— Это несущественно.

— Когда его приняли?

— Сегодня вечером.

— Но заседание должно было состояться завтра.

— Его перенесли.

Профессор почувствовал, как у него похолодели пальцы.

— Что с Крестовым?

Молчание.

— Крестов ещё жив?

— Пока.

Воронцов закрыл глаза.

— Что вы хотите?

— Чтобы вы прекратили заниматься этим делом.

— Кто требует этого?

Голос ответил спокойно:

— На том основании, что иначе следующим делом станет ваше.

Профессор медленно произнёс:

— Угроза не является правовым основанием.

На другом конце провода послышался короткий смешок.

— Именно поэтому вас и не любят, Александр Николаевич.

В трубке раздались короткие гудки.

Воронцов опустил трубку на рычаг.

Он долго стоял в тёмном коридоре.

Потом вернулся в кабинет, включил лампу и достал вторую тетрадь.

Записал время звонка.

Содержание разговора.

И последнюю фразу неизвестного.

Затем открыл ящик стола, вынул три экземпляра особого мнения и разложил их перед собой.

Один следовало отправить в Управление делами.

Второй — в прокуратуру.

Третий — сохранить.

Он понимал, что теперь обычный порядок действий может оказаться бесполезным.

Но не собирался отказываться от него только потому, что кому-то удалось ускорить заседание.

Воронцов взял четвёртый лист.

Озаглавил заявление:

«Заявление о возможной подделке служебных документов».

И впервые в жизни указал в качестве основания для проверки не только нарушение процедуры, но и возможное использование его собственной подписи без согласия.

Он ещё не знал, что это заявление станет причиной его первого настоящего столкновения с теми, кто распоряжался государственными тайнами.

И что уже через несколько дней ему предложат сделку.

Отказаться от дела Крестова.

Взамен получить возможность участвовать в подготовке документов, которые будут определять жизнь всей страны.

Глава 2. Цена молчания

Москва. Март 1925 года.

В семь часов утра профессор Воронцов обнаружил, что за ним наблюдают плохо.

Это было даже обидно.

Молодой человек в серой кепке стоял напротив подъезда, делая вид, что изучает объявление о продаже подержанной мебели. Объявление висело там с прошлого лета, а мебель, судя по всему, давно превратилась в дрова.

Второй наблюдатель расположился у газетного киоска. Он трижды покупал одну и ту же газету, каждый раз расплачиваясь мелочью.

Воронцов остановился у окна и задумался.

Если эти люди действительно следили за ним, их подготовка оставляла желать лучшего. Если же они намеренно показывали своё присутствие, значит, кто-то решил, что профессор нуждается в дополнительном воспитании.

Вторая возможность казалась более вероятной.

— Папа, — сказала Екатерина, входя с чайником, — ты уже полчаса смотришь на улицу.

— Изучаю состояние государственной службы.

— И как оно?

— Один сотрудник совершенно не умеет притворяться прохожим. Второй слишком любит периодическую печать.

Екатерина подошла к окну.

— Это те, кто вчера стоял у машины?

— Не исключено.

— Ты собираешься что-нибудь делать?

— Да. Позавтракаю.

— Я серьёзно.

Воронцов обернулся к дочери.

— И я. Человек не должен позволять угрозам нарушать установленный порядок питания.

Она поставила чайник.

— Ты не спал всю ночь.

— Работал.

— Над чем?

— Над документом, который очень не понравится некоторым людям.

— Тогда не отправляй его.

Профессор сел.

— Катя, если я начну определять содержание юридических заключений по тому, кому они понравятся, мне придётся сменить профессию.

— Возможно, это было бы разумно.

Теперь он всмотрелся в её лицо.

— Ты испугалась?

— Испугалась.

Ответ прозвучал так просто, что Воронцов не нашёл привычной шутки.

Екатерина заняла стул напротив.

— Я не боюсь твоих старых книг, твоих лекций и даже того, что ты споришь с каждым чиновником, который приходит в дом. Но вчера ночью тебе угрожали. Сегодня за квартирой следят. А ты ведёшь себя так, будто всё это можно исправить замечанием на полях.

— Я не считаю, что всё можно исправить.

— Тогда почему продолжаешь?

Он опустил взгляд на собственные руки.

— Потому что однажды я уже промолчал.

Екатерина удивилась.

— Когда ты промолчал?

С ответом он помедлил.

— В 1916 году. Одного человека собирались привлечь к ответственности по делу о поставках для армии. Я видел, что часть документов составлена задним числом. Доложил об этом сенатору Белозерскому, но официального возражения не подал.

— Что вас остановило?

— Боялся повредить службе. Решил, что старшие разберутся.

— И что случилось?

— Человека осудили. Позднее выяснилось, что он был невиновен.

— Его освободили?

— Да. Через два года. После революции.

Екатерина помолчала.

— Значит, ты пытаешься исправить старую ошибку?

— Нет. Её уже нельзя исправить. Я пытаюсь не совершить такую же.

Он взял чашку.

Чай успел остыть.

В десять утра Воронцов отправился в прокуратуру.

Он не стал брать автомобиль, который ему иногда предоставляли для служебных поездок. Пошёл пешком, затем сел в трамвай.

Человек в серой кепке последовал за ним.

Профессор заметил его отражение в окне вагона.

Наблюдатель держался у задней площадки и старательно не смотрел в сторону Воронцова.

На третьей остановке профессор вышел.

Молодой человек тоже.

Воронцов подошёл к газетному киоску.

— Будьте добры, «Известия».

Продавец протянул газету.

Профессор расплатился, развернулся и неожиданно обратился к наблюдателю:

— Молодой человек, вам тоже газету?

Тот растерялся.

— Что?

— Вы уже двадцать минут следуете за мной. Решил, что у нас общие интересы.

— Вы ошиблись.

— Возможно. Тогда вам не составит труда пойти в другую сторону.

Молодой человек посмотрел на него с раздражением.

— Гражданин, не задерживайте проход.

— Я уже ухожу.

Воронцов отошёл.

Наблюдатель остался у киоска.

Через минуту профессор заметил, что за ним идёт другой человек.

Этот был значительно опытнее.

Он не смотрел на Воронцова, не повторял его остановок и несколько раз менял сторону улицы.

Профессор понял, что первый наблюдатель был нужен лишь для того, чтобы отвлечь внимание от второго.

Это открытие ему не понравилось.

В прокуратуре его приняли не сразу.

Сначала секретарь долго изучал удостоверение консультанта.

Затем попросил изложить цель обращения.

— Заявление о возможной подделке служебного документа.

— Какого документа?

— Юридического заключения.

— Кто заявитель?

— Я.

— А потерпевший?

Воронцов задумался.

— Сначала нужно установить, что с ним произошло.

Секретарь поднял глаза.

— Как это?

— Моя подпись могла быть использована для обоснования решения по делу другого человека. Не исключено, что именно этот человек пострадает от подлога.

— Чья подпись?

— Установить не удалось.

Секретарь отложил ручку.

— Александр Николаевич, вы хотите заявить о подделке документа, которого у вас нет, в отношении человека, чья личность неизвестна?

— Примерно так.

— И на каком основании?

— На основании того, что документ мне предъявляли, а подпись под ним была не моя.

— Вы можете это подтвердить?

— Собственными экземплярами заключения, журналом поручений и показаниями лиц, присутствовавших при обсуждении.

Секретарь вздохнул.

— Подождите.

Через двадцать минут Воронцова пригласили в кабинет помощника прокурора.

За столом сидел молодой мужчина с аккуратным пробором и усталым лицом.

— Сергей Павлович Дёмин, — представился он. — Проходите.

Профессор сел.

Дёмин прочитал заявление.

— Вы утверждаете, что ваш документ изменён без согласия?

— Утверждаю. Я не давал согласия на исправления.

— Где находится подлинник?

— У должностных лиц, которые предъявляли мне изменённый текст.

— Фамилии?

— Грановский и Рогов.

Дёмин записал.

— Кто из них составил документ?

— Не удалось установить составителя.

— Кто поставил подпись?

— Подписавшего тоже не установили.

— А почему вы уверены, что подпись поддельная?

Воронцов повернулся к собеседнику.

— Потому что я её не ставил.

— Понимаю. Но потребуется исследование.

— Для этого и прошу провести проверку.

Дёмин ещё раз прочитал заявление.

— Вы ссылаетесь на дело № 41/О. Что это за дело?

— Материалы, связанные с установлением личности гражданина, которому были выданы документы под другим именем.

— По решению какого органа?

— Мне не сообщили.

Дёмин поднял голову.

— Александр Николаевич, вы понимаете, что речь может идти о секретных материалах?

— Разумеется. Секретность не отменяет установленного порядка.

— Тогда проверка должна проводиться с соблюдением установленного порядка.

— Я именно этого и прошу.

Дёмин задумался.

— Вы раньше работали следователем?

— Нет. Помощником сенатора, затем преподавателем права.

— У вас манера говорить как у человека, привыкшего допрашивать.

— А у вас — как у человека, который заранее знает, почему заявление будет трудно рассмотреть.

Молодой прокурор неожиданно улыбнулся.

— Вы не ошиблись.

Воронцов тоже улыбнулся.

— Тогда, возможно, мы сумеем договориться.

Дёмин закрыл папку.

— Я зарегистрирую заявление. Но должен предупредить: материалы могут передать по принадлежности.

— Куда могут направить материалы?

— В учреждение, где находится документ.

Профессор перестал улыбаться.

— То есть проверять подлинность заключения будут люди, которые им воспользовались?

— Не обязательно те же самые.

— Но из того же учреждения.

— Возможно.

Воронцов помедлил с ответом.

— Сергей Павлович, представьте, что я жалуюсь на подделку документа в вашей прокуратуре. Вы направляете заявление человеку, которого подозревают в подделке, и просите его сообщить, всё ли в порядке.

Дёмин покраснел.

— Вы упрощаете процедуру.

— Я показываю её возможный результат.

Молодой прокурор некоторое время молчал.

Затем взял чистый лист.

— Я направлю запрос о предоставлении заверенной копии документа. Отдельно попрошу сведения о порядке его составления.

— Буду признателен за запрос.

— Но ничего не обещаю.

— Это первое разумное обещание, которое я сегодня услышал.

Когда профессор вышел на улицу, его ожидал Семёнов.

Он стоял возле чёрного автомобиля.

— Александр Николаевич, вас просят проехать.

— Кто просит?

— Михаил Аркадьевич.

— Он вернулся из командировки?

— Вернулся.

— Удивительно быстро. Вчера мне говорили, что его местонахождение неизвестно.

Семёнов открыл дверцу.

— Прошу вас.

Воронцов перевёл взгляд на автомобиль.

— Николай, это приглашение или задержание?

— Приглашение.

— Тогда почему вы выглядите так, будто получили приказ не выпускать меня из виду?

Молодой человек ответил тихо:

— Потому что мне действительно приказали.

Профессор сел в машину.

Рогов находился не в своём обычном кабинете.

Его разместили в небольшой комнате на втором этаже старого здания, где прежде, судя по мебели, находилась канцелярия.

На столе стояли телефон, графин воды и одна папка.

Рогов выглядел постаревшим.

— Александр Николаевич, садитесь.

— Вы в командировке или под домашним арестом?

— Ни то ни другое.

— Тогда почему вас переселили?

— Служебная необходимость.

Воронцов задержал взгляд на пустые шкафы.

— Она здесь явно победила.

Рогов не отреагировал.

— Вы подали заявление в прокуратуру.

— Подал. Другого законного способа потребовать проверки у меня не было.

— Почему вы сочли это необходимым?

— Потому что мою подпись использовали без согласия.

— Вы понимаете, какие последствия это может вызвать?

— Надеюсь, проверку.

— Боюсь, одной проверкой дело не ограничится.

Рогов открыл папку.

— Мне поручено предложить вам урегулировать вопрос без дальнейшей переписки.

Воронцов сразу уловил в этих словах подвох.

— Что именно вы предлагаете?

— Вы отзываете заявление.

— Чем обоснован отзыв?

— Взамен вам предоставят возможность ознакомиться с материалами, подтверждающими, что заключение использовано надлежащим образом.

— Почему нельзя сначала показать материалы?

— Таков порядок.

— Чей?

— Не имеет значения.

Профессор поднялся из-за стола.

— Тогда разговор окончен.

— Подождите.

Рогов тоже поднялся.

— Александр Николаевич, вы не понимаете, насколько серьёзно положение.

— Какие последствия вы имеете в виду?

— Ваше заявление затрагивает не только дело Крестова.

— А какие ещё дела?

Рогов посмотрел на дверь.

— Существует несколько документов, оформленных по аналогичной процедуре.

— Сколько?

— Точного числа мне не назвали.

— Десятки?

Молчание.

— Сотни?

Рогов опустил глаза.

Воронцов снова сел.

— Господи, Михаил Аркадьевич…

— Не делайте выводов.

— Тогда дайте факты.

Рогов открыл папку и вынул один лист.

— Это проект соглашения о дальнейшем сотрудничестве.

Воронцов прочитал заголовок.

«О привлечении профессора А. Н. Воронцова к подготовке правовых заключений по вопросам особой государственной важности».

Ниже перечислялись условия.

Постоянное консультирование.

Доступ к документам ограниченного характера.

Дополнительное вознаграждение.

Возможность участия в закрытых совещаниях.

И отдельный пункт:

«Консультант обязуется не предпринимать самостоятельных действий по проверке обстоятельств, ставших ему известными в связи с исполнением служебных поручений, без предварительного согласования с уполномоченным руководителем».

Воронцов положил лист на стол.

— Нет.

Рогов устало произнёс:

— Вы даже не дочитали.

— Прочитал достаточно.

— Это обычное условие.

— Оно лишает меня возможности сообщить о нарушении без разрешения человека, который может быть причастен к нарушению.

— Речь о служебной дисциплине.

— Нет. Речь о молчании.

Рогов закрыл глаза.

— Александр Николаевич, вы слишком буквально понимаете документы.

— А вы предлагаете мне подписывать их, не понимая буквально?

— Я предлагаю вам возможность работать над важными государственными решениями.

— В обмен на отказ от права возражать?

— В обмен на соблюдение установленного порядка.

Воронцов указал на последний пункт.

— Здесь не установлен порядок подачи возражений. Здесь установлен порядок их предварительного разрешения.

Рогов выдержал короткую паузу.

— Вы хотите изменить формулировку?

— Я хочу её исключить.

— Это невозможно.

— Тогда соглашения не будет.

Профессор поднялся.

Рогов вдруг произнёс:

— Крестов жив.

Воронцов задержал шаг.

— Куда его отправили?

— Его перевели.

— В какое учреждение?

— В другое учреждение.

— А под каким именем он числится теперь?

— Этого я не могу сообщить.

— Вы видели его?

— Нет, лично я его не видел.

— Тогда откуда знаете, что он жив?

Рогов вынул из папки небольшую карточку.

— Получено подтверждение.

Воронцов протянул руку.

— Дайте взглянуть на подтверждение.

Рогов не отдал карточку.

— Сначала договоримся.

Профессор медленно опустил руку.

— Значит, вот ваша цена.

— Я пытаюсь спасти ситуацию.

— Чью?

— Вашу. И его.

Воронцов смотрел на него несколько секунд.

— Михаил Аркадьевич, если человек жив, это не предмет торга.

— Здесь всё гораздо сложнее.

— Нет. Вы предлагаете мне отозвать заявление, отказаться от проверки и подписать обязательство молчать. Взамен обещаете сообщить, что человек, судьба которого зависит от вашего учреждения, пока не умер.

Рогов побледнел.

— Вы несправедливы.

— Возможно. Тогда докажите.

Рогов долго молчал.

Затем положил карточку на стол.

— Читайте.

На ней было напечатано:

«Лицо, ранее проходившее по материалам № 41/О, находится в распоряжении уполномоченного учреждения. Состояние удовлетворительное. Дополнительные сведения предоставлению не подлежат».

Воронцов прочитал.

— Дата?

— Вчерашняя.

— Чья подпись стоит под записью?

— Дежурного сотрудника.

— Фамилия дежурного?

— Не указана.

Профессор положил карточку.

— Это не подтверждение того, что Крестов жив.

— А что?

— Это подтверждение того, что кто-то вчера составил карточку.

Рогов ударил ладонью по столу.

— Да поймите же вы наконец! Я не могу сделать больше!

Воронцов не ожидал вспышки.

В Рогове он впервые разглядел не чиновника, привыкшего распоряжаться документами, а человека, который боялся.

— Михаил Аркадьевич, — произнёс профессор спокойнее, — кто заставляет вас заниматься этим делом?

Рогов отвернулся.

— Не спрашивайте.

— Вам угрожают?

— Не спрашивайте.

— Вы сами подписывали какие-либо документы по Крестову?

Рогов медленно повернулся.

— Один.

— Какой вопрос?

— О передаче материалов.

— Куда передали материалы?

— В специальное производство.

— Когда передали?

— В ноябре прошлого года.

Воронцов помрачнел.

— Но тогда вы говорили, что дело урегулировано.

— Я так считал.

— Что изменилось?

Рогов опустился в кресло.

— В январе обнаружили расхождения в документах. Кто-то начал проверку старых распоряжений. Потом исчезли два сотрудника архива.

— Их арестовали?

— Сведений об аресте у меня нет.

— А Грановский?

— Он получил поручение завершить дело.

— Какое именно?

Рогов посмотрел на профессора.

— Чтобы вопрос больше не возникал.

Собеседник оставил вопрос без ответа.

Воронцов произнёс с расстановкой:

— Вы хотите сказать, что дело Крестова закрывают не потому, что установили истину, а потому, что оно стало неудобным?

Рогов оставил вопрос без ответа.

Профессор вышел из здания через час.

Соглашение он не подписал.

Заявление из прокуратуры не отозвал.

Но впервые за всё время знакомства с Роговым почувствовал не удовлетворение от собственной твёрдости, а тяжёлое сомнение.

Если Михаил Аркадьевич действительно пытался удержать дело от окончательного решения, отказ от сделки мог лишить его последней возможности помочь Крестову.

С другой стороны, согласие означало бы признание права учреждения запрещать юристу сообщать о нарушениях.

Воронцов шёл по улице, не замечая прохожих.

На перекрёстке его догнала Левицкая.

— Александр Николаевич.

Он обернулся.

— Софья Ильинична?

— Я искала вас.

— Что произошло?

Она протянула сложенный лист.

— Это копия документа, который сегодня утром передали Грановскому.

Профессор развернул бумагу.

В верхней части стоял гриф:

СЕКРЕТНО

Ниже — заголовок:

«Справка о юридических основаниях завершения производства по материалам № 41/О».

Воронцов начал читать.

На второй странице обнаружил ссылку на своё заключение.

«Согласно правовому мнению профессора А. Н. Воронцова, при наличии ранее полученных письменных объяснений допускается принятие окончательного решения без повторного заслушивания лица».

Он замер на месте.

— Я этого не писал.

— Я вижу, что здесь нет моего текста.

— Но здесь нет даже оговорок.

— Их убрали.

Профессор перевернул лист.

Внизу находилась ещё одна фраза:

«Возражения консультанта по вопросам процедуры не затрагивают существа предлагаемого решения».

Профессор оторвался от бумаг.

— Они использовали моё особое мнение как доказательство того, что я согласен с существом решения.

Левицкая ответила кивком.

— Да.

— Кто подготовил справку?

— Грановский.

— Кто согласовал?

— Мне ещё не удалось это выяснить.

Воронцов сложил лист.

— Мне необходимо получить заверенную копию.

— Вам её не дадут.

— Тогда я укажу, что видел документ.

Левицкая повернулась к нему.

— Вы собираетесь снова писать?

— Собираюсь. Оставить это без возражений нельзя.

— Александр Николаевич, вы ведь понимаете, что на этот раз речь идёт уже не только о Крестове?

— Понимаю. Екатерина тоже может оказаться под ударом.

— Тогда подумайте о Екатерине.

При упоминании дочери Воронцов резко поднял голову.

— При чём здесь моя дочь?

Левицкая отвела взгляд вниз.

— Сегодня утром мне показали её личное дело.

Воронцов почувствовал, как у него сжалось горло.

— Кто именно?

— Человек из другого учреждения.

— Что ему было нужно?

— Спросил, продолжает ли она преподавать и с кем поддерживает отношения.

— Что вы ответили?

— Что не располагаю сведениями.

— Вы ведь знаете её.

— Поэтому и ответила так.

Воронцов долго молчал.

Левицкая добавила:

— Я не знаю, что они собираются делать. Но теперь вы должны понимать, что ваши решения затрагивают не только вас.

Профессор посмотрел на бумагу в своей руке.

— Софья Ильинична, вы рискуете не меньше.

— Я понимаю.

— Почему помогаете?

Она ответила не сразу.

— Потому что в ноябре вы настояли на том, чтобы в деле осталась ваша запись о несогласии.

— И что вы теперь об этом думаете?

— Я тогда подумала, что это бессмысленно. А теперь именно благодаря этой записи можно доказать, что позднейшее заключение вам не принадлежит.

Впервые за весь разговор Воронцов почувствовал облегчение.

— Значит, особое мнение всё-таки пригодилось.

— Пригодилось.

Она задумалась.

— Только теперь его хотят уничтожить.

Дома профессор застал Екатерину за необычным занятием.

Она собирала книги в дорожный чемодан.

— Ты куда-то уезжаешь? — спросил он.

— В школу попросили привезти несколько учебников.

— В чемодане?

— Они тяжёлые.

Воронцов подошёл ближе.

Среди учебников лежали фотографии, письма и небольшой свёрток с личными вещами.

Взгляд его остановился на дочери.

— Катя.

Она перестала складывать книги.

— Что?

— Ты собираешься уехать.

Екатерина села на край дивана.

— Мне предложили место в школе под Тверью.

— Когда предложили?

— На прошлой неделе.

— Почему не сказала?

— Не хотела тебя расстраивать.

Воронцов сел рядом.

— Ты решила из-за меня?

— Не только.

— Катя.

Она посмотрела ему в глаза.

— Папа, я устала бояться каждого звонка. Устала смотреть, кто стоит у подъезда. Устала думать, что однажды ты не вернёшься с очередного совещания.

Профессор не сразу нашёл, что сказать.

— Я не прошу тебя отказаться от своих убеждений, — продолжила она. — Но я хочу иметь возможность жить, не ожидая беды каждый день.

Он взял её за руку.

— Когда нужно дать ответ?

— Завтра.

— Поезжай.

Екатерина не скрыла удивления.

— Ты не будешь возражать?

— Нет.

— А ты?

— Останусь.

— Почему?

Его внимание привлёк чемодан.

— Потому что здесь есть дело, которое я не могу бросить.

Екатерина опустила голову.

— Я так и знала.

— Но ты не должна платить за мои решения.

Она обняла его.

Профессор почувствовал, как сильно дрожат её руки.

Вечером следующего дня Воронцов получил письмо из прокуратуры.

Оно было коротким.

«Ваше заявление о возможной подделке служебных документов направлено для проверки по принадлежности».

Ниже указывалось учреждение, которому переданы материалы.

Профессор прочитал название.

Это было то самое ведомство, сотрудники которого использовали изменённое заключение.

Он медленно положил письмо.

Затем достал чистый лист и начал составлять новое обращение.

На этот раз — с указанием на невозможность объективной проверки обстоятельств лицами, действия которых ставятся под сомнение.

Он писал почти час.

Когда закончил, за окном уже стемнело.

Воронцов подписал документ и положил его в папку.

Затем открыл вторую тетрадь.

Март 1925 года.

Сегодня мне предложили молчание в обмен на возможность продолжать работу. Отказался.

Он перечитал написанное.

После паузы дописал:

Но впервые возник вопрос, имею ли я право подвергать опасности других людей ради собственного понимания профессионального долга.

Профессор долго смотрел на последнюю строку.

Потом зачеркнул слово «собственного».

Получилось:

…ради понимания профессионального долга.

Он перечитал.

Именно эти слова он и хотел оставить.

Но легче не стало.

Через два дня Екатерина уехала.

Воронцов проводил её на вокзал.

Они стояли на платформе среди пассажиров, носильщиков и солдат с вещевыми мешками.

— Пиши, — сказал он.

— Буду.

— И не забывай есть горячее.

— Папа, мне двадцать три года.

— Именно поэтому. В двадцать три человек считает, что может питаться одним чаем.

Она улыбнулась.

Потом стала серьёзной.

— Ты обещаешь быть осторожным?

Профессор задумался.

— Обещаю не рисковать без необходимости.

— Ты ведь сам определяешь, что необходимо.

— К сожалению.

Поезд тронулся.

Екатерина помахала из окна.

Профессор стоял на платформе, пока последний вагон не скрылся за поворотом.

Затем медленно пошёл к выходу.

У вокзальных ворот его ожидал Семёнов.

— Александр Николаевич.

Воронцов замер.

— Николай, если вы снова предложите мне проехать неизвестно куда, я начну считать это вашим любимым развлечением.

Молодой человек не улыбнулся.

— У меня сообщение.

— Кто передал сообщение?

— От Михаила Аркадьевича.

— Рогов жив?

Семёнов удивлённо посмотрел на него.

— Да.

— В последнее время это уже полезно уточнять.

Семёнов протянул небольшой конверт.

— Просил передать лично.

Воронцов открыл его.

Внутри находился лист бумаги.

Всего одна фраза:

«Дело № 41/О прекращено. Основание — отсутствие события преступления».

Профессор вернулся к первым строкам записки.

— Крестова освободили?

— Мне не сообщили, освободили ли его.

— Где его держат?

— Его местонахождение неизвестно.

— Кто подписал решение?

Семёнов покачал головой.

— Мне велели передать только это.

Профессор задержал на нём взгляд.

— Николай, вы ведь понимаете, что прекращение дела не означает освобождения человека, если он находится под другим именем и в другом учреждении?

— Понимаю. Дело могли закрыть только на бумаге.

— Тогда почему вы молчите?

Семёнов долго смотрел на него.

— Потому что иногда молчание — единственное, что позволяет человеку остаться живым.

Профессор хотел возразить, но не успел.

Семёнов добавил:

— И ещё. Михаил Аркадьевич просил сказать, что ваше заявление сыграло роль.

— Какую роль?

— После него стало невозможно закрыть дело без письменного решения.

Профессор прочёл записку повторно.

— Значит, они всё-таки вынесли постановление.

— Постановление принято.

— А особое мнение?

Семёнов едва заметно улыбнулся.

— Приобщено.

Профессор почувствовал неожиданное облегчение.

Не победу.

Даже не уверенность в том, что Крестов спасён.

Но впервые его возражение не исчезло бесследно.

Оно заставило чиновников оставить документ, за который кто-то должен был отвечать.

На следующий день Воронцов получил официальное приглашение.

На бланке Управления делами сообщалось, что его присутствие необходимо для обсуждения вопросов совершенствования государственного законодательства.

Совещание назначалось через неделю.

Подпись принадлежала человеку, которого профессор прежде не встречал.

В. С. Ордынцев.

Воронцов вспомнил невысокого мужчину с внимательным взглядом, задававшего вопросы на февральском совещании.

Того самого, который интересовался, что делать, если закон мешает политически необходимому решению.

Профессор положил приглашение на стол.

Рядом лежала записка о прекращении дела Крестова.

Два документа.

Один подтверждал, что юридическое возражение иногда способно изменить решение.

Другой обещал новые поручения от людей, для которых юридическое оформление было лишь частью большой политической работы.

Воронцов не знал, какой из этих документов окажется важнее.

Но впервые задумался о том, что власть может ценить его именно за способность находить законный выход из трудного положения.

И что однажды ему предложат такой выход, который будет законным только на бумаге.

Он взял перо.

Открыл тетрадь.

В тетради появилась запись:

«Дело № 41/О прекращено. Судьба Крестова не установлена. Проверку подлинности заключения продолжить».

Ниже добавил:

«Получено новое приглашение. Необходимо выяснить, для чего меня намерены использовать».

Он закрыл тетрадь.

За окном начиналась весна.

Впереди его ждала работа, которая постепенно приведёт к участию в подготовке важнейших государственных документов.

Но первым серьёзным поручением станет не закон и не постановление.

Ему предложат составить заключение по вопросу, который на первый взгляд вообще не имел отношения к праву.

Может ли государство требовать от человека признания вины, если заранее обещает ему освобождение?

И на этот раз ответ профессора будет нужен не для спасения одного обвиняемого.

Его захотят использовать как правило для тысяч других.

* * *

Москва. Апрель 1925 года.

Профессор Александр Николаевич Воронцов всегда считал, что государство вправе предложить человеку многое.

Работу. Жалованье. Должность. Награду. Иногда даже прощение.

Но когда государство предлагало свободу в обмен на признание вины, у профессора возникал вопрос: что именно оно собирается купить?

Правду или удобный документ?

Вопрос этот появился не сам собой.

Его принесли в кожаном портфеле, перевязанном ремешком, в одиннадцать часов утра.

Портфель принадлежал Виктору Сергеевичу Ордынцеву.

Сам Ордынцев явился без предупреждения.

— Александр Николаевич, надеюсь, не помешал?

— Пока нет. Но вы ещё не открыли портфель.

Ордынцев едва заметно улыбнулся.

— Мне говорили, что вы человек непростой.

— Обычно так называют людей, которые читают документы до подписания.

Гость сел напротив письменного стола.

На нём был тёмный костюм, добротный, но без излишней щеголеватости. Ордынцев производил впечатление человека, который умел быть незаметным даже тогда, когда его присутствие определяло исход разговора.

— Как ваше здоровье? — спросил он.

— Соответствует возрасту.

— А настроение?

— Зависит от содержания вашего портфеля.

Ордынцев расстегнул ремешок.

— Тогда перейдём к делу.

Он достал папку.

На обложке стояло:

Проект служебных разъяснений о порядке использования добровольных признаний и содействия установлению обстоятельств дела.

Воронцов пробежал глазами заголовок.

— Длинно.

— Зато точно.

— Пока не уверен.

Он открыл папку.

Первый раздел был посвящён добровольному признанию лицом совершённых действий.

Второй — возможности учитывать такое признание при определении дальнейших мер.

Третий — освобождению от ответственности при оказании содействия государственным органам.

Профессор остановился на четвёртом.

«В целях обеспечения полноты признательных показаний допускается предварительное уведомление лица о благоприятных последствиях признания».

Он поднял глаза.

— Что подразумевается под благоприятными последствиями?

— Смягчение мер. Иногда освобождение.

— От ответственности или из-под стражи?

— В зависимости от обстоятельств.

— А кто определяет эти обстоятельства?

— Уполномоченное должностное лицо.

Воронцов перешёл к следующему листу.

— Вы хотите позволить следователю обещать человеку свободу?

— Я предлагаю не обещание свободы, а возможность учесть сотрудничество.

— Тогда объясните.

Ордынцев устроился удобнее.

— Представьте, что задержанный располагает важными сведениями. Он не желает сотрудничать. Но если ему предложить определённые гарантии, он согласится рассказать всё, что знает.

— Это возможно.

— Следовательно, государство получает необходимые сведения.

— Если они достоверны.

— При условии, что сведения достоверны.

— А если человек ничего не знает?

Ордынцев не увидел в этом затруднения.

— Тогда ему нечего сообщить.

— Не обязательно. Если он уверен, что признание приведёт к освобождению, у него появляется причина придумать сведения.

Гость внимательно посмотрел на профессора.

— Вы считаете, что человек станет оговаривать себя ради свободы?

— Человек, который боится не выйти из камеры, способен согласиться со многим. Особенно если не понимает, что именно от него требуют.

— Но ведь признание можно проверить.

— Тогда и следует начинать с проверки, а не с обещания.

Ордынцев захлопнул папку, но не убрал её со стола.

— Александр Николаевич, нам необходима работающая процедура.

— Для какой цели?

— Для получения сведений.

— Тогда называйте её процедурой получения сведений. Не выдавайте за установление виновности.

— Вы опять спорите о словах.

— Нет. О последствиях.

Воронцов потянулся за карандашом.

— Если человек сообщает сведения о преступлении, это один вопрос. Если признаёт собственную вину — другой. Если его обещают освободить в обмен на нужное содержание показаний — третий. Смешивать их нельзя.

— В чём принципиальная разница?

— Потому что в первом случае государство ищет информацию. Во втором — устанавливает ответственность. В третьем возникает опасность, что государство само определяет, какую историю ему выгодно услышать.

Ордынцев обдумывал ответ.

Ордынцев нарушил молчание вопросом:

— А вы можете предложить редакцию, которая устранит эту опасность?

— Полностью — нет.

— Что этому мешает?

— Потому что никакая формулировка не заменит добросовестности человека, который ведёт дело. Но можно ограничить возможность злоупотреблений.

— Какие ограничения вы предлагаете?

— Запретить связывать освобождение с признанием заранее заданных обстоятельств. Требовать проверки сведений независимо от признания. Отдельно фиксировать все обещания, данные задержанному. И не позволять следователю единолично решать вопрос о прекращении дела, если именно он получал показания.

Ордынцев задумчиво провёл пальцем по обложке папки.

— Последнее предложение создаст дополнительные трудности.

— Для кого?

— Для аппарата.

— А для задержанного?

— Возможно, дополнительные гарантии.

— Тогда мы наконец установили, кому именно эти трудности мешают.

Гость улыбнулся, но на этот раз без удовольствия.

— Вы всегда ищете противоречие?

— Нет. Иногда оно само занимает весь документ.

Ордынцев не спешил уходить.

Он попросил чаю, внимательно осмотрел книжные шкафы и неожиданно заинтересовался старым изданием трудов русского юриста Анатолия Фёдоровича Кони.

— Вы его знали? — спросил он.

— Лично встречался несколько раз.

— Какое впечатление он производил?

Воронцов перевёл взгляд на книгу.

— Человек, который понимал, что судить другого значительно труднее, чем произносить обвинительные речи.

— Красиво сказано.

— Это не красота. Это профессиональная осторожность.

Ордынцев раскрыл книгу.

— У старых юристов было много хороших рассуждений.

— И немало плохих решений. Не следует идеализировать прошлое.

— Вы ведь служили старому государству.

— Служил закону в пределах тех возможностей, которые предоставляло государство.

— Удобное различие.

— Не всегда. Иногда оно стоило карьеры.

Ордынцев вернул книгу на место.

— Скажите, Александр Николаевич, вы верите, что право способно ограничить политическую власть?

Профессор перевёл на него взгляд.

— Способно, если существуют учреждения, которые вправе применять закон независимо от желания тех, чьи действия проверяют.

— А если власть не желает себя ограничивать?

— Тогда закон постепенно превращается в описание её желаний.

— Вы говорите так, будто это неизбежно плохо.

— Для самой власти тоже.

— Почему это важно для власти?

— Потому что человек, которому никто не возражает, со временем перестаёт получать достоверные сведения.

Ордынцев заинтересовался.

— Продолжайте, я вас слушаю.

— Если начальник наказывает за неприятную правду, подчинённые начинают сообщать ему приятную неправду. Если решение нельзя оспорить, ошибки скрывают. Если признание считается лучшим доказательством, следователи перестают искать другие доказательства.

— А государство?

— Государство начинает принимать решения на основании того, что ему хотят показать.

Ордынцев ответил неторопливым кивком.

— Любопытно.

— В этом нет ничего нового.

— Но вы предлагаете использовать право не только для ограничения власти, но и для защиты самой власти от ошибок?

— В том числе для этого.

Гость посмотрел на профессора с новым интересом.

— Вот теперь я понимаю, почему вас рекомендуют.

— Кто рекомендует?

По лицу Ордынцева скользнула улыбка.

— Люди, умеющие ценить полезные замечания.

— Их фамилии составляют государственную тайну?

— Не все.

— Тогда назовите хотя бы одну.

— Михаил Аркадьевич Рогов.

Лицо Воронцова стало серьёзнее.

— Как он?

— Работает.

— В каком подразделении?

— В другом подразделении.

— По собственному желанию?

Ордынцев оставил вопрос без ответа.

Профессор понял, что продолжать бесполезно.

Через три дня Воронцов получил дополнительные материалы.

Среди них находились обезличенные выдержки из нескольких дел.

В одном человек признавался в хранении запрещённой литературы.

В другом — в передаче сведений иностранному представителю.

В третьем — в участии в подпольной организации.

Профессор обратил внимание на необычную деталь.

Во всех трёх случаях признания были получены после обещания смягчить положение задержанного.

И во всех трёх текстах использовались почти одинаковые выражения.

«Осознавая ошибочность своих действий…»

«Желая искупить вину перед государством…»

«Добровольно сообщаю все известные мне обстоятельства…»

Воронцов разложил документы на столе.

Сходство было слишком заметным.

Он позвонил в Управление делами.

— Соедините с Софьей Ильиничной Левицкой.

Через несколько минут раздался её голос.

— Александр Николаевич?

— Софья Ильинична, мне прислали три выдержки из дел. Кто готовил тексты?

— Не удалось выяснить, кто их готовил.

— Они составлены по одному образцу.

— Возможно, использовались типовые формулировки.

— Типовые признания?

— Типовые протоколы.

— Это разные вещи.

Левицкая ответила не сразу.

— Вы обнаружили что-то существенное?

— Да. Во всех трёх случаях человек будто бы сам выбрал одинаковые слова для описания собственной вины.

— Вы полагаете, признания составлены заранее?

— Я пока ничего не полагаю. Но хочу проверить.

— С чего вы намерены начать проверку?

— Получить первоначальные записи допросов.

— Вам их не предоставят.

— Почему мне отказывают в этих материалах?

— Это материалы других учреждений.

— Тогда зачем прислали выдержки?

Левицкая ответила после паузы:

— Чтобы вы оценили уже подготовленный проект.

Воронцов вновь изучил лежавшие перед ним документы.

— Значит, от меня хотят заключения не о том, как следует получать признания, а о том, как обосновать уже полученные.

— Похоже на то.

— Софья Ильинична, кто дал поручение?

Она понизила голос:

— Ордынцев.

— А ему?

— Не знаю.

Профессор положил трубку.

Он начал понимать, что в этом деле его пригласили слишком поздно.

Вечером к нему пришёл Сергей Павлович Дёмин, молодой сотрудник прокуратуры, принимавший заявление о подделке подписи.

Воронцов не ожидал такого ответа.

— Сергей Павлович? Не ожидал.

— Простите, что без предупреждения.

— Проходите. У нас теперь принято появляться неожиданно. Но вы хотя бы не привели сопровождающих.

Дёмин не улыбнулся.

— Я по вашему заявлению.

Профессор сразу посерьёзнел.

— Есть результаты?

— Неофициально.

— Почему неофициально?

— Проверка ещё не закончена.

Они прошли в кабинет.

Дёмин сел на край стула и положил на колени портфель.

— Нам прислали копию заключения, которое вы считаете поддельным.

— Что сказано в сопроводительном письме?

— В сопроводительном письме указано, что документ подготовлен при вашем участии.

— Это неправда.

— Я знаю.

Удивление отразилось на лице Воронцова.

— Откуда?

Дёмин открыл портфель.

— Потому что получил ещё одну копию.

Он положил на стол два листа.

Профессор сравнил их.

На первом находилась фраза о допустимости окончательного решения без повторного заслушивания лица.

На втором — его подлинное замечание о невозможности дать такой вывод без материалов дела.

— Где вы нашли второй документ?

— В регистрационных материалах Управления делами.

— Значит, моё заключение сохранилось.

— Сохранилось. Во всяком случае, в регистрационных материалах.

— А подпись?

— На первой копии воспроизведена способом, который требует проверки.

Воронцов оторвался от бумаг.

— Вы хотите сказать, что её могли перенести с другого документа?

— Не исключено.

Профессор внимательно рассмотрел лист.

Подпись выглядела знакомой.

Даже слишком.

Он достал собственный экземпляр заключения по делу Крестова.

Положил рядом.

— Посмотрите.

Дёмин наклонился.

На обоих документах подпись имела одинаковый наклон, одинаковое расстояние между буквами и необычно длинный росчерк под фамилией.

— Похожа, — сказал прокурор.

— Не просто похожа. Она совпадает вплоть до случайного изгиба последней линии.

— Вы уверены, что это ваша подпись?

— Не как эксперт. Но как человек, который ставил эту подпись.

Дёмин достал карандаш.

— Я попрошу провести исследование.

Воронцов ответил коротким кивком.

— А кто представил изменённое заключение?

Молодой прокурор замялся.

— В сопроводительном письме указана фамилия Грановского.

— Он составил документ?

— Это ещё предстоит установить.

Профессор ненадолго отвлёкся от разговора, обдумывая услышанное.

— Сергей Павлович, а что с делом Крестова?

— По представленным сведениям, производство прекращено.

— Основание?

— Отсутствие события преступления.

— Местонахождение человека?

— Не установлено.

— Вы пытались выяснить?

Дёмин опустил глаза.

— Мне сообщили, что этот вопрос не относится к предмету проверки.

Воронцов усмехнулся без радости.

— Удивительно. Государство сумело установить отсутствие преступления, но не может установить, где находится человек, которого обвиняло.

Дёмин посмотрел на него.

— Александр Николаевич, я пришёл ещё по одной причине.

— Говорите, Дёмин.

— Вчера меня вызывали к начальству.

— Из-за вашего запроса?

— После моего запроса.

— Что сказали?

— Посоветовали не расширять проверку.

— Вы согласились?

Дёмин некоторое время молчал.

— Я сказал, что проверю только подлинность документа.

— Как они отреагировали?

— Мне ответили, что этого достаточно.

Профессор некоторое время изучал его лицо.

— А вы считаете?

Молодой прокурор медленно покачал головой.

— Нет.

На следующий день профессор начал готовить заключение по проекту о признательных показаниях.

Он решил не ограничиваться замечаниями на полях.

Вместо этого составил самостоятельный документ, разделив его на три части.

В первой рассмотрел различие между сообщением сведений, признанием фактических обстоятельств и признанием собственной вины.

Во второй — допустимость обещания смягчить ответственность при добровольном содействии.

В третьей — опасность превращения признания в единственное основание для решения.

Работа заняла четыре дня.

Особенно долго Воронцов трудился над последним разделом.

Он хотел найти формулировку, которая не позволяла бы объявить любое признание достаточным доказательством.

В итоге написал:

«Признание лица должно оцениваться в совокупности с иными обстоятельствами дела. Само по себе признание, особенно полученное после обещания освобождения или смягчения положения, не освобождает соответствующий орган от обязанности проверить достоверность сообщённых сведений».

Ниже добавил:

«Недопустимо заранее определять содержание признания либо связывать благоприятные последствия с подтверждением лицом обстоятельств, не установленных независимо от его объяснений».

Профессор перечитал заключение.

На этот раз он был удовлетворён.

Текст получился ясным.

Он не запрещал учитывать добровольное содействие.

Но не позволял превращать обещание свободы в средство получения удобной версии событий.

Воронцов поставил подпись под документом.

Сделал два экземпляра.

Один оставил в личном архиве.

Второй передал нарочному.

Через неделю его пригласили на закрытое обсуждение.

Совещание проходило в небольшом кабинете, где кроме Ордынцева присутствовали Грановский, Левицкая и ещё двое сотрудников.

Рогова не было.

Ордынцев начал без предисловий.

— Александр Николаевич, мы получили ваше заключение.

— Надеюсь, прочитали полностью.

— Прочитал.

— Тогда у вас должны возникнуть замечания.

— Возникли.

Ордынцев положил перед ним лист.

— Мы подготовили окончательную редакцию.

Воронцов взял документ.

В первом разделе его предложения были учтены почти дословно.

Во втором сохранились требования письменной фиксации обещаний.

Но третий раздел оказался изменён.

Вместо запрета связывать освобождение с признанием заранее заданных обстоятельств появилась формулировка:

«При наличии добровольного признания и иных данных, подтверждающих его достоверность, допускается применение предусмотренных законом благоприятных мер».

Воронцов обдумал предложение, прежде чем ответить.

— В целом это допустимо.

Грановский удовлетворённо улыбнулся.

— Рад, что мы наконец нашли общий язык.

— При одном условии.

Улыбка исчезла.

— Каком?

— Нужно определить, что понимается под иными данными.

Ордынцев повернулся к профессору.

— Разве это не очевидно?

— Нет. Если под иными данными будут понимать второй протокол, составленный на основании первого признания, проверка окажется мнимой.

Грановский раздражённо произнёс:

— Нельзя перечислить все возможные доказательства.

— Я и не предлагаю. Достаточно указать, что они должны быть получены независимо от признания.

Ордынцев взял карандаш.

— Хорошо. Запишем.

Грановский повернулся к нему.

— Виктор Сергеевич, это усложнит применение.

— Зато уменьшит число ошибок, — ответил Ордынцев.

Воронцов перевёл взгляд на него с удивлением.

Тот заметил взгляд.

— Вы ведь сами говорили, профессор, что закон должен защищать государство от ошибок.

— Говорил.

— Вот и попробуем.

Совещание продолжалось ещё полчаса.

Впервые за несколько месяцев Воронцов вышел из кабинета с ощущением, что его замечания действительно повлияли на содержание документа.

Но облегчение оказалось преждевременным.

Вечером Софья Левицкая пришла к нему домой.

Она выглядела усталой.

— Александр Николаевич, можно войти?

— Входите, Софья Ильинична.

Профессор провёл её в кабинет.

— Что вас привело?

Левицкая достала из сумки лист бумаги.

— Сегодня после вашего ухода подготовили приложение.

Воронцов взял документ.

Это был перечень обстоятельств, которые предлагалось считать подтверждением добровольности признания.

Среди них значились отсутствие письменной жалобы, наличие подписи на протоколе, повторение признания в последующих объяснениях и согласие с содержанием составленного документа.

Брови профессора сошлись.

— Это не доказательства добровольности.

— Я знаю.

— Отсутствие жалобы ничего не говорит о том, были ли угрозы. Человек мог бояться жаловаться.

— И отсутствие жалобы не доказывает добровольности признания.

— А повторение признания может быть следствием того же давления.

— Повторение само по себе ещё не доказывает добровольности признания.

Профессор перелистнул документ.

В конце приложения находилась ссылка на его заключение.

«Разработано с учётом правовых предложений профессора А. Н. Воронцова».

Он медленно положил лист.

— Вот как.

Левицкая села.

— Грановский утверждает, что приложение лишь разъясняет порядок применения основного документа.

— Оно меняет смысл.

— Я пыталась возражать.

— Что ответили?

— Что профессор уже согласовал общие принципы.

Воронцов направился к окну.

На улице темнело.

Он вдруг понял, почему Ордынцев так легко принял его поправку.

Основной документ выглядел безупречно.

Все ограничения были на месте.

Но приложение позволяло считать эти ограничения выполненными почти при любых обстоятельствах.

Признание должно подтверждаться другими данными.

Приложение объявляло такими данными повторение того же признания.

Добровольность требовала проверки.

Приложение предлагало считать её установленной при отсутствии жалобы.

Получалось, что формально требования соблюдены, но проверить их исполнение почти невозможно.

— Софья Ильинична, — произнёс Воронцов, — когда приложение вступит в силу?

— Его собираются утвердить завтра.

— Кто подписывает?

— Подписи я пока не видел.

— Мне необходимо немедленно направить возражения.

Левицкая внимательно выслушала его.

— Я так и думала.

— Тогда зачем пришли?

Она ответила тихо:

— Потому что не хочу, чтобы через год кто-нибудь сказал, будто мы оба не понимали, что происходит.

Профессор работал до глубокой ночи.

Он подготовил краткое дополнение к заключению.

В нём указал, что признаки добровольности не могут определяться исключительно формальными обстоятельствами.

Отдельно написал:

«Повторение лицом ранее данного признания не является самостоятельным подтверждением его достоверности, если последующие объяснения получены в условиях, не исключающих воздействия тех же обстоятельств, которые могли повлиять на первоначальные показания».

Затем сформулировал главный вывод:

«Предлагаемое приложение создаёт возможность признавать требования основного документа выполненными без действительной проверки. В таком виде его принятие считаю недопустимым».

Он подписал лист.

Но на этот раз решил не ограничиваться служебной перепиской.

Утром Воронцов отправился непосредственно к Ордынцеву.

Ордынцев принял его после короткого ожидания.

— Александр Николаевич? Не ожидал.

— Я тоже не ожидал увидеть приложение к документу, который мы вчера обсуждали.

Внимание Ордынцева привлекла папка в руках профессора.

— Уже ознакомились?

— Ознакомился.

— И что скажете?

— Оно противоречит смыслу принятых поправок.

Ордынцев устроился глубже в кресле.

— Вы проверили текст поправок?

— Совершенно.

Профессор изложил замечания.

Ордынцев слушал внимательно, не перебивая.

Когда Воронцов закончил, гость некоторое время молчал.

— Допустим, вы правы, — произнёс он.

— Тогда приложение следует переработать.

— А если его уже согласовали?

— Отозвать до утверждения.

Ордынцев сверился с часами.

— Это будет непросто.

— Что затрудняет дело?

— Потому что документ ожидают.

— Кто его ожидает?

— Заинтересованные учреждения.

— Значит, они подождут ещё несколько дней.

Ордынцев ответил с усмешкой:

— Вы удивительно легко распоряжаетесь чужим временем.

— Гораздо легче, чем чужими судьбами.

Улыбка исчезла.

Ордынцев взял заключение.

— Хорошо. Я распоряжусь проверить приложение.

Воронцов не поверил сразу.

— И приостановить утверждение?

— Приостановить, пока не проверят основания.

— Спасибо за разъяснение.

Воронцов отодвинул стул и встал.

Но Ордынцев остановил его.

— Александр Николаевич, у меня к вам вопрос.

— Какой вопрос, Виктор Сергеевич?

— Вы понимаете, что ваши замечания иногда мешают работе людей, которые отвечают за безопасность государства?

— Да. Но замечания от этого не становятся менее обоснованными.

— И всё же продолжаете.

— Продолжаю.

— Что заставляет вас продолжать?

Воронцов на секунду задумался.

— Потому что ошибка в юридическом документе может быть исправлена до его принятия. После принятия исправлять приходится уже последствия.

Ордынцев кивнул, не торопясь с ответом.

— А если государство не может позволить себе ждать?

— Тогда оно должно особенно тщательно выбирать, каким решениям придавать окончательный характер.

Гость посмотрел на профессора.

— Вы опасный человек, Александр Николаевич.

— В каком смысле?

— Вы заставляете задумываться там, где все уже договорились.

Воронцов не повысил голоса:

— Значит, договаривались слишком рано.

Приложение действительно задержали.

Через три дня Воронцов получил новую редакцию.

На этот раз перечень формальных признаков добровольности сократили. В документ включили положение о необходимости проверки обстоятельств получения объяснений.

Это была небольшая победа.

Профессор прекрасно понимал её пределы.

Никакой текст не мог гарантировать, что следователь не станет добиваться признания незаконными способами.

Но теперь, по крайней мере, нельзя было сослаться на само наличие подписи как на достаточное доказательство добровольности.

Воронцов сделал запись в тетради:

Апрель 1925 года.

Удалось изменить приложение к разъяснениям о признательных показаниях. Принцип независимой проверки сохранён.

Он ещё раз обдумал формулировку.

Затем добавил:

Необходимо наблюдать за применением. Хорошая редакция не гарантирует добросовестного исполнения.

Профессор захлопнул тетрадь.

В этот момент раздался телефонный звонок.

— Александр Николаевич? — спросил знакомый голос.

— Михаил Аркадьевич?

— Да, это Рогов.

— Рад слышать вас.

— Взаимно.

Рогов говорил тихо.

— Мне сообщили, что вы успешно завершили работу над новым документом.

— Успешно — слишком сильное слово.

— Не скромничайте.

— Это не скромность. Я ещё не видел, как документ будут применять.

Рогов не сразу нашёлся с ответом.

— Именно поэтому я и звоню.

— Что произошло?

— Помните дело Крестова?

Воронцов почувствовал, как у него напряглись плечи.

— Что вам стало известно?

— Сегодня поступили сведения.

— Что именно стало известно?

— Человек, проходивший по материалам под последним именем, обнаружен.

Профессор крепче сжал трубку.

— Где его обнаружили?

— В одном из учреждений.

— Он свободен?

— Нет, на свободу его не отпустили.

— Но дело прекращено.

— Прекращено.

— Тогда на каком основании его удерживают?

Рогов ответил после долгой паузы:

— По другому делу.

Воронцов закрыл глаза.

— Какую фамилию ему присвоили на этот раз?

— Под тем, которое ему выдали последним.

— В чём обвиняют?

— В даче заведомо ложных показаний.

Профессор медленно сел.

— Каких показаний?

— Тех самых, которые он дал после обещания освобождения.

Воронцов некоторое время не мог произнести ни слова.

Профессор всё же заставил себя спросить:

— Кто ведёт дело?

— Грановский участвует в подготовке материалов.

Профессор посмотрел на лежавшее перед ним заключение о добровольности признаний.

Теперь всё стало на свои места.

Крестову обещали свободу за признание.

Он дал показания.

Затем дело прекратили.

А теперь его обвиняли в том, что признание было ложным.

Государство сначала потребовало от человека рассказать определённую историю.

Потом решило наказать его за то, что история оказалась неправдой.

— Михаил Аркадьевич, — произнёс Воронцов, — мне нужны материалы нового дела.

— Я постараюсь.

— И ещё.

— Что?

— Передайте Грановскому, что если он собирается использовать моё заключение, пусть прочитает его полностью.

Рогов вздохнул, прежде чем продолжить.

— Боюсь, Александр Николаевич, он уже прочитал.

— Тогда почему продолжает?

— Потому что теперь он знает, какие именно формулировки придётся обойти.

Разговор внезапно прервался.

Профессор остался сидеть перед телефоном.

Он вдруг понял, что его юридические замечания имеют ещё одно последствие, о котором прежде не задумывался.

Они не только ограничивали действия чиновников.

Они показывали тем, кто хотел обойти закон, где именно находятся препятствия.

Чем точнее Воронцов описывал недопустимые способы получения признания, тем легче становилось недобросовестному исполнителю составить документ, внешне соответствующий требованиям.

Это открытие оказалось неприятнее всех прежних.

Потому что впервые профессор усомнился не в честности отдельных должностных лиц и даже не в качестве государственного аппарата.

Он усомнился в том, что его собственная работа всегда приносит пользу.

Поздним вечером Воронцов открыл вторую тетрадь.

Долго смотрел на пустую страницу.

Потом написал:

«Сегодня выяснилось, что юридическое заключение может служить не только средством предупреждения нарушений, но и инструкцией по их сокрытию».

Он перечитал фразу.

Затем добавил:

«Следовательно, недостаточно писать, чего нельзя делать. Необходимо создавать порядок, при котором нарушение может быть обнаружено независимо от воли самого нарушителя».

Профессор отложил закрытую тетрадь.

За окном стояла тишина.

Впервые за несколько месяцев никто не наблюдал за подъездом.

Никто не звонил с угрозами.

Никто не требовал немедленно подписать документ.

Но спокойствие не радовало.

Воронцов знал: теперь ему придётся решить, как действовать дальше.

Он мог продолжать готовить заключения и надеяться, что хотя бы часть его замечаний будет учтена.

Мог отказаться от сотрудничества.

А мог попытаться изменить сам порядок, при котором государственные органы получали возможность использовать юридические документы вопреки их смыслу.

Третий путь казался почти невозможным.

И именно поэтому он впервые заинтересовал профессора всерьёз.

На следующее утро Воронцов написал Ордынцеву письмо.

В нём предложил создать постоянную процедуру независимой правовой проверки решений, принимаемых в исключительном порядке.

Не отдельную комиссию для каждого дела.

Не очередное совещание.

А установленный порядок, при котором любое отступление от обычной процедуры оставляло бы проверяемый документальный след.

Он понимал, что предложение вызовет сопротивление.

Но не ожидал ответа, который получил через четыре дня.

На бланке Управления делами было напечатано:

«Ваши предложения представляют интерес. Просим подготовить развёрнутую записку о возможных способах организации правовой проверки решений высших государственных органов».

Ниже стояла подпись Ордынцева.

А под ней — короткая рукописная пометка:

«Особое внимание уделить соотношению политического решения и юридической формы».

Воронцов прочитал её дважды.

Он ещё не знал, кто именно заинтересовался его предложением.

Но понимал, что вопрос поставлен значительно шире, чем он рассчитывал.

Речь шла уже не об отдельных следователях и не о ведомственных постановлениях.

Ему предлагали высказать мнение о том, существуют ли правовые пределы для решений самой верховной власти.

И как раз в тот момент, когда борьба за влияние внутри партийного руководства делала этот вопрос особенно неудобным.

* * *

Москва. Май 1925 года.

Профессор Воронцов не любил выражение «высшая государственная необходимость».

За двадцать семь лет юридической практики он встречал его в самых разных документах. Им объясняли срочные военные поставки, ограничения торговли, изъятие имущества, закрытие газет и решения, которые их составители предпочитали не обсуждать публично.

Необходимость всякий раз объявлялась высшей.

Ответственность за последствия обычно оказывалась значительно ниже.

Теперь это выражение появилось в записке, которую ему предстояло подготовить для людей, принимавших решения на самом верху советской власти.

Воронцов сидел за столом уже третий час.

Перед ним лежали Конституция РСФСР 1918 года, Конституция СССР 1924 года, несколько постановлений и собственные записи о февральском совещании.

Он перечитал поручение Ордынцева.

«Особое внимание уделить соотношению политического решения и юридической формы».

Слова были аккуратными.

Вопрос, скрывавшийся за ними, — нет.

Может ли политическое руководство принимать решения, обязательные для государственных органов, не оформляя их в предусмотренном законом порядке?

Воронцов прекрасно понимал, что речь идёт не об отвлечённой теории.

После смерти Ленина партийное руководство переживало сложный период. В Политбюро и Центральном Комитете обсуждались вопросы хозяйственного курса, международной политики, кадровых назначений и распределения полномочий. Публичные выступления руководителей далеко не всегда позволяли понять, какие решения уже приняты и кем именно.

При этом государственные учреждения продолжали работать.

Они издавали постановления, распределяли средства, назначали должностных лиц и требовали исполнения распоряжений.

Граница между партийным указанием и государственным актом становилась всё менее различимой.

Воронцов взял перо.

Написал заголовок:

О правовых пределах решений государственных органов и порядке их оформления

Он задержался над написанным.

Зачеркнул слова «государственных органов».

Получилось:

О правовых пределах властных решений и порядке их оформления

Такое название точнее передавало предмет работы.

И значительно опаснее.

На третий день работы к нему пришла Софья Левицкая.

Она принесла пакет с дополнительными материалами и небольшую коробку конфет.

— Конфеты от меня, — пояснила она. — Материалы от учреждения. Прошу не перепутать.

— Постараюсь. Хотя некоторые служебные бумаги действительно лучше употреблять с чаем.

Левицкая улыбнулась, но сразу стала серьёзной.

— Александр Николаевич, вы понимаете, кто будет читать вашу записку?

— Предполагаю, что люди, знакомые с законодательством.

— Не все.

— Тогда изложу проще.

— Я не об этом.

Она сняла перчатки.

— Ваш документ пойдёт выше Управления делами.

— Насколько выше?

— Мне не сообщили.

Теперь Воронцов смотрел на неё.

— Софья Ильинична, вы ведь пришли не ради конфет.

— Нет.

Она положила на стол отдельный лист.

— Это перечень вопросов, которые предлагают включить в записку.

Профессор прочитал.

Первый вопрос касался соотношения решений партийных органов и постановлений советских учреждений.

Второй — возможности исполнения устных распоряжений руководящих должностных лиц.

Третий — юридического значения решений, принятых на закрытых совещаниях.

Четвёртый — ответственности исполнителя, действующего по указанию вышестоящего руководителя.

На пятом Воронцов остановился.

«Может ли государственная необходимость служить самостоятельным основанием для отступления от действующих правовых норм?»

Он поднял глаза.

— Кто составил перечень?

— Автор перечня мне неизвестен.

— Ордынцев?

— Не исключаю его участия.

— А кто предложил последний вопрос?

Левицкая отрицательно качнула головой.

Профессор отложил лист в сторону.

— Его составитель хочет получить очень удобный ответ.

— Какого ответа он добивается?

— Что может.

— А вы что напишете?

— Что сама по себе необходимость не создаёт полномочий.

Левицкая тревожно всмотрелась в его лицо.

— Александр Николаевич, вы могли бы сформулировать осторожнее.

— Например?

— Что вопрос требует дополнительного рассмотрения с учётом конкретных обстоятельств.

— Но он действительно требует рассмотрения. Только ответ от этого не меняется.

— И вы не допускаете исключений?

— Если государственному органу разрешено отступать от закона всякий раз, когда он сам признаёт это необходимым, закон перестаёт ограничивать его действия.

Левицкая молчала.

Воронцов взял конфету.

— Вы не согласны?

— Согласна.

— Тогда почему спорите?

— Потому что мне хочется, чтобы вы закончили эту работу живым и продолжили следующую.

Профессор выдержал паузу, прежде чем ответить.

— Я постараюсь.

Она посмотрела на него.

— Вы не умеете обещать осторожность.

— Умею. Просто не люблю обещать то, что не всегда смогу исполнить.

В тот же вечер Воронцов получил письмо от Екатерины.

Она писала из школы под Тверью.

Рассказывала об учениках, о холодных классах, о том, что в библиотеке не хватает учебников истории. Один мальчик, по её словам, уверенно утверждал, что Иван Грозный изобрёл телеграф, потому что «иначе как он управлял такой большой страной».

Воронцов рассмеялся.

Ниже дочь добавила:

«Папа, здесь спокойно. Иногда даже непривычно. Я стала лучше спать. Надеюсь, у тебя тоже всё хорошо. Только, пожалуйста, не отвечай привычной фразой, что всё идёт в установленном порядке. Я уже знаю, что она означает».

Профессор долго смотрел на письмо.

Потом сел отвечать.

Он рассказал о весенней Москве, о книгах, о том, что наконец починили кран на кухне.

О работе написал всего две строки:

«Занят вопросами государственного права. Работа интересная, хотя заказчики, как обычно, предпочли бы получить ответ раньше, чем сформулировали вопрос».

Он перечитал письмо.

Екатерина просила правду.

Он не написал неправды.

Но и правды в письме оказалось немного.

Это неприятно его задело.

Через неделю записка была готова.

Она занимала двадцать три страницы.

Воронцов намеренно отказался от громких политических оценок. Он не обсуждал, какая партия должна руководить страной, кто прав в спорах о хозяйственном развитии и каким образом следует определять политический курс.

Его интересовал один вопрос: как решение приобретает обязательную юридическую силу.

В первом разделе он различал политическое указание и государственный правовой акт.

Во втором рассматривал компетенцию органов власти.

В третьем — порядок оформления закрытых решений.

В четвёртом — ответственность должностных лиц.

Последний раздел был посвящён государственной необходимости.

Воронцов написал:

«Государственная необходимость может служить мотивом для принятия решения, но не заменяет установленного законом полномочия на его принятие».

Ниже пояснил:

«Если действующее законодательство не предусматривает возможности совершения определённого действия, ссылка на его политическую целесообразность сама по себе не устраняет правового препятствия. Необходимое изменение полномочий должно производиться в надлежащем порядке».

Он не утверждал, будто всякое решение власти можно проверить в суде. Существующая система не предоставляла такой возможности.

Но настаивал, что даже там, где судебная проверка отсутствует, должны сохраняться документальные основания принятого решения.

Иначе невозможно установить, кто его принял, обладал ли соответствующими полномочиями и на каком основании действовали исполнители.

На последней странице профессор сформулировал вывод:

«Юридическая форма не должна использоваться для сокрытия действительного содержания властного решения. Её назначение состоит в определении полномочий, условий исполнения и ответственности за последствия».

Он подписал записку.

Сделал копию.

И на этот раз не отправил документ сразу.

Сначала перечитал его от начала до конца, пытаясь представить, как отдельные положения могут использовать без связи с остальным текстом.

После дела Крестова такая проверка стала для него обязательной.

На полях одного из разделов он добавил:

«Настоящее заключение подлежит оценке только в полном объёме. Использование отдельных положений без учёта указанных ограничений может изменить смысл выводов».

Воронцов понимал, что эта оговорка не помешает недобросовестному чиновнику поступить иначе.

Но по крайней мере позволит впоследствии установить, что профессор предупреждал об опасности.

Совещание состоялось в конце мая.

На этот раз Воронцова пригласили не в большую комнату для обсуждений, а в кабинет с тяжёлым письменным столом, зелёными шторами и высоким шкафом для документов.

Ордынцев встретил его у двери.

— Александр Николаевич, благодарю за записку.

— Надеюсь, она не слишком длинная.

— Напротив. Некоторые считают, что вы изложили вопрос слишком кратко.

— Тогда впервые встречаю людей, которые просят юриста писать больше.

Ордынцев не улыбнулся.

— Сегодня будет необычный разговор.

— Я начинаю привыкать.

В кабинете находились ещё двое.

Первого профессор узнал по газетным фотографиям.

Это был один из ответственных работников партийного аппарата, занимавшийся организационными вопросами. Воронцов прежде не встречался с ним лично.

Второй оказался Грановским.

Профессор замер на месте.

— Борис Леонидович.

— Александр Николаевич.

Они обменялись короткими поклонами.

Ордынцев предложил всем сесть.

— Перейдём к делу. Записка профессора представляет интерес, но вызывает несколько вопросов.

Партийный работник Николай Иванович Сазонов открыл документ.

— Александр Николаевич, вы пишете, что политическое решение не приобретает юридической силы автоматически.

— Именно так. Политическое решение ещё требует правового оформления.

— Но государственные органы осуществляют политику партии.

— Это политическое положение. Юридический порядок исполнения конкретного решения определяется компетенцией соответствующего органа.

Сазонов посмотрел на него.

— Вы хотите отделить государство от партии?

— Я хочу установить, кто подписывает документ, который обязаны исполнять граждане.

— Разве это не очевидно?

— Не всегда.

— Приведите пример.

Воронцов подумал.

— Допустим, партийное совещание принимает решение о необходимости изменить порядок распределения определённых товаров. Государственное учреждение получает указание исполнить его.

— И что?

— Нужно установить, вправе ли это учреждение изменить действующий порядок. Если не вправе, решение должен принять орган, обладающий соответствующей компетенцией.

— Но ведь партийное решение уже принято.

— Оно может определять политическую задачу. Однако само по себе не заменяет государственный акт, если для исполнения требуется такой акт.

Сазонов задумался.

— Значит, вы предлагаете задерживать решения?

— Нет. Предлагаю заранее учитывать, каким органом они должны оформляться.

Грановский вмешался:

— Александр Николаевич, ваши рассуждения хороши для обычных обстоятельств. Но существуют ситуации, когда промедление недопустимо.

— Тогда закон должен предусматривать срочный порядок.

— А если не предусматривает?

— Значит, полномочия необходимо изменить.

— Пока будем менять, ситуация исчезнет.

— Возможно. Но если разрешить исполнителю самому определять, когда закон можно не соблюдать, мы получим другую проблему.

— Какую другую крайность?

— Невозможность отличить необходимое от удобного.

Ордынцев внимательно слушал.

Сазонов перевернул страницу.

— Здесь вы пишете об устных распоряжениях.

— Пишу. Устное распоряжение трудно проверить и ещё труднее оспорить.

— Почему считаете их опасными?

— Потому что содержание устного распоряжения трудно установить после исполнения.

— Но руководитель может дать срочное указание по телефону.

— Разумеется. Я не предлагаю запретить телефон.

— Тогда что предлагаете?

— Последующее письменное подтверждение распоряжения, если оно затрагивает права граждан, имущество или обязанности учреждений.

Грановский усмехнулся.

— И каждый раз составлять бумагу?

— Не каждую беседу нужно оформлять. Но распоряжение, за неисполнение которого предполагается ответственность, должно быть определённым.

— Вы хотите заставить руководителей отвечать за каждое слово?

— За распоряжения, которые подчинённые обязаны выполнять.

Сазонов посмотрел на Ордынцева.

— В этом есть смысл.

Лицо Грановского помрачнело.

— Но такая практика создаст излишнюю переписку.

— Зато уменьшит число случаев, когда после неудачи выясняется, что никто ничего не приказывал, — ответил Воронцов.

Сазонов неожиданно рассмеялся.

— Вот это действительно знакомая история.

Обсуждение продолжалось почти два часа.

К удивлению профессора, часть его предложений встретила поддержку.

Особенно заинтересовало участников требование письменного подтверждения решений, принятых на закрытых совещаниях.

Воронцов быстро понял почему.

Вопрос касался не только защиты граждан.

Внутри самого государственного аппарата существовала проблема ответственности.

Одни руководители ссылались на устные указания вышестоящих лиц. Другие отрицали, что давали такие указания. Третьи оформляли документы после того, как решения уже были исполнены.

В результате даже высокопоставленные чиновники не всегда могли установить, кто именно распорядился совершить определённое действие.

Профессор предложил простой порядок.

Каждое решение, имеющее обязательные последствия, должно получать регистрационный номер, дату, указание на принявший его орган и подпись уполномоченного лица.

Если решение принято устно в чрезвычайных обстоятельствах, письменное подтверждение должно составляться в разумный срок.

Если подтверждение отсутствует, исполнитель обязан сообщить об этом руководителю, которому он непосредственно подчинён.

Грановский возражал.

— Вы создаёте возможность для подчинённых уклоняться от исполнения.

— Нет. Я создаю возможность отличать действительное распоряжение от вымышленного.

— А если подчинённый начнёт требовать письменного подтверждения каждого приказа?

— Тогда руководитель должен объяснить ему порядок работы. Не следует устранять разумное правило только потому, что кто-то способен злоупотребить им.

Сазонов сделал запись.

— Это предложение следует изучить.

Ордынцев кивнул.

— Предложение стоит рассмотреть, — согласился Ордынцев.

Воронцов впервые за долгое время почувствовал, что его пригласили не только для того, чтобы воспользоваться фамилией.

Но затем разговор изменился.

Сазонов закрыл папку.

— Александр Николаевич, у меня к вам вопрос, которого нет в перечне.

— Задавайте, даже если его нет в перечне.

— Как вы считаете, может ли государственный орган отказаться исполнять политическое решение, если считает его противоречащим закону?

Профессор взглянул собеседнику прямо в лицо.

— Нужно уточнить, о каком органе и решении идёт речь.

— Допустим, наркомат получает указание провести определённое мероприятие.

— От кого поступает указание?

— От партийного руководства.

— Если мероприятие требует государственного акта, наркомат должен действовать в пределах своей компетенции.

— А если ему приказали действовать немедленно?

— Тогда руководитель наркомата обязан установить правовое основание исполнения.

Сазонов наклонился вперёд.

— То есть может отказаться?

— Он не вправе совершать действие, для которого у него нет полномочий.

Грановский возразил:

— Вы предлагаете поставить чиновника выше политического руководства?

Профессор развернулся к собеседнику.

— Нет. Я предлагаю не ставить его выше закона.

— А если закон мешает осуществлению политики государства?

— Тогда следует изменить закон.

— Вы снова повторяете одно и то же.

— Потому что вопрос остаётся тем же.

Сазонов поднял руку, останавливая спор.

— Хорошо. А кто должен решать, законно ли указание?

Воронцов задумался над услышанным.

Вот теперь разговор подошёл к главному.

— В идеале — орган, обладающий полномочиями независимой проверки. В существующей системе необходимо хотя бы предусмотреть обязательное письменное правовое заключение и порядок разрешения разногласий.

— Кто будет давать заключение?

— Юридические подразделения соответствующих учреждений.

На лице Грановского мелькнула усмешка.

— Значит, юристы будут решать, какую политику проводить?

— Нет. Они должны установить, какие действия допускает действующее право.

— А если их заключение отрицательное?

— Тогда вопрос следует передать органу, который вправе изменить правовое регулирование.

Сазонов долго смотрел на профессора.

— Вы хотите сказать, что никакой человек не может стоять выше закона?

Воронцов произнёс ровно:

— Я хочу сказать, что государственное полномочие должно иметь правовое основание. Иначе невозможно установить его пределы.

— Даже для высшего руководителя?

— Особенно для высшего руководителя. Чем шире полномочия, тем значительнее последствия ошибки.

Ордынцев не стал возражать.

Ордынцев повернулся к Сазонову.

Грановский опустил глаза к своим бумагам.

Сазонов медленно закрыл папку.

— Благодарю, Александр Николаевич. Ваше мнение понятно.

Совещание закончилось.

В коридоре Ордынцев попросил профессора задержаться.

Они вошли в небольшую комнату, где на столе стояли стаканы и графин воды.

— Александр Николаевич, — сказал Ордынцев, — вы сегодня произвели впечатление.

— Хорошее?

— Разное.

— Это уже лучше, чем полное отсутствие впечатления.

Ордынцев налил воды.

— Вы понимаете, что некоторые ваши положения могут быть истолкованы как сомнение в праве партийного руководства определять государственную политику?

— Я не обсуждал право определять политику. Я обсуждал порядок принятия юридически обязательных решений.

— Не все различают эти вопросы.

— Тогда их необходимо различать.

Ордынцев поставил стакан.

— Вы не боитесь?

Их взгляды встретились.

— Боюсь.

Ответ, кажется, удивил Ордынцева.

— И всё же говорите?

— Если человек боится, это не означает, что он должен перестать понимать собственные слова.

Ордынцев не сразу ответил.

— Вы интересный человек, профессор.

— Надеюсь, не настолько, чтобы мной заинтересовались исключительно сотрудники органов безопасности.

— Поздно.

Воронцов оторвал взгляд от бумаг.

Ордынцев попытался улыбнуться.

— Шучу.

Но профессор заметил, что улыбка не коснулась его глаз.

— У меня к вам ещё одно предложение, — продолжил Ордынцев.

— О каком предложении речь?

— Нам нужен человек, который сможет оценивать проекты документов до того, как они поступят на окончательное согласование.

— У вас есть юридические отделы.

— Есть. Но они часто рассматривают только отдельные вопросы.

— А вам нужен общий анализ?

— Нужен взгляд на всю цепочку решений, а не на отдельный приказ.

— По каким документам?

— Разным. Организационным, хозяйственным, иногда политическим.

Воронцов не сразу ответил.

— На каких условиях?

— Вы будете получать материалы и готовить заключения. Ваши замечания будут прилагаться к проектам.

— В полном объёме?

— В полном. Иначе замечания теряют смысл.

— Даже если они отрицательные?

— Даже отрицательные. Их обязаны приложить.

— И никто не сможет заменить их краткой справкой о том, что предложения учтены?

Ордынцев нахмурился.

— Вы всё ещё вспоминаете февральский проект?

— Я вспоминаю последствия.

Гость обдумал сказанное.

— Хорошо. Установим, что заключение прилагается полностью.

— А если окончательное решение противоречит моим выводам?

— Оно всё равно может быть принято.

— Это понятно. Но тогда должно быть указано, что мои возражения не устранены.

Ордынцев обдумывал услышанное.

— Вы хотите закрепить право на особое мнение?

— Я хочу, чтобы несогласие не превращали в согласие.

— Договорились.

Воронцов перевёл взгляд на него с сомнением.

— Так просто?

— Не совсем. У меня тоже будет условие.

— Какое условие?

— Вы не станете обсуждать содержание документов за пределами установленного круга лиц.

— При условии, что это не лишает меня возможности сообщать о нарушениях в предусмотренном порядке.

Ордынцев улыбнулся уголком рта.

— Вы неисправимы.

— Это уже неоднократно установлено.

Они пожали руки.

В начале июня Воронцов получил письменное распоряжение о привлечении к предварительной правовой оценке отдельных проектов.

К нему прилагалась инструкция.

Профессор внимательно изучил её.

В отличие от прежних соглашений, документ содержал положение, которое он считал принципиальным:

«При наличии разногласий консультант вправе представить отдельное письменное мнение, подлежащее приобщению к материалам проекта без изменения содержания».

Он перечитал пункт несколько раз.

Затем проверил, не содержится ли в приложениях исключение.

Исключения не было.

Это удивило его сильнее, чем любое новое поручение.

Он позвонил Левицкой.

— Софья Ильинична, вы видели инструкцию?

— Видела. И меня насторожила одна формулировка.

— Пункт об особом мнении действительно сохранили?

— Сохранили.

— Кто настоял?

— Ордынцев.

— Чем я заинтересовал Ордынцева?

Софья Ильинична сделала короткую паузу.

— Говорят, ему понравилась ваша мысль о том, что начальство должно знать не только доводы за решение, но и возражения против него.

Воронцов обдумал услышанное.

— В этом есть смысл.

— Да.

— Тогда почему вы говорите таким голосом?

— Потому что я не уверена, что все будут рады читать эти возражения.

Профессор улыбнулся.

— Читатель не обязан получать удовольствие.

— Александр Николаевич, это не литературный журнал.

— Тем более.

Первые недели новой работы оказались неожиданно спокойными.

Воронцов изучал проекты хозяйственных постановлений, положения о распределении полномочий между учреждениями, инструкции по ведению служебной переписки.

Некоторые документы были скучными.

Другие — запутанными.

Но большинство не содержало ничего, что требовало бы серьёзных возражений.

Профессор начал надеяться, что его роль действительно изменится.

Он больше не получал отдельные проекты после того, как политическое решение уже было принято.

Теперь некоторые документы поступали к нему заранее.

Он мог указать на противоречие до того, как оно превратится в обязательное распоряжение.

Несколько замечаний приняли.

Один проект вернули на переработку.

По другому Ордынцев лично попросил разъяснить последствия предлагаемой нормы.

Воронцов отметил это в тетради.

«Предварительная проверка имеет смысл. При условии, что заключения действительно рассматриваются до принятия решений».

Но в середине июня произошло событие, заставившее его усомниться в устойчивости нового порядка.

В пятницу вечером профессор получил срочный пакет.

Внутри находился проект постановления о передаче определённых полномочий от одного учреждения другому.

На первый взгляд документ касался исключительно административной организации.

Однако в приложении содержался перечень материалов, подлежащих передаче.

Воронцов прочитал его.

И остановился.

Среди прочих значились:

«Дела особого производства, завершённые без вынесения судебного решения».

Профессор перечитал строку.

Ниже указывалось, что материалы должны передаваться без повторной проверки законности ранее принятых мер.

Воронцов потянулся за карандашом.

Написал на полях:

«На каком основании исключается проверка?»

Затем перевернул страницу.

В последнем разделе проекта находилась формулировка:

«Ранее принятые решения сохраняют силу независимо от выявленных впоследствии недостатков их оформления».

Воронцов медленно положил карандаш.

Это было уже не распределение полномочий.

Предлагалось придать устойчивость решениям, которые могли быть приняты с нарушением установленного порядка.

Причём без выяснения характера нарушений.

Профессор открыл перечень приложений.

Среди дел, подлежащих передаче, находилась группа материалов с обозначением 41/О.

Он замер.

Номер был знаком.

Слишком знаком.

Воронцов взял увеличительное стекло и внимательно изучил страницу.

Рядом с обозначением стояла пометка:

«Материалы по изменению установочных данных и последующему прекращению производства».

Профессор почувствовал, как у него ускорилось сердцебиение.

Дело Крестова.

Оно снова появилось.

Теперь не как отдельное производство, а как часть большого массива документов, которые собирались передать в другое учреждение без проверки.

Воронцов перелистал приложение.

Всего в перечне было сто восемьдесят семь дел.

Он не знал, сколько из них действительно имели нарушения.

Не знал, сколько людей находились на свободе, сколько — под стражей, а сколько вообще исчезли из учётных документов.

Но понимал, что принятие постановления в предложенной редакции может сделать последующую проверку значительно труднее.

Он достал чистый лист.

Вывел крупными буквами:

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Затем остановился.

Впервые за всё время работы он почувствовал, что одного юридического возражения недостаточно.

Если он напишет только о недопустимости сохранения силы решений независимо от нарушений, проект могут исправить.

Но сами дела останутся неизвестными.

Если же потребует проверки всех ста восьмидесяти семи материалов, возникнет вопрос, почему профессор проявляет такой интерес к закрытому производству.

Он долго сидел перед бумагами.

Потом принял решение.

Вместо короткого заключения подготовил развёрнутую записку.

В ней указал, что передача материалов между учреждениями не может автоматически устранять необходимость проверки ранее допущенных нарушений.

Предложил провести предварительную инвентаризацию.

Отдельно — установить правовые основания каждого решения, принятого без судебного рассмотрения.

И главное — запретить использовать передачу дел как основание для отказа в рассмотрении обращений заинтересованных лиц.

Он работал всю ночь.

К утру документ занимал одиннадцать страниц.

На последней Воронцов написал:

«Административная передача материалов не устраняет ответственности за ранее принятые решения и не может придавать законную силу действиям, совершённым с превышением полномочий».

Он подписал заключение.

Затем сделал копию перечня дел.

Не всего.

Только страницы, на которой находился номер 41/О.

Профессор понимал, что сохранение копии служебного приложения может вызвать вопросы.

Но после истории с поддельной подписью больше не доверял одному экземпляру, находящемуся в чужом распоряжении.

В понедельник его вызвали к Ордынцеву.

Тот встретил профессора без обычной приветливости.

— Александр Николаевич, вы подготовили замечания к проекту передачи материалов.

— Замечания готовы.

— Очень подробные.

— Вопрос серьёзный.

Ордынцев положил перед ним заключение.

— Вы предлагаете проверить сто восемьдесят семь дел.

— Я предлагаю установить законность решений, прежде чем объявлять их действительными независимо от недостатков оформления.

— Вы понимаете, сколько времени это займёт?

— Зависит от состояния материалов.

— Месяцы.

— При обычном порядке — да.

— А передача должна состояться сейчас.

— Тогда можно передать материалы, сохранив возможность последующей проверки.

Ордынцев перевёл взгляд на собеседника.

— Это компромисс?

— Это юридически допустимое решение, если правильно определить порядок.

— Запишите этот вариант.

Он сделал пометку.

Профессор нахмурился: услышанное застало его врасплох.

— Вы согласны?

— С частью ваших предложений.

— С какой?

— Уберём положение о сохранении силы решений независимо от недостатков оформления. Вместо него укажем, что передача материалов не изменяет установленного порядка их пересмотра.

Профессор обдумал услышанное.

— Это существенно лучше.

— Вот видите. Мы можем договариваться.

Ордынцев сомкнул обложки папки.

— Но у меня есть вопрос.

— Что вы хотите выяснить?

— Почему вас так заинтересовало дело № 41/О?

Воронцов почувствовал неприятный холод.

— Потому что я ранее готовил заключение по связанным с ним материалам.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваете?

Ордынцев выдержал паузу.

— Потому что вы не знаете всей истории.

Воронцов взглянул в его сторону.

— Расскажите.

Ордынцев поднялся и подошёл к шкафу.

Достал тонкую папку.

Положил на стол.

— Это материалы, которые не включали в ваше первоначальное поручение.

Воронцов открыл папку.

На первой странице находилась фотография Николая Крестова.

На второй — справка о его прежней службе.

На третьей — сведения о работе под именем Павла Миронова.

Но дальше начиналось то, чего профессор прежде не видел.

Крестов участвовал не только в подготовке служебных документов.

Его использовали для установления связей между несколькими бывшими чиновниками, подозревавшимися в передаче сведений за границу.

Часть сведений оказалась недостоверной.

Некоторые лица, названные в его сообщениях, впоследствии были освобождены.

Другие продолжали находиться под следствием.

Воронцов перешёл к следующему листу.

Там лежала копия объяснения Крестова.

«Показания о встрече 14 августа были даны мной после настойчивого требования подтвердить ранее составленную справку. Указанная встреча в действительности не происходила».

Воронцов взглянул на собеседника.

— Он признал, что оговорил людей.

— Признал. Но важно установить, при каких обстоятельствах.

— Под давлением?

— Так утверждает.

— Проверяли?

Ордынцев не сразу нашёлся с ответом.

— Частично.

— И что установили?

— Некоторые сведения не подтвердились.

Воронцов вернулся к документу.

— Почему тогда его обвиняют в ложных показаниях, а не проверяют действия тех, кто требовал от него подтверждения?

Ордынцев сел.

— Именно поэтому дело и оказалось сложным.

— Кто составлял первоначальную справку?

— Имя составителя первоначальной справки не установлено.

— Кто требовал её подтвердить?

— Часть сотрудников уже не работает.

— А остальные?

Ордынцев взглянул ему в лицо.

— Александр Николаевич, вы хотите расследовать деятельность учреждения за несколько лет?

— Я хочу понять, почему человека обвиняют в том, что он сообщил неправду, которую от него требовали другие.

— Это ещё не доказано.

— Тогда нельзя принимать окончательное решение.

Ордынцев медленно закрыл папку.

— Вы снова возвращаетесь к тому же.

— Потому что обстоятельства не изменились.

Гость долго смотрел на профессора.

Затем неожиданно спросил:

— А если выяснится, что Крестов сам предложил ложные сведения, чтобы получить свободу?

Услышанное заставило Воронцова задуматься.

— Тогда его действия следует оценивать с учётом всех обстоятельств. Но это не устраняет обязанности проверить, как использовали его сообщения и кто принимал решения на их основании.

— Даже если он виновен?

— Даже тогда.

Ордынцев промолчал, обдумывая услышанное.

— Вы понимаете, что такой подход способен затронуть множество уже завершённых дел?

— Понимаю. Однако число дел не отменяет необходимости проверки.

— И создать серьёзные трудности для государственных органов?

— Это возможно.

— Тогда почему настаиваете?

Воронцов внимательно изучил фотографию Крестова.

— Потому что трудности учреждения и судьба человека не являются равнозначными обстоятельствами.

Ордынцев отвёл взгляд.

Когда профессор вышел из кабинета, его догнал Сазонов.

Тот самый партийный работник, который присутствовал на майском совещании.

— Александр Николаевич, одну минуту.

Воронцов задержался на месте.

— Я вас слушаю, Сазонов.

Сазонов некоторое время шёл рядом с ним молча.

Сазонов первым нарушил молчание:

— Вы действительно считаете, что государство должно проверять каждое решение, если появились сомнения в его законности?

— Если сомнения обоснованны — да.

— А если таких решений тысячи?

— Тогда проблема серьёзнее, чем предполагалось.

Сазонов посмотрел на него.

— Вы не представляете, насколько сложна государственная работа.

— Представляю лишь отчасти.

— Иногда приходится выбирать между плохим и ещё худшим.

— Несомненно.

— И нельзя каждый раз останавливаться из-за юридических сомнений.

Воронцов ненадолго задумался.

— Я не предлагаю останавливать государство. Я предлагаю не лишать его возможности исправлять ошибки.

Сазонов, кажется, оценил довод.

— Довод убедительный.

Он остановился у лестницы.

— Но запомните, профессор: наверху особенно ценят людей, которые помогают принимать решения. Тех, кто постоянно объясняет, почему решение принимать нельзя, ценят значительно меньше.

Профессор обернулся к нему.

— Тогда я постараюсь предлагать решения, которые можно принять законно.

Сазонов улыбнулся.

— Вот именно поэтому вас пока и держат.

Он ушёл.

Профессор остался стоять у лестницы.

Слово «пока» прозвучало слишком отчётливо.

В тот же вечер Воронцов получил короткое письмо от Рогова.

«Александр Николаевич, вы добились изменения проекта. Положение об автоматическом сохранении силы прежних решений исключено. Это важно».

Ниже была приписка:

«Но будьте осторожны с делом 41/О. Оно связано с людьми, которых вы ещё не знаете».

Профессор перечитал письмо.

Потом достал копию перечня дел.

Сто восемьдесят семь номеров.

Сто восемьдесят семь производств, о которых он почти ничего не знал.

Он долго смотрел на список.

Затем открыл вторую тетрадь.

Июнь 1925 года.

Удалось исключить положение, допускавшее сохранение силы решений независимо от недостатков их оформления.

Вопрос о проверке ранее принятых решений остаётся открытым.

Дело № 41/О связано с более широким кругом материалов. Необходимо установить происхождение первоначальных распоряжений.

Он прервал шаг.

Приписал ещё одну строку:

«Особое мнение имеет смысл только тогда, когда существует возможность проверить, что произошло после его подачи».

Воронцов закрыл тетрадь, оставив палец между страницами.

И впервые за долгое время подумал не о том, как правильно написать заключение, а о том, кто будет читать его через десять или двадцать лет.

Возможно, никто.

Возможно, документы уничтожат.

Возможно, фамилия профессора останется лишь в служебных справках, содержание которых он никогда не увидит.

Но если хотя бы одна папка сохранится, в ней должно быть ясно, где он соглашался, а где возражал.

В этом он видел теперь не вопрос профессионального самолюбия.

А единственный доступный ему способ не позволить чужим решениям окончательно стать его собственными.

В конце июня Воронцов получил ещё один документ.

На этот раз не проект постановления.

Не служебное поручение.

И не приглашение на совещание.

Это была копия короткой записки, составленной без указания адресата.

В ней говорилось:

«Профессор Воронцов представляет интерес как специалист, способный выявлять юридические недостатки проектов до их утверждения. При этом проявляет склонность к самостоятельной оценке политических предпосылок решений. Рекомендуется использовать его заключения при обязательном предварительном согласовании выводов».

Ниже стояла подпись:

Б. Л. Грановский.

Воронцов перечитал последнюю строку.

«При обязательном предварительном согласовании выводов».

Он невесело улыбнулся.

Вот, значит, чего добивался Грановский.

Не устранить профессора.

Не запретить ему работать.

А сделать так, чтобы Воронцов продолжал писать заключения, но заранее согласовывал то, к каким выводам должен прийти.

Профессор положил записку в папку.

Затем взял чистый лист.

Сформулировал первое положение:

«Предварительное согласование правового вывода с лицом, заинтересованным в определённом результате, лишает заключение самостоятельного значения».

Дальше он не пошёл.

Он перечитал фразу и задумался.

И добавил:

«В таком случае юридическое заключение превращается в оформление уже принятого решения».

Эти две фразы позднее станут основой одного из самых важных документов в его жизни.

Но летом 1925 года профессор ещё не знал, насколько дорого ему обойдётся право произнести их вслух.

И не подозревал, что вскоре ему придётся столкнуться с вопросом, который окажется сложнее всех предыдущих:

что делать юристу, когда закон формально соблюдён, но само решение заведомо несправедливо?

* * *

Москва. Июль 1925 года.

Профессор Воронцов узнал о выселении семьи Климовых из газетного объявления.

Объявление было небольшим, помещённым на последней странице рядом с сообщениями о продаже мебели и поиске работников.

«В связи с передачей здания для государственных нужд жильцам дома № 18 по Староконюшенному переулку предписывается освободить занимаемые помещения в установленный срок».

Ниже указывалось учреждение, которому поручалось исполнение решения.

Воронцов перечитал объявление и отложил газету.

Дом № 18 он знал хорошо.

До революции там находилась квартира его университетского товарища Николая Андреевича Климова, преподавателя математики. После смерти Николая Андреевича в 1922 году в двух комнатах остались его вдова Мария Петровна и шестнадцатилетний сын Павел.

Воронцов навещал их редко, но поддерживал переписку. Иногда приносил книги, иногда помогал деньгами. Мария Петровна преподавала музыку, Павел готовился поступать в техническое училище.

Последнее письмо от неё пришло в мае.

О выселении там не было ни слова.

Профессор взял телефонную трубку.

Номер не отвечал.

Он позвонил ещё раз.

Потом надел пиджак, взял шляпу и вышел из квартиры.

В Староконюшенном переулке стояли две грузовые подводы.

Возле подъезда рабочие выносили шкаф. На тротуаре лежали связанные верёвкой книги, стулья, корзины с посудой и старое пианино, укрытое серой простынёй.

Мария Петровна Климова стояла рядом с вещами.

Она заметила профессора не сразу.

— Александр Николаевич?

— Мария Петровна, что происходит?

Женщина попыталась улыбнуться.

— Переезжаем.

— Куда?

— Пока не знаем.

Воронцов задержал взгляд на вещи.

— Когда получили уведомление?

— Вчера.

— А выселяют сегодня?

— Сказали, что распоряжение срочное.

— Можно посмотреть распоряжение?

Мария Петровна достала из сумочки сложенный лист.

Профессор развернул его.

Документ был составлен аккуратно. Указывались решение местного органа, основание передачи здания и обязанность жильцов освободить помещения.

Срок — двадцать четыре часа.

Воронцов прочитал документ ещё раз.

— Вам предложили другое жильё?

— Обещали комнату.

— В каком районе?

— Не сказали.

— Кто обещал?

— Человек из жилищного отдела.

Профессор оторвался от чтения.

Возле подъезда стоял молодой служащий в кожаной куртке. Он проверял список квартир.

Воронцов подошёл к нему.

— Добрый день. Кто руководит выселением?

— Я.

— В таком случае представьтесь.

— Уполномоченный жилищного отдела Громов.

— Александр Николаевич Воронцов. Я хотел бы выяснить основания выселения гражданки Климовой.

Громов посмотрел на него без интереса.

— Основания указаны в уведомлении.

— Я ознакомился. Где решение о предоставлении другого помещения?

— Это не относится к моему поручению.

— А к чьему относится?

— К жилищному отделу.

— Вы только что сказали, что представляете жилищный отдел.

Громов нахмурился.

— Гражданин, не мешайте работе.

— Я пытаюсь установить, куда сегодня должна отправиться женщина, которую вы выселяете.

— Ей предложат помещение.

— Когда ей предоставят жильё?

— По мере возможности.

— А до этого?

Громов не предложил другого выхода.

— Пусть обратится в районный отдел.

Воронцов взглянул на циферблат.

— Сейчас половина третьего. Вы закончите выселение к вечеру. Районный отдел уже не примет её заявление.

— Это не моя забота.

— Ошибаетесь. Если исполнение вашего распоряжения приводит к тому, что человек остаётся без жилья, вопрос о последствиях исполнения становится существенным.

Громов устало вздохнул.

— Вы юрист?

— Юрист. Поэтому и спрашиваю об основаниях.

— Тогда должны понимать, что решение принято законно.

— Возможно. Я пока не видел материалов.

— Но распоряжение есть.

— Наличие распоряжения ещё не доказывает правильности его исполнения.

Громов указал на подъезд.

— Мне приказано освободить здание.

— А мне никто не приказывал молчать.

Служащий посмотрел на него внимательнее.

— Вы кто такой?

Воронцов достал удостоверение консультанта.

Громов прочитал.

Выражение его лица изменилось.

— Подождите здесь.

Он отошёл к телефону в ближайшей конторе.

Через десять минут вернулся.

— Работы по квартире Климовой пока приостановлены.

— Кто распорядился приостановить работы?

— До дополнительного распоряжения.

— Благодарю за отсрочку.

— Но остальные квартиры освобождаем.

Воронцов перевёл взгляд на людей, стоявших возле вещей.

— А им куда идти?

Громов отвёл взгляд от людей, стоявших возле вещей.

К вечеру профессор побывал в районном жилищном отделе.

Там ему объяснили, что здание передаётся учреждению, которому срочно требуются помещения для сотрудников.

Решение было принято в пределах компетенции соответствующего органа.

Уведомления составлены правильно.

Сроки исполнения определены специальным распоряжением.

Воронцов внимательно изучил документы.

И с неприятным удивлением обнаружил, что формально чиновники действительно опирались на действующие решения.

Он мог спорить о разумности срока.

Мог требовать предоставления другого помещения.

Мог указывать на тяжёлое положение отдельных жильцов.

Но очевидного превышения полномочий, подобного тому, с которым он сталкивался прежде, здесь не было.

Начальник отдела, плотный мужчина по фамилии Шумилов, терпеливо выслушал его.

— Александр Николаевич, поймите: здание необходимо освободить.

— Почему именно это?

— Подходит по расположению и площади.

— А почему нельзя дождаться предоставления жильцам других помещений?

— Потому что учреждение должно начать работу в установленный срок.

— Кто установил срок?

— Руководство.

— А кто проверил, можно ли переселить людей за сутки?

Шумилов развёл руками.

— Мы исполняем решение.

Профессор посмотрел на говорившего.

— Вы ведь понимаете, что некоторые жильцы окажутся на улице?

— Мы не собираемся никого оставлять на улице.

— Но другого жилья у вас пока нет.

— Временные трудности.

— Для вас временные. Для пожилой женщины с вещами на тротуаре — вполне настоящие.

Шумилов вздохнул.

— Александр Николаевич, у нас жилищный кризис. Вы прекрасно знаете. Одним нужно помещение, другим тоже. Мы не можем удовлетворить всех.

— Я не прошу удовлетворить всех немедленно. Я прошу не выселять людей раньше, чем будет решён вопрос об их размещении.

— Тогда не выполним распоряжение.

— Значит, распоряжение составлено без учёта необходимых условий исполнения.

Шумилов посмотрел на него с раздражением.

— Вы предлагаете отменить решение?

Профессор мысленно сопоставил обстоятельства.

— Пока предлагаю приостановить выселение до определения порядка переселения.

— Что позволяет отложить выселение?

Профессор не ответил сразу.

Именно этот вопрос оказался самым трудным.

Он привык находить нарушения закона.

Теперь перед ним находилось решение, которое могло быть принято компетентным органом, но исполнение которого причиняло людям очевидный вред.

Шумилов заметил его молчание.

— Вот видите, Александр Николаевич. Законных оснований для отмены у вас нет.

— Возможно, — ответил профессор. — Но это ещё не означает, что решение разумно.

— Разумность не входит в мои полномочия.

— Тогда кто за неё отвечает?

Шумилов устало посмотрел на часы.

— Следующий посетитель.

Домой Воронцов вернулся поздно.

Он долго сидел перед чистым листом.

Ситуация не укладывалась в привычную схему.

В деле Крестова государственные органы скрывали сведения, изменяли документы и пытались использовать чужую подпись.

Здесь же распоряжение существовало.

Полномочия были определены.

Процедура оформления соблюдена.

И всё-таки результат выглядел несправедливым.

Профессор открыл тетрадь.

Записал мысль:

«Законность решения не исчерпывает вопроса о допустимости его последствий».

Воронцов задержался на этой мысли.

Затем зачеркнул слово «допустимости».

Заменил её другой формулировкой:

«Законность решения не исчерпывает вопроса о разумности и справедливости его последствий».

Эту формулировку он счёл наиболее точной.

Но оставалась проблема.

Юрист не мог просто объявить решение незаконным потому, что оно ему не нравилось.

Если он начнёт подменять право личным представлением о справедливости, то чем будет отличаться от чиновника, который подменяет закон государственной необходимостью?

Воронцов отложил тетрадь, закрыв её.

Ему требовалось не красивое рассуждение.

Нужно было найти способ помочь людям, не выдумывая правовых оснований.

На следующее утро профессор снова отправился в жилищный отдел.

На этот раз он попросил предоставить сведения о помещениях, находящихся в распоряжении района.

Шумилов встретил его без удовольствия.

— Александр Николаевич, мы вчера всё обсудили.

— Не всё.

— Что ещё?

— Сколько семей подлежит выселению?

— Двенадцать.

— Сколько человек?

— Тридцать восемь.

— Сколько помещений имеется для временного размещения?

Шумилов нахмурился.

— Не знаю точно.

— Тогда давайте выясним.

— Почему вы решили вмешаться?

— Потому что вчера вы сказали, что никого не собираетесь оставлять на улице.

Шумилов посмотрел на него.

— Вы намерены проверить каждое моё слово?

— Только те, от которых зависит судьба тридцати восьми человек.

Начальник отдела вызвал сотрудницу.

Через полчаса выяснилось, что район располагает несколькими свободными комнатами, двумя помещениями в бывшем доходном доме и местами во временном общежитии.

Всего этого не хватало для постоянного переселения.

Но позволяло разместить людей хотя бы на первое время.

Воронцов предложил составить поимённый список жильцов с указанием состава семей, возраста, состояния здоровья и потребности в отдельном помещении.

Шумилов сначала возражал.

Потом заинтересовался.

— Вы хотите, чтобы мы распределили временное жильё по категориям?

— Я хочу, чтобы вы знали, кого выселяете и куда эти люди должны отправиться.

— Это потребует времени.

— Меньше, чем последующие жалобы.

Шумилов усмехнулся.

— И у вас есть доказательства?

— Нет. Но предлагаю проверить.

К вечеру список был готов.

Выяснилось, что в доме проживали трое тяжело больных, четыре семьи с маленькими детьми и две пожилые женщины без близких родственников.

Профессор предложил переселять их в первую очередь в наиболее пригодные помещения.

Остальным — предоставить временное размещение с письменным указанием срока последующего решения жилищного вопроса.

Шумилов долго изучал список.

— Александр Николаевич, это разумно.

— Рад, что мы согласны.

— Но распоряжение о выселении остаётся в силе.

— Разумеется. Мы обсуждаем порядок исполнения.

Шумилов поднял голову.

— Значит, вы не требуете отмены?

— Нет, если можно исполнить решение без того вреда, который возникал при первоначальном порядке.

Начальник отдела задумался.

— А вы могли бы изложить это письменно?

Воронцов улыбнулся.

— Наконец-то просьба, которую я ожидал услышать.

Через два дня профессор подготовил короткое заключение.

Он не оспаривал компетенцию органа, принявшего решение о передаче здания.

Вместо этого указал, что исполнение распоряжения должно учитывать фактическую возможность переселения жильцов и не должно создавать последствий, не предусмотренных самим решением.

Особенно подробно он рассмотрел вопрос о сроках.

Воронцов предложил различать срок освобождения здания и порядок фактического переселения.

Если государственное учреждение нуждалось в помещениях срочно, это не освобождало жилищные органы от необходимости организовать размещение граждан.

Заключение получилось спокойным.

Без обвинений.

Без громких слов.

Но с конкретным предложением: утвердить отдельный план переселения и назначить должностное лицо, ответственное за его исполнение.

Шумилов согласился.

Работы в доме приостановили ещё на четыре дня.

За это время большинству жильцов определили временные помещения.

Марии Петровне и Павлу Климовым предоставили комнату в доме неподалёку.

Она была тесной.

Пианино туда не помещалось.

Но у них появилась крыша над головой.

Когда Воронцов пришёл помочь с переездом, Мария Петровна долго благодарила его.

— Александр Николаевич, если бы не вы, мы оказались бы на улице.

— Не преувеличивайте. Шумилов оказался человеком вполне разумным.

— Он ведь сначала ничего не хотел слушать.

— Иногда чиновнику нужно предложить не только возражение, но и способ выполнить поручение иначе.

Павел, стоявший у окна, спросил:

— А почему нельзя было сразу сделать так?

Воронцов перевёл взгляд на юношу.

— Потому что составитель распоряжения думал о здании.

— А о людях?

— Вероятно, считал, что о них подумает кто-нибудь другой.

Павел нахмурился.

— Это несправедливо.

Профессор кивнул.

— Несправедливо. Но это ещё не ответ на вопрос о законности.

— Но законно?

Воронцов мысленно восстановил порядок принятия решения.

— Само решение о передаче здания могло быть законным. А вот порядок исполнения требовал исправления.

— Значит, закон не всегда защищает?

— Закон не способен предусмотреть каждое человеческое обстоятельство. Поэтому важно, чтобы люди, которые его применяют, не забывали, ради чего он существует.

Павел помолчал.

— А если забывают?

— Тогда им приходится напоминать.

История с домом № 18 неожиданно получила продолжение.

Через неделю Воронцова вызвали к Ордынцеву.

Тот встретил его с газетной вырезкой в руках.

— Александр Николаевич, вы теперь занимаетесь жилищными вопросами?

— Иногда.

— Мне сообщили, что вы вмешались в исполнение решения местного органа.

— Я предложил изменить порядок переселения.

— Без служебного поручения?

— Как частное лицо.

Ордынцев положил вырезку.

— Вы использовали удостоверение консультанта.

Воронцов отвёл взгляд от собеседника.

— Да.

— Что заставляет вас так думать?

— Потому что уполномоченный отказался обсуждать положение жильцов, пока не узнал, что я работаю с государственными учреждениями.

— Значит, вы воспользовались служебным положением.

— Чтобы добиться рассмотрения вопроса, который должен был рассматриваться независимо от моего удостоверения.

Ордынцев задержал на нём взгляд.

— Это не совсем оправдание.

— Это не оправдание, — признал Воронцов.

— Вы признаёте, что поступили неправильно?

Воронцов задумался над тем, что ему предстояло признать.

— Я признаю, что не следовало использовать служебное удостоверение в частном споре. Но не считаю неправильным требование обеспечить переселение людей.

Ордынцев молча склонил голову в знак согласия.

— Вот это уже интереснее.

Он достал из папки заключение профессора.

— Ваш документ прочитали.

— Кто прочитал?

— Несколько человек.

— Что они предлагают?

— Предлагают использовать его при подготовке разъяснений для местных органов.

Удивление отразилось на лице Воронцова.

— По жилищным вопросам?

— Не одними жилищными.

Ордынцев раскрыл папку.

— Вы сформулировали принцип, который может применяться шире: исполнение законного решения не должно создавать дополнительных последствий, не предусмотренных самим решением.

— Да.

— Но где предел?

— Какой именно?

— Если каждое учреждение начнёт учитывать обстоятельства отдельных граждан, исполнение решений станет медленнее.

— Иногда.

— А если речь идёт о массовых мероприятиях?

— Тогда порядок исполнения следует готовить заранее.

Ордынцев задумался над предложением.

— Вы предлагаете учитывать последствия ещё до принятия решения?

— Да. Иначе цена ошибки обнаружится слишком поздно.

— Но невозможно знать всё заранее.

— Не всё. Однако можно установить наиболее вероятные последствия.

Гость задумался.

— Например?

— Сколько людей затронет решение. Какие права и интересы будут ограничены. Какие учреждения отвечают за исполнение. Какие средства необходимы. Существуют ли менее тяжёлые способы достичь той же цели.

Ордынцев сделал запись.

— Вы сейчас описали не юридическое заключение, а целую систему предварительной оценки решений.

— По существу, да.

— И считаете, что она нужна?

— Считаю, что нужна.

Ордынцев медлил с ответом.

Затем произнёс:

— Подготовьте записку.

Профессор поднял глаза от записей.

— О чём именно?

— О правовой оценке последствий государственных решений.

— Для каких органов?

— Начните с общих принципов.

— Что последует за этим?

Ордынцев ответил улыбкой.

— Потом посмотрим.

Профессор вышел из кабинета с неожиданным чувством тревоги.

Он хотел помочь одной семье.

В результате получил поручение разработать порядок оценки последствий государственных решений.

На первый взгляд это выглядело удачей.

Но Воронцов уже знал, что общие принципы могут использоваться самым неожиданным образом.

Если он предложит учитывать последствия решений, кто-то непременно спросит, какие последствия считать допустимыми.

Если предложит оценивать соразмерность мер, возникнет вопрос, кто определяет эту соразмерность.

Если потребует учитывать интересы граждан, найдётся человек, который объявит эти интересы уже учтёнными.

И всё же отказаться от работы означало бы отказаться от возможности хотя бы частично изменить существующую практику.

Профессор шёл по коридору, размышляя об этом, когда услышал знакомый голос.

— Александр Николаевич.

У окна стоял Грановский.

— Борис Леонидович.

— Говорят, вы теперь специалист по справедливости.

Воронцов остановился.

— Нет. По праву.

— А разница?

— Существенная.

Грановский ответил улыбкой.

— Вы ведь недавно добились отсрочки выселения.

— Добился изменения порядка переселения.

— И считаете это победой?

— Считаю, что люди получили временное жильё.

— Но здание всё равно освободили.

— Освободили.

— Значит, государственное решение исполнено.

— Решение исполнено.

— И вы не возражаете?

— Против чего именно?

Грановский приблизился.

— Против того, что государственные интересы оказались важнее интересов отдельных граждан.

Воронцов не сразу отвёл глаза.

— Я не считаю, что интересы всегда должны противопоставляться. В данном случае удалось исполнить решение без необходимости оставлять людей на улице.

— А если бы не удалось?

— Тогда следовало бы пересмотреть условия исполнения.

— Или само решение?

— Возможно.

Грановский криво улыбнулся.

— Вот видите. В конечном счёте всё зависит от того, кто принимает решение.

— Нет. От того, какие полномочия у него есть и как он ими пользуется.

— Вы всё ещё верите в эти различия?

— Я ими занимаюсь профессионально.

Грановский наклонился ближе.

— Александр Николаевич, однажды вам придётся признать, что государство не может управляться по правилам университетского семинара.

Воронцов ответил спокойно:

— А вам однажды придётся объяснить, почему государству понадобилось скрывать собственные решения от людей, которые должны их исполнять.

Улыбка исчезла с лица Грановского.

— Вы слишком много себе позволяете.

— Возможно. Но пока мы разговариваем в коридоре, а не составляем протокол.

Профессор поклонился и пошёл дальше.

В августе 1925 года Воронцов закончил записку о правовой оценке последствий государственных решений.

Она получилась значительно объёмнее, чем он рассчитывал.

Профессор предложил пять основных вопросов, на которые составитель проекта должен отвечать до его утверждения.

Первый: каким органом и на каком основании принимается решение.

Второй: какие лица и учреждения оно затрагивает.

Третий: какие последствия могут возникнуть при исполнении.

Четвёртый: существуют ли способы достичь той же цели с меньшими ограничениями.

Пятый: кто отвечает за устранение последствий, если исполнение приведёт к нарушениям.

Особое внимание Воронцов уделил последнему вопросу.

Он писал:

«Недостаточно установить, кто отвечает за исполнение решения. Необходимо определить, кто обязан рассматривать обращения о последствиях его исполнения и принимать меры к устранению допущенных нарушений».

Профессор понимал, что не создаёт новой теории.

Многие из этих идей были известны правоведам задолго до него.

Но в существующей административной практике они редко соединялись в единый порядок.

Он хотел, чтобы чиновник, составляющий проект постановления, думал не только о том, как добиться результата, но и о том, что произойдёт с людьми после исполнения.

Записку он передал Ордынцеву.

Ответ пришёл через неделю.

«Предложения приняты к сведению. Отдельные положения могут быть использованы при подготовке ведомственных инструкций».

Воронцов ещё раз прочёл эту фразу.

Он уже научился не придавать слишком большого значения словам «приняты к сведению».

Они могли означать что угодно.

От настоящего интереса до вежливого отказа.

Но через несколько дней произошло нечто неожиданное.

Профессору доставили проект инструкции для одного из государственных учреждений.

В разделе о порядке подготовки решений он обнаружил собственные положения.

Почти дословно.

Требование указывать круг затрагиваемых лиц.

Необходимость оценивать последствия исполнения.

Обязанность назначать ответственного за рассмотрение жалоб.

Воронцов прочитал документ с удовлетворением.

Однако в последнем пункте находилась оговорка:

«В случаях особой государственной необходимости указанные требования могут не применяться по решению руководителя учреждения».

Профессор положил лист перед собой.

Снова.

Та же конструкция.

Общее правило.

И исключение, позволяющее не соблюдать правило именно тогда, когда его соблюдение особенно важно.

Он взял карандаш и вернулся к оговорке.

Подчеркнул оговорку.

На полях оставил короткое распоряжение:

«Исключить».

Под этой строкой появилось ещё одно замечание:

«Необходимость срочного решения не устраняет обязанности учитывать его последствия. В чрезвычайных обстоятельствах допускается сокращённая предварительная оценка с обязательной последующей проверкой».

Он перечитал формулировку.

На этот раз она показалась ему достаточно точной.

Но прежде чем подписать заключение, профессор вспомнил разговор с Грановским.

«Однажды вам придётся признать…»

Воронцов отложил перо.

Он понял, что Грановский не просто спорит с ним.

Тот последовательно проверяет, насколько далеко профессор готов зайти в защите собственных принципов.

И каждый раз выбирает вопрос, в котором правовое решение сталкивается с государственной необходимостью.

Сначала — особый порядок.

Потом — признание вины.

Затем — исполнение законного решения с несправедливыми последствиями.

Теперь — возможность вообще отказаться от предварительной проверки.

Воронцов открыл вторую тетрадь.

Он сделал запись:

«Грановский последовательно добивается признания исключений из общих требований. Необходимо установить, действует ли он по собственной инициативе или выполняет поручение».

Он перечитал запись.

Сделал необходимую оговорку:

«Пока доказательств недостаточно».

Эту оговорку профессор счёл необходимой.

Он не хотел превращаться в человека, который строит обвинения на подозрениях.

В конце августа Воронцов получил телеграмму от Екатерины.

«Папа, приезжай, если можешь. Нужно поговорить. Катя».

Профессор встревожился.

Он немедленно позвонил в школу, где она работала.

Екатерину к телефону не пригласили.

Сообщили, что она отсутствует.

Воронцов спросил, не заболела ли дочь.

Ему ответили, что сведений нет.

На следующий день он выехал поездом.

Екатерина встретила его на станции.

Она выглядела усталой.

— Папа!

Воронцов обнял её.

— Что-нибудь произошло?

— Давай поговорим у меня.

Они прошли по улице к небольшому дому, где Екатерина снимала комнату.

Только там она заговорила.

— У нас в школе пропал учитель.

Профессор почувствовал неладное.

— Как пропал?

— Три дня назад его вызвали в районный отдел. С тех пор никто не видел.

— Как зовут пропавшего?

— Алексей Дмитриевич Морозов.

— Что преподавал?

— Историю.

— Почему вызвали?

— Не знаю точно. Говорят, из-за старых записей.

— Что за записи?

Екатерина достала из шкафа тетрадь.

— Он собирал воспоминания жителей о событиях революции и Гражданской войны. Записывал рассказы, иногда очень разные.

Воронцов открыл тетрадь.

На страницах находились свидетельства бывших солдат, рабочих, крестьян и служащих.

Некоторые рассказы противоречили друг другу.

В отдельных записях упоминались действия местных вооружённых отрядов в годы Гражданской войны.

Профессор перелистал несколько страниц.

— Это исторические материалы.

— Материалы исторические.

— Почему они вызвали интерес?

— Один из рассказчиков пожаловался, что Морозов записал его слова неправильно.

— Что произошло после жалобы?

— Потом кто-то сообщил, будто учитель собирает сведения против советской власти.

Воронцов сомкнул обложки тетради.

— Есть документы о задержании?

— Нет, документов о задержании не представили.

— Кто-нибудь обращался с запросом?

— Директор школы. Ему ответили, что Морозов временно отсутствует.

— А где он сейчас?

— Не сказали.

Профессор посмотрел на дочь.

— Катя, почему ты не написала сразу?

— Я боялась.

— Чего?

— Что письма читают.

Воронцов медленно положил тетрадь.

— Ты участвовала в сборе воспоминаний?

Екатерина кивнула.

— Иногда помогала записывать.

— Твоё имя есть в материалах?

— Есть.

Профессор некоторое время молчал.

Теперь он понял причину телеграммы.

Екатерина боялась не только за коллегу.

Она понимала, что сама могла оказаться связанной с его работой.

— Катя, — сказал Воронцов, — расскажи всё по порядку.

Она села напротив.

— Две недели назад Морозов попросил меня переписать несколько страниц. Он хотел отправить материалы знакомому в Москву.

— Кому Морозов собирался их отправить?

— Кому именно — не знаю.

— Ты переписала?

— Переписала.

— Где копии?

— Одну он забрал. Вторая осталась у меня.

— Покажи.

Екатерина достала из ящика сложенные листы.

Воронцов начал читать.

На первой странице находился рассказ бывшего служащего о событиях 1919 года.

На второй — воспоминания крестьянина.

На третьей профессор остановился.

В тексте упоминался человек по фамилии Крестов.

Воронцов поднял взгляд.

— Катя, ты знаешь, кто это?

— Нет, я не знаю, кто это.

— Откуда запись?

— Морозов беседовал с бывшим работником одного учреждения. Тот рассказывал о людях, которые исчезли после Гражданской войны.

Профессор снова посмотрел на страницу.

В тексте говорилось:

«Николай Крестов в сентябре двадцать первого года не умер. Его перевели в Москву и велели считать умершим по документам. Распоряжение оформляли задним числом. Подписывать никто не хотел».

Воронцов почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Он перечитал абзац.

Ниже стояла фамилия рассказчика.

Пётр Васильевич Астахов.

Профессор медленно опустил лист.

— Катя, где этот человек?

— Его нынешнего адреса я не знаю.

— Морозов записал его адрес?

— Возможно, в основной тетради.

— Она у него?

— У него.

Воронцов обратил взгляд на дочь.

Теперь исчезновение учителя выглядело совсем иначе.

Он не знал, связано ли оно с записями о Крестове.

Но совпадение требовало проверки.

Особенно потому, что сведения из тетради подтверждали то, о чём ранее говорил Семёнов.

Распоряжение о смене личности Крестова действительно могли оформить задним числом.

И существовал свидетель, знавший обстоятельства его составления.

Вечером Воронцов отправился к директору школы.

Тот встретил его настороженно.

— Александр Николаевич, Екатерина Александровна говорила, что вы приедете.

— Я хотел бы выяснить обстоятельства отсутствия Морозова.

Директор вздохнул.

— Мы сами ничего не знаем.

— Когда его вызвали?

— В понедельник.

— Кто приходил?

— Два человека из районного учреждения.

— Представились?

— Да. Но фамилии я не запомнил.

— Было письменное требование?

— Нет, письменного требования не поступало.

— Тогда почему вы отпустили преподавателя?

Директор посмотрел на него с удивлением.

— А что я должен был сделать?

Воронцов задумался, прежде чем ответить.

Вопрос был неприятно знаком.

Он уже слышал его от чиновников, исполнителей и людей, которые не считали себя вправе возражать.

— Вы могли попросить указать основание вызова.

Директор покачал головой.

— Александр Николаевич, у нас небольшая школа. Мы не хотим неприятностей.

— Я понимаю ваше беспокойство за школу.

— Морозов хороший учитель. Но иногда слишком увлекается своими историческими записями.

— Это преступление?

— Нет, конечно.

— Тогда почему вы говорите так, будто оправдываете его?

Директор опустил глаза.

— Потому что не знаю, что с ним произошло.

Воронцов выдержал паузу.

Профессор уточнил:

— Его личные вещи остались в школе?

— Остались.

— Можно посмотреть?

Директор колебался.

— Это необходимо?

— Возможно.

После долгой паузы он согласился.

В кабинете Морозова стоял письменный стол, шкаф с учебниками и небольшой глобус.

На стене висела карта Европы.

Воронцов осмотрел бумаги.

Большинство относилось к школьной работе.

Планы уроков.

Списки учеников.

Проверенные тетради.

Но в нижнем ящике стола находилась записная книжка.

На одной из страниц профессор обнаружил фамилию Астахова.

Рядом стоял адрес.

Ниже — короткая запись:

«Крестов. Сентябрь 1921. Приказ подписан не тем. Спросить о регистрационном журнале».

Воронцов переписал сведения.

Потом закрыл книжку и вернул её на место.

Директор наблюдал за ним с тревогой.

— Вы нашли что-нибудь?

— Пока только вопросы.

— Что нам делать?

Профессор встретился с ним взглядом.

— Подать письменный запрос о местонахождении вашего сотрудника.

— Мы уже обращались.

— Устно?

— Устно.

— Тогда теперь письменно. С регистрацией и сохранением копии.

Директор вздохнул.

— Вы думаете, это поможет?

— Не знаю. Но если человек исчез после вызова в государственное учреждение, должно остаться подтверждение того, что вы пытались установить его судьбу.

Директор долго смотрел на профессора.

— Вы говорите так, будто ожидаете худшего.

— Я стараюсь не делать выводов раньше времени.

— А сами?

Воронцов ответил после паузы:

— Сам я надеюсь, что Морозов просто задержался по обстоятельствам, которые скоро выяснятся.

Но надежда была слабой.

На следующий день профессор отправился по адресу Астахова.

Дом находился на окраине города.

Небольшой деревянный, с покосившимся забором и заросшим садом.

Дверь открыла пожилая женщина.

— Вам кого?

— Петра Васильевича Астахова.

Она посмотрела на него настороженно.

— А зачем?

— Хотел бы поговорить о событиях двадцать первого года.

Женщина побледнела.

— Нет его.

— Он уехал?

— Не могу сказать, уехал ли он.

— Когда вы видели его в последний раз?

Она попыталась закрыть дверь.

Воронцов осторожно отступил.

— Простите. Я не хотел вас пугать.

Женщина остановилась.

— Вы из Москвы?

— Из Москвы.

— Из какого учреждения?

— Я преподаватель права. Иногда консультирую государственные органы.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Значит, тоже оттуда.

— Откуда?

Женщина не ответила.

Потом тихо произнесла:

— Пётр Васильевич умер.

Воронцов почувствовал неприятный холод.

— Когда он умер?

— В прошлом месяце.

— От чего?

— Сердце.

— Вы родственница?

— Сестра.

Профессор снял шляпу.

— Примите соболезнования.

Женщина молча приняла соболезнования.

Он уже собирался уходить, когда женщина неожиданно спросила:

— Вы по поводу Николая?

Воронцов остановился, не сразу уловив, о ком идёт речь.

— Какого Николая?

— Крестова.

Профессор медленно повернулся.

— Вы его знали?

— Нет. Но брат часто вспоминал.

— Что говорил?

Женщина посмотрела на улицу.

— Заходите, не будем говорить на улице.

В маленькой комнате пахло сушёными травами и старой мебелью.

Женщина представилась Анной Васильевной.

Она поставила на стол чайник.

— Брат последние годы боялся, — сказала она. — Особенно после того, как к нему приезжали из Москвы.

— Когда приезжали?

— Зимой.

— Кто приходил зимой?

— Двое мужчин. Спрашивали о старой службе.

— И что он ответил?

— Не знаю. Меня попросили выйти.

Воронцов внимательно слушал.

— Что произошло после этого?

— Потом Пётр стал искать какие-то бумаги. Говорил, что не хочет умирать с чужой виной.

— Какие бумаги?

Анна Васильевна посмотрела на шкаф.

— Он оставил пакет.

Воронцов невольно сжал край стола.

— Кому он велел передать пакет?

— Сказал передать человеку, который спросит о Николае Крестове.

Она подошла к шкафу, вынула из-за книг небольшой свёрток и положила на стол.

— Я думала, никто не придёт.

Воронцов осторожно развернул бумагу.

Внутри находились три листа.

Первый — копия регистрационной записи за сентябрь 1921 года.

Второй — выписка из служебного журнала.

Третий — короткое собственноручное объяснение Астахова.

Профессор начал читать.

В объяснении говорилось, что распоряжение о переводе Николая Крестова на работу под другим именем было оформлено после фактического исполнения.

Дата документа не соответствовала дате его составления.

Подпись должностного лица, указанного в распоряжении, была воспроизведена по ранее подписанному образцу.

Воронцов задержался у стола.

Подпись воспроизведена по образцу.

Точно так же, как позднее поступили с его собственным заключением.

Он перелистнул документ.

Внизу Астахов написал:

«Подлинный приказ о переводе Крестова был устным. Кто именно его отдал, мне неизвестно. Письменное распоряжение подготовлено по указанию начальника канцелярии. Подписавшее лицо при составлении документа не присутствовало».

Профессор перечитал последние строки.

Затем посмотрел на Анну Васильевну.

— Вы знаете, почему брат сохранил эти бумаги?

Она покачала головой.

— Говорил, что однажды они понадобятся.

— Он кому-нибудь их показывал?

— Учителю Морозову.

Воронцов не сразу нашёл, что ответить.

— Когда Морозов видел записи?

— Незадолго до смерти.

— А после этого?

Анна Васильевна помолчала.

— Морозов приходил ещё раз. Спрашивал, не осталось ли других записей.

— Вы показали ему пакет?

— Нет. Брат велел никому не отдавать.

— Почему же отдали мне?

Женщина посмотрела на него.

— Потому что вы назвали Николая.

Воронцов осторожно сложил документы.

— Анна Васильевна, эти бумаги могут оказаться важными. Но мне необходимо установить их подлинность.

— Делайте что нужно.

— Вы разрешаете взять их для проверки?

Она согласилась, но сразу предупредила:

— Только не потеряйте.

Профессор осторожно принял предупреждение.

— Постараюсь.

Он понимал, что обещание это значительно серьёзнее, чем звучало.

Вернувшись к Екатерине, Воронцов не стал сразу рассказывать о находке.

Сначала внимательно изучил бумаги.

Регистрационная запись содержала номер распоряжения.

Дата — шестнадцатое сентября 1921 года.

Но в служебном журнале соответствующая запись была внесена позднее.

Кроме того, в графе о лице, подписавшем распоряжение, стояли инициалы, которые профессор прежде не встречал.

Он переписал их.

Затем сравнил с собственными записями о кадровых изменениях 1921 года.

Совпадение оказалось неприятным.

Подпись принадлежала должностному лицу, которое к моменту фактического составления распоряжения уже не имело соответствующих полномочий.

Теперь у Воронцова появились документальные основания подозревать подлог.

Но оставался главный вопрос.

Кто приказал оформить распоряжение задним числом?

И почему ради одного бывшего служащего понадобилось создавать такую сложную цепочку документов?

Екатерина вошла в комнату.

— Папа, ты нашёл что-то важное?

Он встретился с ней взглядом.

— Возможно.

— Связано с Морозовым?

— Связано.

— И с тем человеком, о котором ты спрашивал?

— С Крестовым.

Она заняла место напротив.

— Кто он?

Профессор не нашёлся с ответом сразу.

Затем впервые рассказал дочери почти всю историю.

О человеке, которого объявили умершим.

О новых документах.

О признании, полученном после обещания свободы.

О поддельной подписи.

Екатерина слушала не перебивая.

Когда он закончил, она спросила:

— Папа, а почему ты всё ещё работаешь с этими людьми?

Воронцов перевёл взгляд на бумаги.

— Потому что иногда мне удаётся остановить неправильное решение.

— А иногда они используют твои слова против других.

— Да.

— Значит, ты не знаешь, приносишь больше пользы или вреда.

Профессор признал справедливость вопроса.

— Не знаю.

Екатерина посмотрела на него с болью.

— Тогда как ты можешь продолжать?

Он долго молчал.

— Потому что если я уйду, на моё место придёт другой человек. Возможно, он будет честнее. Возможно, нет. Но я не хочу принимать решение только из страха.

— А если из-за твоей работы пострадаю я?

Профессор посмотрел вверх.

Этот вопрос был страшнее всех, которые ему задавали на служебных совещаниях.

Он мог спорить с Грановским.

Мог возражать Ордынцеву.

Мог писать особые мнения и требовать регистрации документов.

Но не мог уверенно сказать дочери, что его действия не причинят ей вреда.

— Катя, — произнёс он наконец, — если я пойму, что моя работа непосредственно угрожает тебе, я должен буду изменить то, как действую.

— Не отказаться?

— Не знаю.

Она отвернулась.

Воронцов понял, что ответ её не удовлетворил.

Но другого у него не было.

На следующий день профессор отправился в Москву.

Документы Астахова он не положил в обычный портфель.

Сделал с них рукописные выписки, указав происхождение и внешние признаки.

Подлинные листы оставил у Екатерины в запечатанном конверте.

— Если со мной что-нибудь случится, — сказал он, — передай пакет Сергею Павловичу Дёмину.

Екатерина посмотрела на него.

— Ты опять говоришь так, будто всё нормально.

— Нет. На этот раз я говорю совершенно серьёзно.

Она взяла конверт.

— Я сохраню.

Воронцов обнял дочь.

— И не показывай никому без необходимости.

— Папа, я понимаю.

Он не стал спорить с дочерью.

Впервые за долгое время ему пришлось признать, что Екатерина действительно понимает больше, чем ему хотелось бы.

В Москве профессора ожидало письмо от Ордынцева.

Короткое.

«Просим явиться для обсуждения вопроса о дальнейшем использовании ваших заключений».

Воронцов прочитал его и положил рядом с запиской Грановского.

Он не знал, связано ли приглашение с новым проектом или с делом Крестова.

Но теперь у него имелись сведения, которые могли изменить положение.

Он подготовил отдельную записку о выявленных признаках подделки распоряжения 1921 года.

В ней не обвинял конкретных лиц.

Не делал выводов о виновности.

Только перечислил установленные расхождения и указал, какие документы необходимо проверить.

На последней странице написал:

«Представленные сведения требуют проверки подлинности распоряжения, полномочий лица, указанного в качестве подписавшего, а также обстоятельств последующего изменения учётных данных гражданина Н. П. Крестова».

Профессор подписал записку.

Затем достал вторую тетрадь.

Август 1925 года.

Получены материалы, указывающие на возможное оформление распоряжения 1921 года задним числом и воспроизведение подписи без участия указанного должностного лица.

Необходимо обеспечить сохранность документов и независимую проверку.

Он задержался над строкой.

Вписал уточнение:

«Сходство способов оформления с позднейшей подделкой моего заключения заслуживает внимания, но само по себе не доказывает связи между случаями».

Воронцов захлопнул тетрадь.

Эта последняя оговорка была для него особенно важна.

Он не собирался становиться человеком, который борется с произволом при помощи собственных произвольных выводов.

На совещание профессор пришёл в назначенный час.

Ордынцев встретил его у двери.

На столе лежала тонкая папка.

— Александр Николаевич, — сказал он, — нам необходимо обсудить один неприятный вопрос.

— О чём речь?

Ордынцев открыл папку.

— Ваши заключения стали предметом разногласий между несколькими учреждениями.

— По существу?

— Разногласия касаются не только содержания.

— Тогда уточните.

Ордынцев не спешил продолжать.

— Одни считают, что ваши замечания помогают улучшать документы. Другие полагают, что вы вмешиваетесь в вопросы, выходящие за пределы юридической консультации.

— Кто именно?

— Это сейчас несущественно.

— Для меня существенно.

Ордынцев вздохнул.

— Грановский направил докладную.

— Я видел одну из его записок.

Гость поднял глаза.

— Как копия оказалась у вас?

— Получил копию.

— Кто передал?

— Не считаю необходимым сообщать.

Ордынцев неожиданно улыбнулся.

— Вы быстро учитесь.

— У кого?

— У нас.

Воронцов не улыбнулся.

— Виктор Сергеевич, если речь идёт о моей работе, я готов обсудить конкретные замечания.

— Именно поэтому я вас пригласил.

Ордынцев вынул лист.

— Вам предлагают новый порядок.

Профессор взял документ.

В нём говорилось, что юридические заключения консультанта должны предварительно обсуждаться с представителем заинтересованного учреждения.

После обсуждения составляется согласованная редакция.

При наличии разногласий они фиксируются в служебной справке.

Воронцов дочитал.

— Нет.

Ордынцев устало посмотрел на него.

— Вы опять начинаете с отказа.

— Потому что это отменяет право на самостоятельное заключение.

— Вам предлагают обсуждение.

— Обсуждать можно. Но согласовывать вывод до его оформления — другое дело.

— Вы сможете изложить возражения.

— В справке, которую составит заинтересованное учреждение.

— Именно так.

— Значит, моё особое мнение перестанет существовать как самостоятельный документ.

Ордынцев не спешил с ответом.

— Формально — возможно.

— Не формально. Фактически.

Воронцов положил лист перед Ордынцевым.

— Виктор Сергеевич, вы ведь сами согласились, что мои заключения должны прилагаться полностью.

— Согласился.

— Что изменилось?

Ордынцев задержал взгляд на окне.

— Обстоятельства.

— Какие именно обстоятельства?

— Ваши замечания стали использовать в спорах между учреждениями.

— Как они используют мои заключения?

— Одни руководители ссылаются на ваши отрицательные заключения, чтобы не исполнять решения других.

Воронцов ответил после короткой паузы.

— И что в этом плохого, если решения действительно противоречат действующему праву?

— Проблема в том, что юридические разногласия превращаются в политические.

— Тогда необходимо разрешать их по существу.

Ордынцев повернулся.

— Александр Николаевич, иногда вопрос уже решён на уровне, где не желают возвращаться к обсуждению.

— Значит, заключение запрашивают слишком поздно.

— Вы предлагаете сказать это людям, которые приняли решение?

— Если меня пригласят именно для юридической оценки — да.

Ордынцев долго смотрел на профессора.

Затем произнёс:

— Хорошо. Я не буду настаивать на предложенной редакции.

Воронцов вскинул брови.

— В чём причина?

— Потому что она действительно лишает ваше заключение самостоятельного значения.

Профессор впервые за время разговора почувствовал облегчение.

Но Ордынцев продолжил:

— Однако мы должны найти иной порядок. Иначе ваше участие станет причиной постоянных конфликтов.

— Я готов предложить решение.

— Какое решение?

— Сохранять самостоятельное заключение, но прилагать к нему письменные замечания заинтересованного учреждения. Если разногласия остаются, окончательное решение принимает компетентный орган, имея оба документа.

Ордынцев перечитал предложенную формулировку.

— То есть две позиции в одном деле?

— Две позиции.

— И обе сохраняются?

— Обязательно.

— Даже если одна признана ошибочной?

— Тогда в решении следует указать, почему её отклонили.

Ордынцев ответил неторопливым кивком.

— Согласен, так будет правильнее.

Профессор взял карандаш, чтобы записать поручение.
— Подготовьте проект порядка.
Профессор встретил взгляд собеседника.
— Вы понимаете, к чему это приведёт?
— Понимаю, к чему это приведёт.
— Грановский будет недоволен.
Ордынцев встретил возражение короткой усмешкой.
— Борис Леонидович не единственный человек, чьё мнение учитывается.
Профессор вышел из кабинета с новым поручением.
Теперь ему предстояло разработать порядок фиксации юридических разногласий.
Это была именно та работа, которую он считал необходимой.
Но радость оказалась недолгой.
В коридоре его остановил Семёнов.
— Александр Николаевич, можно на минуту?
Они отошли к окну.
Молодой человек выглядел встревоженным.
— Вы привезли документы из Тверской губернии?
Профессор настороженно всмотрелся в собеседника.
— Какие документы?
— По делу Крестова.
— Откуда вам известно?
Семёнов опустил глаза.
— Об этом уже знают.
— Кто знает?
— Грановский.
Профессор почувствовал, как у него похолодели руки.
— Кто передал вам эти сведения?
— Источник мне не назвали.
— Что он собирается делать?
Семёнов не спешил с ответом.
— Сегодня утром направлен запрос о местонахождении Екатерины Александровны.
Воронцов медленно выпрямился.
— Для чего вас вызывали?
— Формально — для получения объяснений по материалам учителя Морозова.
— А фактически?
Молодой человек посмотрел на него.
— Я не знаю.
Профессор несколько секунд молчал.
Наконец он спросил:
— Морозов жив?
Семёнов подтвердил кивком.
— Да.
— Куда его перевели?
— Его перевели в Москву.
— По какому делу?
— О распространении сведений, признанных недостоверными.
Воронцов не отвёл взгляда.
— Значит, они хотят выяснить, кто сохранил записи Астахова.
Семёнов не подтвердил догадку и не опроверг её.

Но его молчание было достаточно выразительным.

Профессор медленно произнёс:

— Николай, мне необходимо срочно связаться с дочерью.

— Я понимаю.

— Вы можете помочь?

Семёнов огляделся, проверяя, не слышит ли их кто-нибудь.

— Не по службе.

— А как?

Молодой человек достал из кармана небольшой листок.

На нём был адрес.

— Здесь живёт человек, которому можно доверить письмо. Он отправит его без служебной почты.

Воронцов взял листок.

— Кто он?

— Мой старший брат.

Профессор посмотрел на Семёнова.

— Вы понимаете, что рискуете?

— Понимаю.

— Почему помогаете?

Молодой человек ответил после паузы:

— Потому что я слишком долго исполнял распоряжения, не спрашивая, что будет с людьми после исполнения.

Воронцов хотел что-то сказать, но Семёнов уже ушёл.

В тот вечер профессор впервые не смог сосредоточиться на работе.

Он сидел за столом, перед ним лежали проекты инструкций, записки и тетради.

Но мысли возвращались к Екатерине.

Он понимал, что её участие в переписывании исторических воспоминаний само по себе не доказывало никакого нарушения.

Однако теперь её имя могло появиться в материалах дела Морозова.

А значит, кто-то получал формальный повод вызвать её для объяснений.

Воронцов взял чистый лист.

Написал дочери короткое письмо.

«Катя, прошу тебя не предпринимать самостоятельных действий по материалам Морозова. Если тебя вызовут для объяснений, выясни, кто вызывает и по какому вопросу. Не уничтожай документы и не передавай их посторонним лицам. Немедленно сообщи мне. Я постараюсь приехать».

Он перечитал.

Приписал в конце:

«Не бойся говорить правду. Но не соглашайся с формулировками, которые не соответствуют тому, что тебе известно».

Потом написал ещё одну строку:

«Прости, что моя работа снова коснулась твоей жизни».

Воронцов долго смотрел на последнюю фразу.

Затем оставил её.

Запечатал письмо.

И впервые за всё время работы с государственными документами почувствовал, что цена его принципиальности стала совершенно конкретной.

Не служебное положение.

Не жалованье.

Не возможность участвовать в важных совещаниях.

А безопасность дочери.

На следующее утро он отправил письмо через человека, указанного Семёновым.

Затем вернулся домой и открыл вторую тетрадь.

Август 1925 года.

Предложен новый порядок предварительного согласования юридических заключений. Возразил. Ордынцев согласился рассмотреть альтернативу с сохранением самостоятельного особого мнения.

Ниже записал:

«Получены сведения о возможном интересе Грановского к Екатерине и материалам Морозова. Требуется проверка. Нельзя допускать, чтобы семейные обстоятельства использовались для воздействия на содержание заключений».

Он прервал запись.

Он задумался над последними словами.

И добавил:

«Но нельзя также делать вид, что семейных обстоятельств не существует».

Воронцов захлопнул тетрадь и отложил её.

За окном шёл дождь.

Он долго сидел неподвижно.

Потом достал из ящика фотографию Екатерины, сделанную ещё до её отъезда.

На снимке она улыбалась, стоя возле университетского здания.

Профессор посмотрел на фотографию и впервые всерьёз задумался о том, что однажды ему, возможно, придётся выбирать между правом и человеком.

Не между законом и беззаконием.

Не между службой и совестью.

А между двумя обязанностями, каждая из которых будет требовать от него поступить по-разному.

И никакое юридическое заключение не подскажет, какую из них следует исполнить первой.

* * *

Москва. Сентябрь 1925 года.

Письмо от Екатерины пришло в среду.

Воронцов узнал её почерк ещё до того, как разрезал конверт. Дочь всегда писала крупно, слегка наклоняя буквы вправо. В гимназии за такой почерк её хвалили, а преподаватель чистописания однажды заметил, что барышня Воронцова слишком уверенно ведёт перо.

Профессор тогда ответил, что уверенность в собственном почерке — не самый опасный недостаток молодого человека.

Теперь он смотрел на конверт и не торопился его открывать.

Последние две недели он ждал известий из Тверской губернии с тревогой, которую старательно скрывал даже от самого себя.

В письме было всего несколько строк.

«Папа, у меня всё в порядке. В школу приходили двое. Спрашивали о Морозове, его записях и о тебе. Я ответила только на то, что знала сама. Никаких бумаг не подписывала.

Директор говорит, что Алексея Дмитриевича скоро отпустят. Не знаю, можно ли ему верить.

Очень прошу тебя не приезжать. Здесь и без того слишком много внимания к нашей семье.

Катя».

Воронцов перечитал письмо.

Потом ещё раз.

Особенно его заинтересовали слова «и о тебе».

Он достал чистый лист и записал три вопроса.

Кто приходил?

Что именно спрашивали?

Откуда им стало известно о его участии в деле Морозова?

На первые два вопроса Екатерина могла ответить. На третий, вероятно, нет.

Профессор убрал письмо в ящик.

Затем взял телефонную трубку и попросил соединить его с Управлением делами.

— Михаила Аркадьевича Рогова, пожалуйста.

После долгого ожидания ему ответили, что Рогов отсутствует.

— Когда будет?

— Неизвестно.

— Он в командировке?

— Сведений нет.

Разговор закончился; Воронцов повесил трубку.

С Михаилом Аркадьевичем подобное происходило уже не впервые. После истории с Крестовым его то отправляли в командировку, то отстраняли от отдельных поручений, то снова привлекали к работе.

Но теперь профессор хотел поговорить именно с ним.

Не с Ордынцевым.

Не с Грановским.

И даже не с Левицкой.

Рогов слишком многое знал о первоначальном деле Крестова, чтобы считать нынешние события случайным совпадением.

В тот же день Воронцов получил служебное приглашение.

Ему предлагалось явиться на совещание по вопросу об ответственности должностных лиц за исполнение неправомерных распоряжений.

Профессор прочитал название дважды.

Тема была близка к его недавней работе.

Он как раз подготовил проект порядка оформления юридических разногласий. Согласно его предложению, государственное учреждение должно было сохранять первоначальное заключение консультанта даже в том случае, если руководитель принимал решение вопреки изложенным возражениям.

Но в приглашении говорилось о другом.

Об ответственности исполнителей.

Воронцов задержал взгляд на фамилию председательствующего.

Борис Леонидович Грановский.

— Вот как, — произнёс профессор.

Он положил приглашение на стол.

Потом достал проект своего заключения и внимательно перечитал раздел, посвящённый распределению ответственности между руководителем и подчинённым.

Там находилась фраза:

«Лицо, исполнившее распоряжение, не освобождается от ответственности за собственные противоправные действия исключительно вследствие подчинённого служебного положения».

Фраза была правильной.

Но профессор внезапно увидел, насколько опасной она могла стать, если её вырвать из общего текста.

Ведь несколькими строками ниже он писал, что ответственность исполнителя зависит от характера распоряжения, содержания его обязанностей, возможности установить неправомерность действий и обстоятельств исполнения.

Без этих условий первоначальное положение превращалось в удобный способ возлагать всю вину на нижестоящего служащего.

Карандаш оказался в руке Воронцова.

Обвёл оба абзаца.

На полях написал:

«Не разделять при цитировании».

Совещание состоялось в небольшом зале на втором этаже.

За столом сидели Грановский, Левицкая, несколько незнакомых сотрудников и молодой секретарь, который приготовился вести протокол.

Воронцов вошёл последним.

— Александр Николаевич, — приветствовал его Грановский, — рад, что вы нашли время.

— В приглашении было указано, что моё присутствие необходимо.

— И совершенно справедливо.

Профессор сел рядом с Левицкой.

Она тихо произнесла:

— Будьте внимательны к формулировкам.

— Обычно я этим и занимаюсь.

— Сегодня особенно.

Воронцов повернул голову в её сторону.

Но Грановский уже открыл совещание.

— Товарищи, перед нами возник вопрос практического значения. В ряде учреждений обнаружены нарушения порядка оформления документов. Некоторые распоряжения исполнялись с отступлением от установленных правил. Необходимо определить, кто несёт ответственность за подобные действия.

Он сделал паузу.

— В частности, возникает вопрос о служащих, которые ссылались на указания руководства.

Воронцов слушал молча.

Первые выступления были обычными.

Один сотрудник говорил о дисциплине.

Другой — о необходимости проверять полномочия лиц, отдающих распоряжения.

Третий утверждал, что служащий обязан выполнять поручение начальника, поскольку иначе государственный аппарат утратит управляемость.

Затем Грановский обратился к профессору.

— Александр Николаевич, в вашем заключении имеется положение о том, что исполнение приказа не всегда освобождает от ответственности.

— Имеется.

— Вы подтверждаете его?

— Подтверждаю.

— Даже если распоряжение поступило от вышестоящего органа?

— Необходимо знать обстоятельства.

— Предположим, распоряжение оказалось незаконным.

— Тогда прежде всего следует установить, кто его отдал, кто оформил и каким образом оно было исполнено.

Грановский кивнул.

— Но исполнитель тоже может отвечать?

— Может.

— Благодарю.

Он повернулся к секретарю.

— Прошу занести в протокол: профессор Воронцов подтвердил возможность привлечения исполнителей к ответственности за исполнение незаконных распоряжений.

— Одну минуту, — сказал профессор.

Секретарь остановился.

— Формулировка неполная.

Грановский посмотрел на него.

— В чём именно?

— Она не отражает условий, при которых возникает ответственность.

— Мы уточним их позднее.

— Тогда и мой вывод следует записать позднее.

Собеседники обменялись взглядами, но никто не возразил.

Грановский медленно положил карандаш.

— Александр Николаевич, вы оспариваете собственное заключение?

— Нет. Я возражаю против его сокращения.

— Разница невелика.

— В данном случае она определяет, кого вы собираетесь признать виновным.

Левицкая подняла глаза от бумаг.

Грановский несколько секунд смотрел на профессора.

— Хорошо. Изложите вашу позицию полностью.

Воронцов повернулся к секретарю.

— Запишите, пожалуйста. Ответственность исполнителя должна определяться с учётом содержания распоряжения, характера допущенного нарушения, служебных обязанностей лица и фактической возможности установить неправомерность предписанных действий. При этом ответственность исполнителя не устраняет необходимости проверки действий лица, отдавшего распоряжение.

Секретарь быстро записывал.

— Последнее предложение повторите.

Воронцов повторил.

Грановский откинулся на спинку кресла.

— Вы предлагаете привлекать к ответственности руководителей?

— Я предлагаю не исключать их из числа лиц, действия которых подлежат проверке.

— Даже если руководитель действовал в интересах государства?

— Интерес государства не определяется одним лишь утверждением руководителя о том, что он действовал в этих интересах.

На лице Грановского появилась улыбка.

— Вы снова возвращаетесь к старому спору.

— Возможно. Но вопрос сегодня поставили вы.

После перерыва участникам раздали материалы конкретного дела.

Фамилии были заменены инициалами.

Речь шла о сотруднике канцелярии, который внёс в служебный журнал сведения о распоряжении, фактически составленном позднее указанной даты.

Сотрудник утверждал, что действовал по указанию начальника.

Начальник отрицал, что давал такое поручение.

Подлинник распоряжения отсутствовал.

Сохранилась только копия.

Воронцов прочитал описание.

Затем перевернул страницу.

Номер регистрационной записи был знаком.

Он открыл свою записную книжку.

Сравнил цифры.

Совпали.

Это было дело о распоряжении, которым в сентябре 1921 года изменили личность Николая Крестова.

Профессор медленно поднял голову.

Грановский наблюдал за ним.

— Что-нибудь неясно, Александр Николаевич?

— Напротив. Некоторые обстоятельства стали понятнее.

— Прекрасно.

— Почему участникам совещания не сообщили, что речь идёт о деле, в котором я уже давал заключение?

Грановский развёл руками.

— Мы рассматриваем общий вопрос.

— Тогда зачем приложили конкретные материалы?

— Для наглядности.

— В таком случае наглядность получилась избирательной.

Профессор поднял лист.

— Здесь сказано, что служащий внёс запись задним числом. Но не указано, по чьему распоряжению составлялся сам документ. Не приведены сведения о полномочиях лица, подпись которого воспроизведена на копии. И совершенно отсутствует объяснение, почему потребовалось объявить живого гражданина умершим.

Один из сотрудников удивлённо поднял голову.

— О каком гражданине вы говорите?

Грановский одёрнул его:

— Александр Николаевич, прошу не выходить за пределы рассматриваемого вопроса.

— Я нахожусь точно в его пределах.

— Мы не обсуждаем обстоятельства специальной операции.

— Но вы предлагаете определить ответственность за оформление её документов.

Грановский посмотрел на секретаря.

— Сделаем перерыв.

— Прежде чем объявить перерыв, — сказал Воронцов, — прошу внести в протокол, что представленные материалы не позволяют установить распределение ответственности между составителем распоряжения, лицом, отдавшим указание, и служащим, внёсшим регистрационную запись.

Грановский сжал губы.

— Ваше замечание будет отражено.

— Дословно.

— Хорошо. Дословно.

В коридоре Левицкая догнала профессора.

— Александр Николаевич, вы узнали дело?

— Узнал.

— Я боялась, что узнаете.

Он осёкся.

— Софья Ильинична, кто подготовил материалы?

— Грановский.

— А кто распорядился провести совещание?

Она посмотрела по сторонам.

— Формально — его учреждение.

— А фактически?

— Не знаю.

Профессор выдержал паузу.

— Вы ведь понимаете, что происходит?

— Думаю, да.

— Они пытаются возложить ответственность за подложное распоряжение на служащего канцелярии.

Левицкая молча согласилась.

— Если это удастся, вопрос о том, кто приказал изменить документы Крестова, можно будет считать закрытым.

— А самого Крестова?

— Его положение останется прежним.

У Воронцова возникло нехорошее предчувствие.

— Он жив?

— По последним сведениям — да.

— Где находится?

— Этого мне не сообщили.

Воронцов остановился у окна.

На улице рабочие разгружали ящики с бумагой. Один из них уронил пачку, и листы рассыпались по мокрой мостовой.

— Софья Ильинична, — сказал профессор, — кто этот служащий?

Она не ответила.

— Тот, которого предлагают признать виновным.

Левицкая опустила взгляд.

— Его фамилия Зорин.

— Имя?

— Андрей Фёдорович.

— Андрей Фёдорович жив?

— Жив.

— На свободе?

— Пока.

Воронцов повернулся.

— Почему «пока»?

— Потому что заключение сегодняшнего совещания может стать основанием для дальнейших действий.

— Тогда мне необходимо поговорить с ним.

Левицкая ответила движением головы.

— Не думаю, что вам позволят.

— Я не спрашивал, позволят ли.

— Александр Николаевич, вы не можете бесконечно вмешиваться в каждое дело.

— В каждое — нет. Но в этом я уже участвую.

Она посмотрела на него с усталостью.

— Иногда мне кажется, что вы специально выбираете самые опасные вопросы.

— Нет. Я выбираю те, на которые мне предлагают отвечать.

После совещания профессор не вернулся домой.

Он отправился в старое здание одного из московских учреждений, где, согласно материалам дела, работал Андрей Зорин.

В канцелярии ему сообщили, что Зорин уволен.

— Когда его уволили?

— На прошлой неделе.

— За что именно?

— За нарушение служебной дисциплины.

— Можно ознакомиться с приказом?

Сотрудница за столом посмотрела на удостоверение профессора.

— У вас есть разрешение?

— Нет, разрешения у меня нет.

— Тогда не могу.

Воронцов убрал удостоверение.

— А личный адрес Зорина вы сообщить можете?

— Нет, личный адрес я сообщить не могу.

Он уже собирался уходить, когда женщина тихо произнесла:

— Александр Николаевич.

Профессор прервал шаг.

— Да?

Она посмотрела на дверь.

— Зорин приходил вчера.

— Что ему понадобилось?

— Просил выдать копию приказа об увольнении.

— Выдали?

— Нет. Сказали, что документ ещё не оформлен окончательно.

— Но вы только что сообщили, что он уволен.

Женщина покраснела.

— Я говорю то, что мне велено.

Воронцов некоторое время смотрел на неё.

— Понимаю. А вы знаете, где он живёт?

Она взяла лист бумаги.

Быстро написала адрес.

— Я ничего вам не сообщала.

Профессор сложил лист.

— Разумеется.

Андрей Фёдорович Зорин жил в комнате на окраине Москвы.

Ему было около сорока пяти лет. Невысокий, с редкими волосами и аккуратной бородкой, он производил впечатление человека, привыкшего выполнять поручения без лишних вопросов.

Когда Воронцов представился, Зорин побледнел.

— Вы из комиссии?

— Нет. Я профессор права.

— Тогда что вам здесь нужно?

— Хочу выяснить обстоятельства распоряжения, оформленного в сентябре 1921 года.

Зорин несколько секунд молчал.

Потом отступил от двери.

— Входите.

Комната была тесной.

У стены стояла железная кровать. На столе лежали бухгалтерские книги, пачка квитанций и детская деревянная игрушка.

Из-за занавески выглянула девочка лет семи.

— Папа, кто пришёл?

— Иди к маме, Таня.

Девочка исчезла.

Зорин предложил профессору стул.

— Я уже всё объяснял.

— Кому вы уже объясняли?

— Следователю. Начальству. Теперь ещё комиссии.

— Мне ничего объяснять не нужно, если вы не хотите.

Зорин удивился.

— Тогда зачем вы здесь?

— Потому что сегодня обсуждали вопрос о вашей ответственности. И я обнаружил, что в материалах отсутствуют важные обстоятельства.

Зорин опустился на кровать.

— Какие вопросы у вас остались?

— Кто приказал внести запись задним числом?

На его лице мелькнула усмешка.

— Я это уже говорил.

— Кому?

— Всем.

— И что отвечали?

— Что начальник такого распоряжения не давал.

— А давал?

Зорин посмотрел на дверь.

— Да.

— Вы слышали приказ лично?

— Нет, лично приказа я не слышал.

Лицо Воронцова помрачнело.

— Тогда откуда знаете?

— Мне передали бумагу с резолюцией.

— Кто передал?

— Заведующий канцелярией.

— Как фамилия заведующего?

Зорин замолчал.

— Андрей Фёдорович, — сказал профессор, — я не следователь. Но если вы утверждаете, что действовали по распоряжению, необходимо установить, существовало ли оно.

Зорин встал.

Подошёл к шкафу.

Достал коробку из-под обуви.

Внутри лежали старые служебные бумаги, квитанции и несколько конвертов.

Он вынул небольшой лист.

— Вот.

Воронцов взял его.

Это была записка, написанная карандашом.

«Зорину. Зарегистрировать распоряжение № 41/О числом 16 сентября. Основание — указание заведующего. Исполнить без задержки».

Подпись отсутствовала.

Но в верхнем углу стоял штамп канцелярии.

Профессор внимательно изучил лист.

— Откуда он у вас?

— Мне передали вместе с распоряжением.

— Почему сохранили?

Зорин посмотрел на него.

— Потому что дата была неправильная.

— Вы это понимали?

— Конечно. Документ принесли позже.

— Когда принесли?

— В октябре.

— Вы возражали?

— Сказал заведующему, что нельзя регистрировать октябрьскую бумагу сентябрём.

— Что он ответил?

Зорин усмехнулся без веселья.

— Спросил, давно ли я работаю в канцелярии.

— Что вы ответили?

— Я сказал, что с девятнадцатого года.

— А он?

— Ответил, что за шесть лет пора научиться исполнять поручения.

Воронцов положил записку на стол.

— Вы сделали запись?

— Сделал.

— Понимали, что она не соответствует действительной дате?

— Понимал.

Профессор помолчал.

Это было важное признание.

Зорин действительно совершил действие, которое не могло считаться правильным только потому, что ему приказали.

Но теперь следовало выяснить, почему именно его пытались сделать единственным виновным.

— Андрей Фёдорович, вы знали, что распоряжение касается изменения личности гражданина?

— Нет.

— Совсем?

— В документе было указано только, что требуется оформить перевод сотрудника на особое положение. Фамилия стояла сокращённо.

— Вы видели подпись?

— Подпись видел.

— Знали, что указанное лицо уже не занимало должность?

— Нет. Я работал в другой канцелярии. О переводах начальства меня не уведомляли.

— Когда узнали?

— Недавно. На допросе.

Профессор ещё раз прочёл записку.

— Вы передавали её следователю?

Зорин покачал головой.

— Нет.

— Почему вы так решили?

— Потому что он спрашивал только, признаю ли я, что внёс запись задним числом.

— А вы?

— Признал.

— И всё?

Зорин сжал руки.

— Он сказал, что остальные обстоятельства значения не имеют.

Профессор внимательно посмотрел на него.

— Имеют.

Зорин поднял голову.

— Вы можете это доказать?

— Я могу изложить, почему их необходимо проверить.

— А это поможет?

Воронцов не стал обещать.

— Не знаю.

Из-за занавески донёсся детский кашель.

Зорин обернулся.

— У меня жена и двое детей, Александр Николаевич. Я не пытаюсь сделать вид, что поступил правильно. Но я не придумывал этот документ. Не решал, кого объявлять умершим. Мне принесли бумагу и приказали поставить запись.

Профессор слушал, не перебивая.

— Я виноват, что согласился, — продолжил Зорин. — Но ведь не один я виноват?

Воронцов признал, что вина не ограничивалась одним Зориным.

— Именно это и требуется установить.

На следующий день профессор подготовил отдельное заключение.

В отличие от прежних документов, оно касалось не только права.

Он подробно изложил фактические обстоятельства, которые необходимо было проверить.

Существование записки с указанием зарегистрировать распоряжение задним числом.

Дату фактического поступления документа.

Полномочия лица, указанного в качестве подписавшего.

Содержание сведений, доступных Зорину в момент исполнения.

Роль заведующего канцелярией.

И наконец — происхождение самого распоряжения о смене личности Крестова.

Воронцов сознательно не предлагал освободить Зорина от всякой ответственности.

Тот признавал, что внёс заведомо неправильную дату.

Профессор не собирался отрицать этот факт.

Но и признать Зорина единственным виновным он не мог.

В заключении говорилось:

«Установление нарушения со стороны исполнителя не исключает необходимости проверки действий лиц, подготовивших распоряжение, определивших порядок его оформления и потребовавших внесения недостоверных сведений. Ограничение проверки действиями одного служащего при наличии указаний на участие других лиц не позволяет дать полную правовую оценку происшедшему».

Воронцов поставил подпись.

Затем приложил копию записки, полученной от Зорина.

Подлинник оставил у самого служащего, посоветовав хранить его отдельно от прочих бумаг.

После этого отправился к Ордынцеву.

Ордынцев принял его не сразу.

Профессору пришлось ждать почти час.

Наконец дверь открылась.

— Александр Николаевич, проходите.

На столе лежали несколько папок.

Ордынцев выглядел усталым.

— Мне сообщили о вашем вчерашнем визите к Зорину.

— Быстро сообщили.

— Вы ведь не думали, что это останется незамеченным?

— Надеялся, что заметят содержание моего заключения.

Ордынцев протянул руку.

— Покажите.

Он читал внимательно.

На середине документа остановился.

— Вы подтверждаете, что Зорин сознательно внёс неправильную дату?

— Подтверждаю.

— Тогда в чём разногласие?

— В том, что его предлагают сделать единственным виновным.

Ордынцев перелистнул страницу.

— А вы считаете, что виновны другие?

— Я считаю, что их действия не проверены.

— Назовите конкретно.

— Заведующий канцелярией, передавший распоряжение. Лицо, поручившее оформить его задним числом. Составитель документа. И тот, кто распорядился изменить сведения о личности Крестова.

Ордынцев задержал взгляд на профессоре.

— Последний вопрос выходит далеко за пределы дела Зорина.

— Именно поэтому его и пытаются исключить.

— Вы обвиняете Грановского?

— Я указываю на неполноту материалов, подготовленных под его руководством.

Ордынцев убрал документы в папку.

— Александр Николаевич, вы понимаете, что дело может затронуть несколько учреждений?

— Понимаю.

— И людей, которые сейчас занимают ответственные должности?

— И это тоже.

— И что проверка документов четырёхлетней давности способна вызвать серьёзные последствия?

— Поэтому она должна быть тщательной.

Ордынцев не сразу ответил.

Ордынцев задал встречный вопрос:

— А если выяснится, что распоряжение действительно было дано по государственной необходимости?

Профессор повернул к нему голову.

— Тогда следует установить, кем, на каком основании и в каких пределах.

— Вы всё сводите к полномочиям.

— Потому что без них государственная необходимость превращается в личное усмотрение.

Ордынцев вздохнул.

— Вы знаете, что Грановский предлагает?

— Нет.

— Закончить проверку на Зорине. Признать нарушение порядка регистрации, применить к нему соответствующие меры и закрыть вопрос.

— А Крестов?

— Отдельное дело.

— А подложная подпись?

— Отдельный вопрос.

— А приказ об изменении личности?

— Тоже отдельный.

Воронцов медленно покачал головой.

— Виктор Сергеевич, это не четыре отдельных вопроса. Это последовательные действия, связанные одним документом.

Ордынцев встал и подошёл к окну.

— Иногда удобнее разделить вопросы.

— Для кого?

— Для учреждения.

— Но не для установления обстоятельств.

Ордынцев обернулся.

— Вы предлагаете начать проверку всей цепочки?

— Предлагаю проверить всю цепочку.

— И готовы подписать такое предложение?

— Уже подписал.

Профессор указал на последнюю страницу.

Ордынцев посмотрел на неё.

Потом неожиданно спросил:

— А если проверка установит, что вы сами допустили ошибку в одном из прежних заключений?

Воронцов ответил без колебаний:

— Тогда её следует исправить.

— Даже если это поставит под сомнение ваши предыдущие выводы?

— Именно для этого и существует проверка.

Ордынцев долго молчал.

Наконец вернулся к столу.

— Хорошо. Я распоряжусь не завершать дело Зорина до изучения дополнительных материалов.

Воронцов почувствовал облегчение.

— Благодарю.

— Но у меня будет условие.

— Какое именно условие?

— Вы больше не станете самостоятельно разыскивать участников этого дела.

Лицо профессора стало суровее.

— Что изменилось?

— Потому что ваши действия уже привлекли слишком много внимания.

— Чьего?

— Не заставляйте меня повторять очевидное.

— Виктор Сергеевич…

— Александр Николаевич, — перебил Ордынцев, — я сейчас пытаюсь добиться того, чтобы документы проверили, а не спрятали окончательно. Если вы будете ходить по квартирам

и собирать свидетельства, некоторые решат, что вы ведёте собственное расследование против государственных органов.

— Я выясняю обстоятельства, необходимые для заключения.

— Я понимаю. Но не все захотят понимать.

Профессор обдумал возражение собеседника.

— Вы предлагаете прекратить всякую работу?

— Нет. Передайте материалы официально. Сохраните копии. И дайте нам время.

Воронцов повернулся к собеседнику.

— Сколько?

— Две недели.

— После этого?

— Я сообщу результат.

Профессор медленно кивнул.

— Жду вашего сообщения.

Он не был уверен, что поступает правильно.

Но понимал: продолжая действовать в одиночку, он мог поставить под угрозу не только себя, но и Зорина, Левицкую, Семёнова и Екатерину.

Вечером Воронцов получил неожиданного посетителя.

Это был Рогов.

Он вошёл без обычной уверенности, снял пальто и долго стоял посреди кабинета.

— Михаил Аркадьевич, — сказал профессор, — я уже начал думать, что вы исчезли окончательно.

— Не окончательно.

— Чай?

— Нет, благодарю.

Рогов сел.

Некоторое время молчал.

Потом произнёс:

— Вы были у Зорина.

— Был.

— И у Ордынцева.

— И к Ордынцеву заходил.

— Вы не представляете, насколько опасную историю затронули.

Профессор внимательно посмотрел на собеседника.

— Вы говорили это и раньше.

— Раньше я не знал всего.

— А теперь знаете?

Рогов выдержал паузу.

— Больше, чем хотел бы.

Профессор подался вперёд.

— Тогда расскажите.

Рогов бросил взгляд на дверь.

— Крестов в двадцать первом году работал не только под чужим именем.

Воронцов поднял голову от бумаг.

— Что вы имеете в виду?

— Он участвовал в подготовке материалов по одному старому делу. Там были документы, которые не должны были попасть в обычное делопроизводство.

— Какие это были документы?

— Сведения о распоряжениях, отданных в годы Гражданской войны.

— Кто отдавал эти распоряжения?

Рогов отрицательно качнул головой.

— Я не могу назвать фамилии.

— Зачем же вы пришли, если не можете назвать имён?

— Предупредить.

Воронцов устало откинулся в кресле.

— Михаил Аркадьевич, меня предупреждают уже почти год. Но всякий раз оказывается, что предупреждение не содержит главного.

Рогов повернулся к нему.

— Главное состоит в том, что Крестова объявили умершим не только для того, чтобы скрыть его дальнейшую работу.

Профессор не перебивал.

— Его смерть позволяла исключить из официального учёта человека, который знал происхождение определённых документов.

— То есть его хотели скрыть от возможных проверок?

— Именно от проверок.

— Но он продолжал работать.

— Под другим именем.

— И затем обнаружил документы, противоречащие материалам следствия.

Рогов подтвердил кивком.

— Противоречия оказались существенными.

Воронцов некоторое время размышлял.

— Получается, Крестов оказался опасен дважды.

— В каком смысле?

— Сначала потому, что знал происхождение старых документов. Затем потому, что начал проверять новые.

Рогов посмотрел на профессора с усталой печалью.

— Вы очень быстро понимаете то, чего лучше бы не понимать.

— Михаил Аркадьевич, кто распорядился объявить его умершим?

Рогов опустил глаза.

— Я не знаю точно.

— Но предполагаете?

— Да.

— И?

— Если назову фамилию, вы захотите проверить.

— Разумеется.

— А я пришёл не для того, чтобы отправить вас на смерть.

Воронцов долго смотрел на него.

— Значит, вы предлагаете оставить всё как есть?

— Я предлагаю сохранить людей, которых ещё можно сохранить.

— Кого именно?

— Зорина. Семёнова. Вашу дочь.

При упоминании Екатерины профессор выпрямился.

— Что с ней?

— Пока ничего.

— Что значит «пока»?

Рогов задумался.

— Грановский хотел получить её объяснения по материалам Морозова. Ордынцев распорядился не предпринимать никаких действий без дополнительного согласования.

Воронцов почувствовал, как напряжение немного ослабло.

— Значит, Виктор Сергеевич вмешался?

— Вмешался.

— Что заставило его вмешаться?

— Потому что не считает допустимым использовать родственников консультанта для воздействия на его работу.

Профессор посмотрел на Рогова.

— Вы действительно можете это гарантировать?

— В данном случае — да.

Рогов встал, давая понять, что беседа подходит к концу.

— Александр Николаевич, вы можете продолжать писать заключения. Можете добиваться проверки документов. Но не пытайтесь в одиночку выяснить всё, что произошло в двадцать первом году.

— Чем опасна такая проверка?

Рогов остановился у двери.

— Потому что тогда придётся проверять не только распоряжение о Крестове.

— А что ещё?

Рогов долго молчал.

Потом ответил:

— То, как вообще оформлялись некоторые решения того времени.

И вышел.

После его ухода Воронцов долго сидел за столом.

Теперь дело Крестова выглядело иначе.

Он начинал с вопроса о личности человека.

Потом обнаружил подложные документы.

Затем выяснил, что ответственность за их оформление пытаются возложить на одного служащего.

А теперь оказалось, что само распоряжение могло быть частью более широкой истории, связанной с документами времён Гражданской войны.

Профессор достал тетрадь.

Он отметил:

«Сентябрь 1925 года. Дело Зорина показывает опасность искусственного ограничения проверки действиями одного исполнителя. Установленное нарушение не должно использоваться для освобождения от проверки лиц, определивших содержание распоряжения».

Он отложил перо.

Потом добавил:

«Необходимо различать ответственность за собственное действие и ответственность за решение, которое это действие вызвало. Первая не заменяет вторую».

Воронцов перечитал запись.

И впервые за долгое время почувствовал, что сформулировал не только юридическое положение, но и ответ на вопрос, который мучил его с начала работы.

Государственный аппарат состоял из людей, каждый из которых выполнял определённую часть общего решения.

Один составлял проект.

Другой согласовывал.

Третий подписывал.

Четвёртый регистрировал.

Пятый исполнял.

И если результат оказывался незаконным, каждый мог указать на другого.

Но это не означало, что ответственность исчезала.

Она лишь распределялась между действиями, которые необходимо было установить.

Профессор сомкнул обложки тетради.

На столе лежало письмо Екатерины.

Он взял его и перечитал.

Затем достал чистый лист.

Написал дочери:

«Катя, я получил твоё письмо. Рад, что ты в порядке. Пока не приезжай в Москву без необходимости. По делу Морозова предпринимаются меры, но окончательного результата ещё нет.

Ты спрашивала, почему я продолжаю эту работу. Сегодня я, кажется, понял ответ немного лучше.

Когда решение причиняет вред, недостаточно найти одного человека, который поставил последнюю подпись. Нужно выяснить, кто принял решение, кто придал ему форму и кто мог предотвратить последствия.

Это трудно. Иногда почти невозможно. Но иначе мы будем бесконечно наказывать тех, кто оказался ближе всего к бумаге, и оставлять без ответа вопрос о тех, кто её написал».

Он отложил перо, перечитал написанное.

Потом дописал:

«Береги себя. Я очень тебя люблю».

Через двенадцать дней Ордынцев выполнил обещание.

Воронцов получил официальное уведомление.

Проверка действий Зорина продолжалась.

Материалы о происхождении распоряжения № 41/О выделили для дополнительного изучения.

Вопрос о привлечении Зорина к ответственности до завершения проверки не решался.

Профессор прочитал уведомление с осторожным удовлетворением.

Это ещё не означало, что истина будет установлена.

Но по крайней мере дело не закрыли на первом удобном виновном.

Он положил документ в папку.

Затем заметил приложенный лист.

На нём стояла короткая служебная отметка:

«При дополнительной проверке установлено, что распоряжение № 41/О связано с материалами, ранее изъятыми из обычного делопроизводства. Дальнейшее рассмотрение поручено специальной комиссии».

Ниже была дата.

И подпись председателя комиссии.

Воронцов внимательно прочитал фамилию.

Б. Л. Грановский.

Профессор не спеша отложил лист.

Он добился проверки всей цепочки документов.

Но возглавить её поручили человеку, который ещё недавно предлагал ограничить ответственность одним Зориным.

Воронцов взял телефонную трубку.

Попросил соединить с Ордынцевым.

Когда тот ответил, профессор произнёс:

— Виктор Сергеевич, благодарю за уведомление. У меня один вопрос.

— Я вас слушаю, Александр Николаевич.

— Почему проверку происхождения распоряжения поручили Грановскому?

На другом конце провода наступила пауза.

Затем Ордынцев ответил:

— Потому что именно его учреждение располагает необходимыми материалами.

— Но он уже высказывал позицию по этому делу.

— Мне известно, что он уже участвовал в этом деле.

— И вы не считаете это препятствием?

Ордынцев дал собеседнику время обдумать сказанное.

— Александр Николаевич, я добился того, чтобы проверка вообще состоялась.

— Я ценю, что вам удалось добиться проверки.

— Теперь нам придётся следить за тем, как она будет проведена.

Профессор посмотрел на лежавшее перед ним уведомление.

— Кто будет следить?

— В том числе вы.

Воронцов медленно выпрямился.

— Какую роль мне отвели?

— Независимого юридического консультанта комиссии.

— Грановский согласился?

Ордынцев ответил не сразу.

— Его согласия не спрашивали.

Профессор посмотрел на окно.

За стеклом ветер гнал по двору жёлтые листья.

— Когда первое заседание?

— В понедельник.

— Какие материалы мне предоставят?

— Все, которые комиссия сочтёт относящимися к вопросу.

— Этого недостаточно.

Ордынцев устало вздохнул.

— Александр Николаевич…

— Мне необходим перечень всех материалов, включая те, доступ к которым будет ограничен. Иначе невозможно установить, что именно осталось за пределами проверки.

На другом конце провода послышался короткий смешок.

— Я так и знал, что вы начнёте с этого.

— С чего же ещё?

— Хорошо. Подготовьте письменное требование.

— Подготовлю сегодня.

Воронцов опустил трубку на рычаг.

Он ещё не знал, что в перечне материалов комиссии обнаружится документ, составленный за несколько месяцев до официального появления распоряжения № 41/О.

И что в этом документе будет стоять фамилия человека, которого профессор считал погибшим в годы Гражданской войны.

Человека, чья подпись когда-то встречалась ему в бумагах сенатора Белозерского.

Глава 3. Старое дело

Москва. Октябрь 1925 года.

В первый день работы комиссии Воронцов обнаружил, что в описи отсутствует один документ.

Это не было случайной ошибкой переписчика. Между листами сорок восьмым и пятидесятым стояла аккуратная запись: «Материал изъят по распоряжению председателя комиссии». Ни даты изъятия, ни номера распоряжения не указывалось.

Профессор отложил опись.

— Прошу предоставить документ, значившийся под номером сорок девять.

Секретарь комиссии, молодой человек в круглых очках, посмотрел на Грановского.

— Этот материал не относится к предмету проверки, — ответил председатель.

— Тогда почему он включён в первоначальную опись?

— Потому что опись составляли до определения предмета проверки.

— Кто определил предмет?

— Комиссия.

— Мы ещё не начали заседание.

Грановский медленно снял очки.

— Александр Николаевич, вы намерены оспаривать каждое организационное решение?

— Только те, которые принимаются от имени комиссии до того, как она успела собраться.

За столом сидели ещё четверо: представитель архивного управления, сотрудник юридического отдела, делопроизводитель и приглашённый специалист по служебным документам. Никто не вмешивался.

Грановский некоторое время изучал профессора.

— Хорошо. Секретарь, отметьте требование консультанта. Вопрос о доступе рассмотрим отдельно.

— Прошу также записать, что до разрешения этого вопроса я не могу подтвердить полноту представленных материалов.

Секретарь заскрипел пером.

Грановский ответил улыбкой.

— Вы превращаете заседание в урок делопроизводства.

— В данном деле именно с делопроизводства всё и началось.

Документ под номером сорок девять предоставили после обеда.

Он оказался не приказом, не протоколом и даже не служебной запиской. Это была машинописная справка на трёх страницах, датированная апрелем 1921 года.

Справка касалась группы бывших чиновников, которые во время Гражданской войны выполняли поручения различных учреждений. Некоторые переходили из одного ведомства в другое, часть работала под условными фамилиями, а сведения об их деятельности хранились раздельно.

Воронцов читал медленно.

На второй странице упоминался Николай Крестов. Его характеризовали как человека, знакомого с прежним порядком ведения секретной переписки и способного восстановить происхождение отдельных документов.

На третьей странице находилась резолюция:

«Сохранить возможность использования Н. П. Крестова для проверки архивных сведений. Открытое оформление его участия признать нежелательным».

Подпись была неразборчивой.

Но ниже, в графе «Согласовано», стояла фамилия, которую Воронцов не видел почти восемь лет.

Алексей Сергеевич Вяземский.

Профессор перестал читать.

Вяземский служил в канцелярии сенатора Белозерского. В 1916 году он помогал разбирать материалы о военных поставках — те самые, при рассмотрении которых Воронцов однажды промолчал, хотя заметил несоответствие в документах.

Летом 1918 года до профессора дошло известие, что Вяземский погиб во время вооружённого столкновения на юге России.

Никакого официального подтверждения он не видел.

Тогда это казалось обычным для тех лет обстоятельством. Люди исчезали, уезжали, меняли имена, и известия о смерти нередко приходили через третьи руки.

Но в апреле 1921 года человек, считавшийся погибшим, согласовывал секретную справку.

— Александр Николаевич? — окликнул Грановский.

Профессор выпрямился и взглянул на собеседника.

— Вы знакомы с этой фамилией?

— Знаком.

— Откуда?

— По прежней службе.

— Это имеет отношение к проверке?

Воронцов развернул документ к свету.

— Связь ещё предстоит установить.

Он не собирался сообщать больше, чем мог подтвердить.

Вечером профессор отправился в архив, где хранились уцелевшие материалы канцелярии Белозерского.

Здание было холодным, плохо освещённым. В читальном помещении пахло пылью и влажной бумагой.

Архивистка, женщина с усталым лицом, выслушала просьбу.

— Документы за шестнадцатый год сохранились не полностью.

— Меня интересует переписка по делу о военных поставках.

Она внимательно посмотрела на него.

— Вы уже запрашивали эти материалы?

— Очень давно.

— Тогда вам придётся оформить новое требование.

Воронцов заполнил бланк.

Через сорок минут ему принесли две папки.

В первой находились копии договоров, ведомости и служебные письма.

Во второй — материалы внутренней проверки.

Профессор узнал собственный почерк на полях одного из документов.

«Уточнить дату получения товара».

Рядом стояла помета Вяземского:

«По указанию руководства вопрос снят».

Воронцов долго смотрел на эту строку.

В 1916 году он не придал ей должного значения.

Теперь понимал, что Вяземский мог знать, кто распорядился прекратить проверку.

На последнем листе папки обнаружилось письмо, адресованное сенатору Белозерскому.

Оно было написано Вяземским за несколько дней до увольнения.

«Считаю необходимым сообщить, что представленные сведения о фактическом исполнении поставок не соответствуют первоначальным регистрационным записям. Прошу разрешить приобщить подлинные журналы к материалам проверки».

Внизу находилась короткая резолюция Белозерского:

«Журналы истребовать. Доклад представить лично».

Брови профессора сошлись.

Он помнил окончание дела.

Помнил обвинённого служащего.

Помнил собственное молчание.

Но не помнил, чтобы ему показывали эти журналы.

Он попросил архивистку найти приложения.

Та вернулась через несколько минут.

— В описи указаны три журнала, но в фонде их нет.

— Куда переданы?

— Отметки отсутствуют.

Профессор отложил папку.

Впервые у него возникло подозрение, что старое дело не просто закончилось ошибочным обвинением.

Возможно, кто-то сознательно убрал документы, способные установить действительных участников злоупотреблений.

И Вяземский мог попытаться сохранить их.

На следующий день профессор разыскал бывшего сотрудника сенатской канцелярии Николая Григорьевича Оболенского.

Тот жил в коммунальной квартире на Арбате, занимая комнату с высоким потолком и печью, которую давно следовало переложить.

Оболенский встретил гостя настороженно.

— Александр Николаевич? Не ожидал.

— Простите за внезапный визит.

— Ничего. Проходите. Только не удивляйтесь обстановке. От прежнего кабинета у меня остались стол и привычка складывать бумаги по порядку.

Воронцов сел.

— Я пришёл спросить о Вяземском.

Оболенский перестал улыбаться.

— Алексее Сергеевиче?

— Да.

— Почему вы вспомнили о нём?

— Мне встретилась его фамилия в документах двадцать первого года.

Оболенский долго молчал.

— Значит, всё-таки выжил.

— Вы тоже считали его погибшим?

— Мне так сказали.

— Кто вам сказал?

— Сам Вяземский.

Воронцов не ожидал такого ответа.

— Как он дал о себе знать?

Оболенский подошёл к шкафу и достал старый конверт.

— В девятнадцатом году я получил от него письмо. Без обратного адреса. Он просил никому не сообщать, что жив.

— Зачем ему понадобилось скрываться?

— Писал, что его имя связано с бумагами, из-за которых уже пострадали люди.

Воронцов протянул руку.

— Можно прочитать?

Оболенский помедлил, затем передал письмо.

Почерк был знакомый: мелкий, с длинными нижними выносными элементами.

«Николай Григорьевич, если кто-либо станет спрашивать обо мне, прошу повторять прежнее известие. Дело не в моём удобстве. Некоторые документы оказались у людей, которые готовы приписать их составление тем, кто никогда их не видел. Я пытаюсь установить происхождение подлинников. Не ищите меня».

Дата — ноябрь 1919 года.

Воронцов перечитал письмо.

— Вы никому не рассказывали?

— Нет.

— Даже Белозерскому?

Оболенский отрицательно качнул головой.

— К тому времени мы потеряли связь.

Профессор положил письмо.

— Вяземский упоминал регистрационные журналы по делу о поставках?

Оболенский поднял глаза.

— Так вы из-за них пришли?

— Возможно.

— Тогда вам следует знать одну вещь.

Он придвинул стул.

— Алексей Сергеевич не верил, что журналы уничтожены. Он считал, что их изъяли ещё до окончательного рассмотрения дела.

— Кто изъял журналы?

— Не говорил. Но однажды назвал фамилию человека, который распорядился подготовить новые выписки вместо подлинников.

— Какую?

Оболенский ответил движением головы.

— Я не помню.

— Николай Григорьевич…

— Не помню, Александр Николаевич. Прошло девять лет. Тогда я не представлял, что это понадобится.

Профессор не стал настаивать.

Оболенский долго смотрел на него.

— Вы ведь снова занимаетесь государственными бумагами?

— Снова занимаюсь.

— Тогда позвольте совет. Не ищите в них только подписи. Смотрите, кому документ был выгоден и кто получил возможность убрать предыдущий.

Профессор подтвердил это кивком.

Этому правилу он уже начинал учиться.

Вернувшись домой, профессор разложил на столе выписки.

Апрель 1921 года: Вяземский согласовывает использование Крестова для архивной проверки.

Сентябрь 1921 года: Крестова объявляют умершим и оформляют его перевод под чужим именем.

Октябрь 1921 года: Зорин по чужому указанию вносит регистрационную запись задним числом.

1924 год: Крестов обнаруживает противоречия в материалах, которые ему поручено проверять.

1925 год: ответственность за подложное оформление пытаются возложить на Зорина.

Воронцов провёл между датами тонкие карандашные линии.

Получалась последовательность.

Но последовательность ещё не доказывала общего замысла.

Он не знал, существовала ли связь между старыми военными поставками и документами Крестова. Не знал, почему Вяземский участвовал в работе советского учреждения. И главное — не знал, жив ли тот теперь.

Раздался звонок в дверь.

На пороге стояла Левицкая.

— Александр Николаевич, мне нужно с вами поговорить.

Она вошла, не снимая пальто.

— Сегодня в комиссии обсуждали ваш запрос об архивных материалах.

— Без меня?

— Это было служебное совещание.

— Кто был на этом совещании?

— Грановский и два сотрудника.

— И что решили?

— Ограничить ваше участие юридической оценкой уже установленных обстоятельств.

Воронцов усмехнулся.

— То есть мне предлагают оценивать только то, что они сочтут установленным.

— Да.

— Ордынцев знает?

— Пока нет.

Профессор взял телефонную трубку.

Левицкая остановила его.

— Подождите. Это не всё.

Он повернулся к ней.

— Сегодня поступил запрос о документах сенатской канцелярии за шестнадцатый год.

— Кто направил запрос?

— От учреждения Грановского.

— Значит, они знают о Вяземском.

— Вероятно.

— Что именно запрашивали?

Левицкая достала лист.

— Переписку по военным поставкам и личное дело бывшего помощника сенатора Белозерского.

Воронцов медленно опустил трубку.

— Моё?

— Да.

Он вновь обратился к ней.

— Теперь они проверяют не только Крестова.

— Я потому и пришла.

Утром Воронцов явился к Ордынцеву без предварительной записи.

Секретарь пытался объяснить, что Виктор Сергеевич занят, но профессор настоял на передаче короткой записки.

Через пятнадцать минут его пригласили.

Ордынцев выглядел раздражённым.

— Александр Николаевич, у нас был установлен порядок встреч.

— Комиссия намерена ограничить мой доступ к материалам.

— Мне известно.

— Вы согласны?

— Я ещё не принял решения.

— Тогда прошу рассмотреть вопрос сейчас.

Ордынцев жестом предложил сесть.

— Объясните, почему вам необходимы документы 1916 года.

Воронцов достал копию справки 1921 года.

— Потому что лицо, согласовавшее использование Крестова, прежде служило в сенатской канцелярии. Его подпись встречается в материалах старого дела, по которому исчезли регистрационные журналы.

— Вы утверждаете, что дела связаны?

— Нет. Я утверждаю, что это требует проверки.

Ордынцев внимательно прочитал справку.

— Вяземский?

— Да.

— Вы его знали?

— Лично.

— Каким он был?

Профессор обдумал эти слова.

— Аккуратным. Осторожным. Иногда чрезмерно скрытным. Но я никогда не замечал, чтобы он подделывал документы.

— Люди меняются.

— Поэтому я и не предлагаю считать его невиновным без проверки.

Ордынцев положил справку.

— А почему Грановский запросил ваше личное дело?

— Это я хотел спросить у вас.

Ордынцев посмотрел на профессора.

— Возможно, он считает, что ваша прежняя связь с Вяземским влияет на беспристрастность.

— Тогда пусть заявит об этом открыто.

— Вы готовы отказаться от участия в проверке?

Воронцов перебрал в уме услышанное.

— Если будет установлено, что мои личные обстоятельства препятствуют независимой оценке, да. Но не раньше.

Ордынцев неожиданно улыбнулся.

— Вы даже собственное отстранение предлагаете оформить по правилам.

— Особенно его.

Ордынцев взял чистый лист.

— Хорошо. Подготовим распоряжение. Ваш доступ к описи сохраняется. Вопрос о выдаче конкретных материалов решается письменно, с указанием причин отказа. Если вы считаете отказ необоснованным, обращаетесь ко мне.

— И ответ тоже будет письменным?

— Да, Александр Николаевич. Письменным.

Профессор кивнул.

— Благодарю.

Ордынцев задержал его у двери.

— Ещё одно. Не пытайтесь разыскать Вяземского самостоятельно.

Шаг Воронцова стал медленнее.

— Что мешает мне его искать?

— Потому что он уже разыскан.

Профессор медленно повернулся.

— Где его нашли?

Ордынцев посмотрел на закрытую папку.

— В Москве.

— Жив?

— Да.

— Вы с ним разговаривали?

— Нет.

— Кто разговаривал?

— Грановский.

Воронцов почувствовал, как неприятно сжалось горло.

— Когда Грановский с ним говорил?

— Вчера.

— О чём был разговор?

— Содержание разговора вам неизвестно?

Ордынцев открыл дверь.

— Идите домой, Александр Николаевич. Сегодня вы всё равно больше ничего не добьётесь.

Но домой профессор не поехал.

Он отправился к Оболенскому.

Тот открыл дверь почти сразу.

— Александр Николаевич? Опять вы?

— Простите. Мне нужно уточнить одну вещь.

— Что вы хотите уточнить?

— Вяземский когда-нибудь говорил о Николае Крестове?

Оболенский задумался.

— Фамилия знакомая.

— Вспомните.

Старик прошёл к столу.

Сел.

— В двадцатом году я получил ещё одно письмо. Короткое. Там Алексей Сергеевич просил, если появится возможность, узнать о человеке по имени Николай.

— Фамилия?

— Кажется, Крестов.

Воронцов наклонился вперёд.

— Письмо сохранилось?

Оболенский покачал головой.

— Нет. Я сжёг его.

— Зачем вы уничтожили письмо?

— Потому что там было написано: «После прочтения уничтожить».

Профессор невольно усмехнулся.

— Вы всегда были исполнительны.

— Тогда это казалось разумным.

— Что ещё говорилось?

Оболенский закрыл глаза.

— Что Николай знает, где находятся подлинники. И что без него невозможно доказать, кто изменил записи.

Воронцов подался вперёд.

— Какие подлинники?

— Не было сказано.

— Вы точно не слышали, какие именно?

— Да.

Они помолчали.

Затем Оболенский тихо спросил:

— Александр Николаевич, вы нашли Алексея?

— Мне сообщили, что он жив.

Старик долго смотрел на профессора.

— Тогда передайте ему, если увидите, что я выполнил просьбу.

— Какую?

— Не называл его имени.

На следующий день Воронцов получил вызов в комиссию.

Заседание назначили на десять утра.

Он пришёл заранее.

В коридоре стояли двое незнакомых мужчин.

Один держал серую папку.

Другой разговаривал с секретарём.

Когда профессор приблизился, оба замолчали.

Дверь открылась.

Из кабинета вышел Грановский.

— Александр Николаевич, проходите.

Воронцов вошёл.

За столом сидел человек с седыми висками и узким лицом. На нём был тёмный костюм старого покроя, аккуратно заштопанный у локтя.

Человек поднял голову.

Профессор остановил шаг.

— Алексей Сергеевич?

Вяземский медленно встал.

— Здравствуйте, Александр Николаевич.

Голос был прежним.

Только тише.

Профессор подошёл ближе.

— Мне говорили, что вы погибли.

— Мне тоже приходилось это слышать.

Грановский закрыл дверь.

— Господа, прошу садиться. Сегодня мы должны установить обстоятельства подготовки распоряжения № 41/О.

Вяземский не сводил глаз с Воронцова.

Наконец тихо произнёс:

— Прежде чем начнём, я должен сообщить одну вещь.

Грановский свёл брови.

— Вы уже дали объяснения.

— Не все.

Вяземский повернулся к профессору.

— Александр Николаевич, вы помните дело о военных поставках шестнадцатого года?

— Помню.

— Помните служащего, которого признали виновным в изменении регистрационных записей?

Воронцов невольно сжал пальцы.

— Да.

— Он не изменял их.

— Я подозревал это.

— Значит, мои подозрения подтвердились.

Профессор поднял взгляд.

— Откуда?

Вяземский ответил не сразу.

— Потому что тогда вы написали замечание на полях ведомости. А потом его убрали из окончательного заключения.

Воронцов ждал продолжения.

— Я сохранил первоначальный лист, — продолжил Вяземский. — И журналы тоже.

Грановский вмешался:

— Алексей Сергеевич, мы рассматриваем события двадцать первого года.

— Они начались раньше.

Вяземский посмотрел на профессора.

— Человек, который распорядился изменить записи в шестнадцатом году, впоследствии использовал тот же способ оформления документов. Крестов обнаружил это, когда сверял архивы.

— Кто этот человек? — спросил Воронцов.

Вяземский перевёл взгляд на Грановского.

— Я назову его, когда в протокол внесут, что моё объяснение принимается полностью.

Грановский поджал губы.

— Вы ставите условия комиссии?

— Я прошу записать мои слова до того, как они снова исчезнут.

Воронцов присел на ближайший стул.

Впервые за многие годы перед ним находился человек, который мог объяснить, что произошло в старом деле.

Но профессор понимал и другое.

Если Вяземский говорил правду, то его собственное молчание в 1916 году было не просто ошибкой молодого юриста.

Оно стало частью истории, последствия которой продолжали определять судьбы людей девять лет спустя.

Секретарь открыл протокол.

Вяземский дождался, пока тот приготовит перо.

— Записывайте, — сказал он. — Начать следует с того, кто приказал заменить подлинные журналы.

И назвал фамилию.

Воронцов поднял голову.

Он знал этого человека.

Более того, всего несколько дней назад тот лично заверил его, что заинтересован в полной проверке.

Виктор Сергеевич Ордынцев.

В комнате никто не произнёс ни слова.

Грановский смотрел на Вяземского.

Секретарь держал перо над бумагой.

Воронцов первым нарушил молчание.

— Алексей Сергеевич, вы утверждаете, что Ордынцев участвовал в деле 1916 года?

— Я утверждаю, что распоряжение о замене журналов поступило через него.

— Какое отношение Ордынцев тогда имел к военным поставкам?

— Тогда он служил при одном из учреждений, занимавшихся военными поставками.

— У вас есть подтверждение?

Вяземский посмотрел на серую папку.

— Есть.

Грановский протянул руку.

— Передайте документы комиссии.

Но Вяземский не двинулся.

— Сначала прошу приобщить моё объяснение.

Воронцов задержал взгляд на секретаря.

— Запишите дословно заявление свидетеля. И отдельно укажите, что подтверждающие материалы пока не исследованы.

Грановский медленно повернулся к профессору.

— Вы понимаете, что делаете?

— Да.

— Тогда будьте осторожны.

Воронцов задержал взгляд на Вяземского.

Потом на папку.

— Именно поэтому я прошу вести протокол.

За окном ударил трамвайный звонок.

Секретарь начал писать.

И с этой минуты расследование перестало быть делом о неправильно зарегистрированном распоряжении.

Оно превратилось в проверку людей, которые сами назначили проверяющих.

* * *

Москва. Октябрь 1925 года.

Секретарь комиссии не записал фамилию сразу.

Он посмотрел на Грановского, словно услышал не показание свидетеля, а приказ, исполнение которого следовало прежде согласовать. Вяземский повторил:

— Виктор Сергеевич Ордынцев. В шестнадцатом году он передал требование заменить выписки из регистрационных журналов.

— В каком качестве? — спросил Воронцов.

— Как представитель межведомственной группы по проверке военных поставок. Он не был моим начальником и не мог отдавать мне распоряжений. Поэтому указание поступило через заведующего канцелярией.

— Назовите заведующего.

— Пётр Матвеевич Ланской. Умер в двадцать втором году.

Грановский поднял ладонь.

— Комиссия не уполномочена разбирать деятельность дореволюционных учреждений. Прошу вернуться к распоряжению сорок один дробь «О».

— Вы сами включили в опись справку апреля двадцать первого года, — возразил Воронцов. — Там стоит подпись Вяземского. Если мы выясняем происхождение документа, нужно установить, что он проверял и почему.

— Это не даёт права превращать заседание в разбирательство девятилетней давности.

— Тогда отделим показания о шестнадцатом годе от выводов по делу Крестова. Но из протокола ничего исключать не будем.

Вяземский вынул из серой папки два листа. Один был исписан от руки, другой представлял собой старую копию с канцелярским штампом.

— Вот требование, которое передали Ланскому. А вот моя запись о том, что первоначальные журналы следует сохранить до окончания проверки.

Грановский протянул руку, но Воронцов попросил сначала описать документы. Секретарь записал количество листов, вид бумаги, дату и отметки. Только после этого папка перешла к председателю.

Требование оказалось составлено без подписи Ордынцева. Внизу стояли инициалы Ланского и слова: «По сообщению В. С. О.». Воронцов заметил, что это не доказывает личного участия Ордынцева: инициалы могли означать другого человека, а сообщение могло быть передано неточно.

— Значит, вы не подтверждаете слова свидетеля? — поспешил уточнить Грановский.

— Я подтверждаю, что их нужно проверить. Утверждение и доказательство — не одно и то же.

Вяземский кивнул.

— Поэтому я сохранил ещё кое-что.

Он достал узкую бумажную полоску с номером входящей корреспонденции.

— Это корешок от расписки. Подлинные журналы в шестнадцатом году передали человеку, предъявившему удостоверение временной комиссии. Я сам вписал номер удостоверения. Получатель расписался.

На полоске виднелась фамилия: «Ордынцев».

Грановский наклонился к листу. Секретарь перестал писать.

— Вы держали это у себя девять лет? — спросил председатель.

— Сначала у себя. Потом в другом месте.

— Почему не передали в архив?

— Потому что в архиве уже лежала бумага о том, что журналы уничтожены при переезде. Я не хотел, чтобы такая же судьба постигла расписку.

Воронцов попросил не передавать подлинник без акта приёма. Грановский раздражённо приказал секретарю подготовить акт. Пока тот искал чистый бланк, профессор спросил:

— Где сами журналы?

— Не у меня, — ответил Вяземский. — В девятнадцатом году я передал их на хранение. Позднее ими занимался Крестов.

— Он видел подлинники?

— Видел часть. Остальное было опечатано.

— Кто хранил?

Вяземский посмотрел на дверь.

— Об этом я скажу в присутствии человека, которому доверят обеспечить сохранность архива. Не председателю комиссии, чьё учреждение уже однажды изымало эти бумаги.

Грановский резко закрыл папку.

— Заседание прерывается. Свидетеля прошу остаться.

— На каком основании? — уточнил Воронцов.

— Для уточнения показаний.

— Тогда прошу указать, что уточнение проводится без остальных членов комиссии по распоряжению председателя.

Грановский побагровел.

— Профессор, вам лучше покинуть помещение.

— Покину, как только получу копию протокола и удостоверюсь, что приложенные документы приняты по описи.

Пришлось ждать ещё сорок минут. За это время Грановский дважды выходил к телефону, а Вяземский сидел неподвижно, положив ладони на колени. Лишь когда секретарь принёс копию, старый канцелярист тихо сказал Воронцову:

— Вы и тогда всё понимали, Александр Николаевич. Только думали, что сумеете исправить позже.

Ответить профессору было нечего.

* * *

У выхода из здания Вяземского ждал автомобиль. Двое мужчин стояли у задней дверцы.

— Кто распорядился вас отвезти? — уточнил Воронцов.

— Мне сказали, что так будет удобнее, — ответил Вяземский.

— Куда?

Один из сопровождающих назвал адрес гостиницы для командированных сотрудников. Профессор попросил его представиться и записал фамилию в блокнот. Мужчина недовольно посмотрел на него, но удостоверение показал.

— Алексей Сергеевич, — сказал Воронцов, — если завтра вас снова вызовут, требуйте письменной повестки. И не отдавайте никаких документов без расписки.

— Вы говорите со мной так, словно я вчера поступил на службу.

— Я говорю так, потому что девять лет назад не сказал вам ничего полезного.

Вяземский уже взялся за дверцу, но задержался.

— Спросите Ордынцева о накладной номер сто восемнадцать. Не о журналах. О накладной. Если он действительно участвовал в проверке, он вспомнит.

Автомобиль уехал.

Воронцов направился к ближайшему трамваю. На остановке он заметил Семёнова. Тот стоял с газетой, хотя ветер выворачивал страницы и читать было невозможно.

— Николай, — сказал профессор, подойдя, — вы теперь наблюдаете за трамвайным сообщением?

Семёнов сложил газету.

— Я ждал вас. Рогов просит зайти.

— Где сейчас Рогов?

— Не в управлении. В больнице.

Воронцов задержал взгляд на молодого человека.

— Что с ним произошло?

— Сердце. Вчера вечером. Он велел передать, что разговор срочный.

* * *

Рогов лежал в небольшой палате, укрытый серым одеялом. Лицо его осунулось, но голос остался прежним — негромким, деловым.

— Не смотрите так, Александр Николаевич. Я пока не собираюсь предоставлять государству основание для назначения нового сотрудника.

— В таком случае перестаньте приглашать людей к больничной койке для служебных разговоров.

Рогов слабо улыбнулся.

— Вяземский выступил?

— Да. Назвал Ордынцева.

— Этого я опасался.

— Вы знали?

— Я знал, что у Ордынцева есть прошлое. У каждого оно есть. Но не думал, что оно окажется в вашей комиссии.

Воронцов сел на табурет.

— Рогов, кто дал вам указание привлечь меня к делу Крестова в двадцать четвёртом году?

— Я уже отвечал.

— Вы говорили, что это служебное поручение. Теперь мне нужен человек, который его подписал.

Рогов посмотрел на окно.

— Документ подписал я. Устное указание передал Ордынцев.

Ответ дался ему не сразу.

— Значит, он знал о Крестове ещё до моего первого заключения.

— Конечно. Но не спешите делать выводы. Он мог пытаться исправить старую историю, а мог защищать себя. Я не знаю.

— Почему вы говорите мне это сейчас?

— Потому что вчера Грановский предложил изъять из моей переписки все бумаги, связанные с делом сорок один дробь «О». Назвал это упорядочением архива.

— Вы отказали?

— Попросил письменное распоряжение. После этого у меня заболело сердце. Совпадение, разумеется.

Он попытался приподняться и поморщился.

— В нижнем ящике моего стола лежит журнал исходящих. В нём есть запись о передаче одного пакета в двадцать первом году. Пакет пришёл не через меня, но его регистрировали в управлении. Посмотрите, кому его передали.

— Почему сами не посмотрели?

— Посмотрел. Там фамилия, которую я не ожидал увидеть.

— Какая?

Рогов лишь молча возразил жестом.

— Лучше прочтите собственными глазами. Я мог ошибиться.

Воронцов уже собирался уходить, когда Рогов остановил его.

— И ещё. Не превращайте Ордынцева в виновного только потому, что он оказался удобным ответом. Вы всю жизнь требовали проверки. Требуйте её и теперь.

— Я намерен.

— Тогда, возможно, мы ещё поработаем вместе.

* * *

В управление профессор попал лишь к вечеру. Семёнов провёл его в кабинет Рогова и открыл нижний ящик. Там лежал толстый журнал с прошитыми страницами. На обложке значился 1921 год.

Запись за 29 сентября указывала: «Пакет с приложениями по проверке поставок. Передан по особому поручению. Получатель — А. С. Вяземский».

— Но Вяземский говорил, что передал журналы на хранение в девятнадцатом году, — заметил Воронцов.

Семёнов провёл пальцем по следующей строке.

— Здесь не написано, что это те же журналы.

Профессор перечитал запись. Действительно, речь шла о приложениях к проверке, а не о подлинных книгах. Вяземский мог получить их позднее, когда уже работал под чужим прикрытием.

— Вы знаете, откуда поступил пакет?

— В журнале должен быть номер входящего.

Они нашли номер. Но соответствующая запись в книге входящей корреспонденции была вырезана вместе с узкой полосой бумаги. На соседней странице остался след ножа.

— Кто имел доступ? — спросил Воронцов.

— Многие. Это старый архив.

— А когда заметили вырезанный лист?

— Сейчас.

Профессор попросил Семёнова позвать архивиста и составить акт об обнаруженном повреждении. Николай поколебался, но согласился. Они втроём описали переплёт, номера соседних записей и размеры вырезанного фрагмента. Воронцов настоял, чтобы каждый подписал акт.

Архивист, пожилой мужчина с испачканными чернилами пальцами, неожиданно сказал:

— Эту книгу запрашивали в августе.

— Кто запрашивал?

— Из комиссии по пересмотру старых материалов. Не нынешней. Другой.

— Как фамилия сотрудника комиссии?

— Не помню. Но требование должно быть в журнале выдачи.

Журнал выдачи нашёлся на верхней полке. В графе за 18 августа стояла подпись «Н. Семёнов».

Николай побледнел.

— Я не брал эту книгу.

Воронцов внимательно посмотрел на подпись.

— Это ваша?

— Нет. Похожа, но не моя.

Архивист развёл руками.

— Я выдавал книгу человеку с пропуском. Фотографии на пропуске не было. Он расписался при мне.

Профессор положил журнал на стол.

— Николай, теперь вы понимаете, зачем нужно сохранять образцы подписей?

Семёнов не ответил. Он смотрел на чужую запись своего имени так, словно впервые увидел собственное отражение в кривом зеркале.

* * *

Вечером Воронцов отправился к Ордынцеву. На этот раз его приняли без ожидания.

— Вы были на заседании, — сказал Виктор Сергеевич.

— Был. Вяземский назвал вашу фамилию.

— Мне сообщили.

— Он утверждает, что вы получили регистрационные журналы в шестнадцатом году.

— Получал материалы по поставкам. Какие именно, сейчас не скажу.

— Вы помните накладную номер сто восемнадцать?

Ордынцев замер всего на мгновение. Но профессор заметил.

— Помню, — ответил тот.

— Что в ней было?

— Отгрузка медицинского имущества. Часть товара не поступила по назначению. Проверяли расхождение.

— А почему Вяземский связывает её с регистрационными журналами?

— Потому что именно по этой накладной обнаружили подмену. Но он, видимо, не сказал вам главного.

— Чего?

Ордынцев открыл шкаф и достал папку с потрёпанным корешком.

— Подмена началась до моего участия. Я потребовал подлинники, чтобы установить, кто исправил ведомости. Мне их передали, а затем объявили, что документы утрачены. Это было ложью. Я сдал их в комиссию по акту.

— Где акт?

— Вот копия.

Воронцов прочитал документ. Дата совпадала с распиской, которую показал Вяземский. Но в акте значились не три журнала, а два.

— А третий?

Ордынцев не ответил сразу.

— Его не было в переданном комплекте.

— Вяземский утверждает обратное.

— Значит, нам придётся сравнить описи.

Профессор взглянул собеседнику в лицо.

— Вы не возражаете против проверки ваших действий?

— Возражаю против того, чтобы меня заранее объявили виновным. Проверять можете.

— Тогда объясните, почему ваше учреждение запросило моё личное дело.

Брови Ордынцева сошлись.

— Я не давал такого поручения.

— Его направили сотрудники Грановского.

— Грановский не подчиняется мне во всём, что касается оперативных материалов.

— Но возглавляет комиссию, назначенную при вашем содействии.

— Да. И это, возможно, было ошибкой.

Ордынцев устало сел.

— Александр Николаевич, я не прошу верить мне. Но и Вяземскому не верьте только потому, что он был вашим знакомым. В шестнадцатом году он действительно пытался восстановить записи. В двадцать первом — работал с Крестовым. Между этими датами есть четыре года, о которых он пока ничего не рассказал.

Профессор поднялся.

— Я намерен предложить изменить состав комиссии.

— Предлагайте.

— И отстранить Грановского от единоличного распоряжения документами.

— Это будет труднее.

— Тем более необходимо.

Ордынцев проводил его до двери.

— Скажите, Александр Николаевич, если выяснится, что Вяземский сам участвовал в подмене, вы сможете это признать?

— Если будут доказательства.

— А если выяснится, что я не участвовал?

— Тогда внесу соответствующее заключение.

— Вот за это вас и терпят, — тихо сказал Ордынцев.

Профессор не стал уточнять, кто именно.

* * *

Утром следующего дня Воронцов получил письмо от Екатерины. Она сообщала, что в школе готовятся к зиме, печи дымят, дети спорят о том, сколько лет было Петру Первому, когда он впервые увидел море. В конце она добавила, что Алексей Дмитриевич Морозов вернулся домой, но к преподаванию его пока не допустили. Он просил передать благодарность человеку, который не согласился подписать заключение против него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.